Эд Макбейн
Лед

Глава 1

Шел сильный снег.

Она закрыла за собой дверь служебного входа в театр, и тотчас в ее лицо вонзились сотни острых снежинок. Она взглянула на небо, покачала головой, словно укоряя Бога за такую погоду. Потом задумчиво подняла воротник пальто, вытянула из-под него кашне и обернула им голову. Взявшись обеими руками за края кашне под самым подбородком, она направилась по аллее к улице.

В этом городе было только два терпимых сезона, но даже они иногда преподносили отвратительные сюрпризы. Про зиму и лето следовало вообще забыть: они были или слишком теплые, или слишком холодные. Как *эта зима — пришла в ноябре вместо того месяца, в каком положено. Но в Лондоне еще хуже, думала она. Нет, в Лондоне все-таки лучше. Ну, Лондон хотя бы надежен — он всегда* отвратителен. Но и это было не совсем так. Вспоминались дни, когда она там жила, — ах, эти чудные летние деньки! Она прогуливалась по Пиккадилли, покачивая золотистым «конским хвостом», — ей тогда было девятнадцать, ей предстояло покорить весь мир! Да, лето в Лондоне…

Ноги глубоко проваливались в снег.

К счастью, сегодня вечером она надела сапоги перед уходом из дома — на спектакль. Она не думала, что пойдет снег — снегопад начался только через некоторое время после подъема занавеса, — она надела сапоги потому, что так чертовски холодно. Сапоги хоть немного защищали. Они были до колен, поверх синих джинсов, а ее длинное серое пальто, как шинель офицера кавалерии, почти касалось щиколоток. Такси не попадались. Естественно. Такой уж городок. Слишком долго провозилась она в артистической уборной, неторопливо снимая грим холодным кремом, вылезая из покрытого серебряными блестками костюма — такой надевали все танцовщицы перед заключительной сценой — и натягивая свитер, джинсы, носки, гетры и сапоги. Не следовало так долго слушать излияния Молли. У Молли опять проблемы с мужем. Он — безработный актер и, кажется, винит жену в том, что она получила роль в популярном мюзикле, а он сам продолжает обивать пороги театров. Не важно, что ее недельного жалованья хватает на квартплату и на еду. Не важно, что Молли, как все «цыганки» в этом шоу, лезет из кожи вон, исполняя довольно сложные номера шесть вечеров в неделю, не говоря про дневные спектакли в среду и субботу. Муж бранил Молли, и в уборной Молли подробно пересказывала, какие ругательства он употребляет. И приходилось все выслушивать, чтобы осторожно выбраться из уборной хотя бы к одиннадцати. Сейчас было двадцать минут двенадцатого. Остановить Молли было невозможно.

Все такси расхватала театральная публика, как только выплеснулась на улицу после вечерних спектаклей. Оставалось только идти пешком до Ласситер в надежде сесть там на углу в автобус, идущий в центр. Или можно было выбрать другое направление: дойти до улицы Стем, затем четыре квартала на восток до станции метро и там сесть на поезд в сторону центра. С северной стороны мимо театра проходила авеню, которая, вероятно, была самой пестрой в городе: здесь всегда толпились проститутки и сводники, особенно с наступлением темноты. Да… И еще снег — автобуса можно не дождаться… Нет, метро надежнее.

Когда она добралась до залитой светом Стем, то удивилась, почему там все еще толпятся люди, несмотря на неприятную погоду. На секунду она застыла на углу, размышляя, не умнее ли просто идти домой *пешком* . Всего десять кварталов. Если ехать на метро, это означает идти четыре квартала до станции и потом, когда она приедет, один квартал до ее многоэтажного дома. К тому же трудно сказать, *что* в этот поздний час

безопаснее: метро или прогулка по Стем.

«Пешком», — решила она.

Она шла характерной походкой танцовщицы — вразвалочку, ступая по-утиному. Она стала танцовщицей, когда ей исполнилось девять, — шестнадцать дет назад, включая четыре года выступлений с балетом «Садлерз-Веллз» в Лондоне. В ту пору она жила с гобоистом — молодым человеком, который никак не мог понять, почему танцовщицы так грациозны на сцене и почему так неуклюжи в быту. Быстро шагая, она улыбалась своим воспоминаниям, думала про Лондон, глупо скучая по его мокрой и хмурой зиме — зиме без упрямого холода, который сжимал своей ледяной хваткой этот город уже много месяцев. Сейчас был февраль. До весны оставалось чуть больше месяца. Но когда же наступит весна? Она стала отсчитывать шаги — столько-то шагов до угла, столько до следующего угла, там обождать у светофора, пять-шесть-семь-восемь, снова шагаем, полы ее серого пальто развеваются на ветру, вокруг кружится колючий снег, сквозь него бледно мерцает неоновая реклама на крышах.

До полуночи оставалось десять минут, когда она добралась до угла своего квартала.

В этом городе районы очень сильно отличались друг от друга. В десяти кварталах отсюда, в сторону центра, было бы крайне небезопасно стоять на углу, ожидая автобуса поздним вечером. Но здесь, на расстоянии всего полумили от театра, квартал между Стем и Ласситер был безопасным. До ее дома оставалось всего два здания, когда из темноты появился человек.

Она не видела его, но почувствовала чужое присутствие, и остановилась. У него в руке был пистолет. Ее охватил ужас. Она открыла рот, но не успела крикнуть, позвать на помощь или попросить пощады. Пистолет выстрелил, боль обожгла — пуля пробила тело под левой грудью. Она упала навзничь, на заснеженный тротуар. Кровь вытекала из раны и расползалась по серому пальто.

Убийца стоял и смотрел на нее.

Затем он бегло огляделся.

Затем наклонился и дважды выстрелил ей в лицо.

* * *

На белом снегу в сером окровавленном пальто лежала девушка.

Все еще шел снег. У тротуара припарковалась патрульная машина — красные блики проблескового сигнального фонаря падали на окровавленный снег. Два детектива из Мидтаун-Ист разглядывали убитую. Позади них двое патрульных, которые первыми ответили на вызов, устанавливали деревянные полицейские баррикады и картонные таблички: «Место преступления». Одного из детективов звали Генри Левин, он работал в полиции уже двадцать пять лет. Не мигая, смотрел он на изуродованное лицо девушки. Его напарнику было двадцать восемь. Он служил полицейским шесть лет и только недавно получил звание детектива третьей степени. Пластиковая карточка, пришпиленная к лацкану плаща, свидетельствовала, что зовут его Ральф Кумбс. На цветном фото под пластиком он был похож на мальчишку.

— Никогда ни с чем подобным не сталкивался, — сказал он.

— Да, — сказал Левин.

— А ты?

— Да-а, — потянул Левин. Он поглядел через плечо на двух патрульных, что устанавливали баррикады. Брус никак не ложился на рамы. Патрульные ругались.

— Вы долго еще будете возиться? — обратился к ним Левин.

— Эта штука никак не встает, — отозвался один из патрульных.

— Все лицо ей отстрелил, — покачав головой, сказал Кумбс.

— Подойдите сюда на минуту, — позвал патрульных Левин. — Ваши баррикады подождут.

Более крупный патрульный оставил упрямый брус партнеру, подошел к детективу и встал, уперев руки в бока.

— Кто заявил об убийстве? — спросил Левин.

— Один парень, он шел домой с работы. Живет в том же доме.

— Как его зовут?

— Не знаю. Фрэнк! — крикнул он партнеру. — Ты записал имя того парня?

— Какого парня? — крикнул в ответ партнер. Ему наконец удалось закрепить брус на рамах. Отряхивая перчатки, он подошел к детективам. — О каком парне вы говорите? — спросил он.

— О том, кто сделал заявление, — ответил Левин.

— Да, он у меня здесь, в записной книжке. Обождите минуту. — Он снял одну перчатку и стал листать записную книжку. — Не могу найти, — сказал он. — Не понимаю, куда делась эта запись.

— Но ведь он живет в одном доме с ней, — зевая, сказал Левин.

— Да.

— И именно он позвонил по «911»?

— Да. Почему вы не спросите его сами? Он там вместе с детективами из отдела тяжких преступлений.

— Неужели «тяжеловозы» уже здесь? — удивился Левин.

— Приехали еще до вас.

— Как так?

— Они совершали объезд, приняли сигнал десять двадцать девять по «верещалке».

— Пошли, — сказал партнеру Левин.

Двое детективов из отдела тяжких преступлений стояли в холле здания и беседовали с мужчиной в клетчатой куртке и синей шапочке. Он был высоким, худым и казался напуганным. Двое детективов из отдела тяжких преступлений были крупного телосложения и держались самоуверенно.

— В котором часу это было? — спросил детектив, которого звали Моноган.

— Около двенадцати тридцати, — ответил человек.

— В полпервого ночи? — переспросил другой детектив по тяжким преступлениям. Его звали Монро.

— Да, сэр.

— Как вы увидели ее?

— Я шел домой с работы. От метро.

— Вы живете здесь? — спросил Монро.

— Да, сэр.

— И вы шли домой? — уточнил Моноган.

— Да, сэр.

— От метро? — спросил Монро.

— Да, сэр.

— Кем вы работаете, что возвращаетесь так поздно?

— Я охранник в банке, — сказал человек.

— Вы приходите домой в такое время каждую ночь?

— Да, сэр. В двенадцать заступает другая смена, и на метро мне ехать полчаса. Станция метро — один квартал отсюда. От станции я всегда иду пешком.

— И тогда-то вы и нашли девушку? — спросил Моноган.

— Когда шли домой от метро? — снова уточнил Монро.

— Да, сэр.

— Посмотри, кто к нам пришел, — сказал Моноган, заметив Левина.

Монро поглядел на часы.

— Что так задержался. Генри?

— У нас был перерыв на кофе, — сказал Левин. — Не хотелось комкать процесс.

— Это кто? — спросил Моноган.

— Мой партнер. Ральф Кумбс.

— У тебя болезненный вид, Кумбс. — Монро похлопал детектива по плечу.

— Вы уверены, что сможете расследовать это дело и при этом не будете звать на помощь ваших мамочек, когда нужно будет подтереть попку? — спросил Монро.

— Во всяком случае, у каждого полицейского в Мидтаун-Ист есть собственная мать.

— Отлично! — воскликнул Моноган.

— Лучшего и желать не приходится! — подтвердил Монро.

— А это Доминик Боначио, — сказал Моноган. — Тот, кто нашел труп. По дороге домой с работы.

— От метро, — ухмыльнулся Монро.

— Верно, Боначио? — спросил Моноган.

— Да, сэр, — сказал Боначио. Он, похоже, еще больше перепугался теперь, когда подошли двое других детективов.

— Значит, вы считаете, что теперь сами будете разбираться? — спросил Левина Монро. — Официально сигнал ваш, так?

— Так, — сказал Левин.

— Если что, сразу кричите: «Мама, ко мне!» — посоветовал Монро.

— Не отморозьте ваши задницы, этой ночью холодно, — заботливо посоветовал Моноган.

— Как насчет пиццы? — спросил его Монро.

— По-моему, лучше что-нибудь китайское, — мечтательно вздохнул Моноган. — Ладно, ребята, пусть это будет ваше дело, занимайтесь. Держите нас в курсе. И ничего не упускайте.

— Будем держать вас в курсе, — сказал Левин.

Детективы из отдела тяжких преступлений кивнули. Вначале кивнул Моноган, затем кивнул Монро. Они глянули друг на друга, глянули на двух детективов из Мидтаун-Ист, глянули на Боначио и снова поглядели друг на друга.

— Ладно, пицца так пицца, — сказал Моноган, и оба полицейских вышли из здания.

— Подавитесь, — тихонько выругался Левин. Кумбс уже вытащил записную книжку.

— Как вы узнали девушку? — спросил Левин у Боначио. — Ведь лица у нее практически нет.

— Я узнал ее пальто, сэр.

— Гм, — сказал Левин.

Кумбс писал.

— Как ее зовут? — спросил Левин.

— Салли. Фамилию не знаю.

— Живет в этом доме?

— Да, сэр. На третьем этаже. Она всегда входит в лифт и выходит из лифта на третьем этаже.

— А квартиру ее не знаете?

— Нет, сэр, к сожалению.

Левин вздохнул.

— А в какой квартире вы живете, сэр?

— В шестой «В».

— Хорошо, идите спать. Мы свяжемся с вами, если будет нужно. А где расположена квартира смотрителя?

— В цокольном этаже, сэр. Рядом с лифтом.

— Хорошо, большое спасибо. Пошли, — сказал он Кумбсу.

Остальное было рутинным делом.

Они разбудили смотрителя дома и получили от него информацию, что имя убитой — Салли Андерсон. Потом они ждали, когда помощник судмедэксперта даст официальное

заключение о смерти и когда ребята из криминального отдела сделают фотографии девушки и снимут отпечатки пальцев. Потом они изучили содержимое ее наплечной сумки — после всех. Нашли записную книжку, губную помаду, пачку салфеток «Клинекс», карандаш для подведения бровей, две пластинки жевательной резинки и бумажник, в нем несколько снимков, двадцать три доллара бумажками по пять и одному и членскую карточку клуба актеров. «Скорая помощь» отвезла ее в морг, а они тем временем чертили сцену преступления.

Только позднее, уже утром, к делу подключились детектив Стив Карелла и 87-й участок.

Глава 2

«Ну вот он, — подумал Карелла. — Мой старый участок. Такой же, как был. Ничуть не изменился с тех пор, как я начал работать. Уверен: умру, а все так и останется. В точности».

Он шел от станции метро на Гровер-авеню, приближаясь к участку с западной стороны. Обыкновенно он добирался до работы на своей машине, но сегодня утром, когда проснулся, увидел, что улицы еще не очистили от снега, и решил ехать на метро. Как водится, где-то замерзла стрелка, и состав застрял как раз перед въездом в подземный туннель, на Линдблад-авеню. Пришлось ждать вместе с сотней дрожащих от стужи пассажиров, пока не устранят неисправность. Сейчас уже почти девять утра. Карелла опаздывал на один час сорок пять минут.

Было ужасно холодно. В такой холод понимаешь, почему замерзают железнодорожные стрелки. Перед Рождеством жена предложила купить ему кальсоны. В девичестве ее звали Теодора Франклин. Она шутила, что в ее крови четыре порции ирландского виски и одна — шотландского. Она сказала, что самым хорошим подарком на Рождество для теплолюбивого итальянского парня будут теплые кальсоны.

Карелла поднялся по ступенькам к деревянным дверям участка. Справа и слева от них располагались два зеленых шара — на каждом были намалеваны белые цифры «87». На одной из дверей медная ручка сохранилась со дня основания участка — с начала века. Она была отполирована до блеска ладонями посетителей — как бронзовые пальцы ног статуи святого, что стоит в соборе святого Петра, которых касаются молящиеся. Карелла взялся за ручку, открыл дверь и вошел в просторный холл, где всегда было прохладней, чем в любом другом месте в этом здании. Однако в это студеное утро здесь казалось даже уютно.

С правой стороны холла находился высокий стол дежурного, похожий на алтарь правосудия, за которым восседает судья. Однако, в отличие от алтаря правосудия, его окружали медные перила — на уровне пояса, и за столом сидел сержант Дэйв Мерчисон. По одну его руку была табличка с надписью, в соответствии с которой все посетители должны были остановиться и изложить свое дело, по другую руку — открытый гроссбух с записями (так называемой «регистрацией») всех без исключения преступников, кто появлялся здесь, будь то ночью или днем. В данную минуту Мерчисон никого не регистрировал. Мерчисон пил кофе. Толстыми пальцами он сжимал кружку — перед его круглым лицом поднимался пар. Мерчисону было за пятьдесят, он был полноват, к тому же облачен в потрепанный синий джемпер с пуговицами, от которого казался еще более толстым, чем на самом деле. Кстати сказать, полнота была нарушением устава. Мерчисон поднял глаза, когда Карелла прошел мимо него.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе утро, Дэйв, — ответил Карелла. — Как здесь идут дела?

— Внизу у нас тихо, — ответил Мерчисон. — Другое дело — этажом выше.

— Ну, так что же там? — вздохнул Карелла, минуя, наверное, в десятитысячный раз скромную, прибитую к стене белую табличку с черными буквами «Следственный отдел» и стрелочкой, указывающей на второй этаж. Наверх вели железные ступеньки, узкие и тщательно вычищенные. Шестнадцать ступенек — поворот — еще шестнадцать ступенек —

и направо в тускло освещенный коридор. Он открыл первую дверь с надписью «Комната для переодевания», прошел прямо к своему шкафу во втором ряду от входа, повернул диск цифрового замка, открыл дверцу, повесил пальто и шарф. На секунду задумался, не снять ли кальсоны. Нет, в такой холодный день и в помещении не будет слишком тепло.

Карелла вышел из раздевалки и пошел по коридору мимо деревянной скамьи слева, в который раз гадая, кто вырезал сердечко с инициалами «С. J.» на подлокотнике, мимо скамьи без спинки справа в узком алькове перед заколоченными дверями бывшей лифтовой шахты, мимо двери с надписью «Мужской туалет» и двери слева с маленькой табличкой «Канцелярия». Комната детективов находилась в конце коридора.

Вначале он увидел знакомую деревянную перегородку. С другой ее стороны он увидел письменные столы, телефоны, доску объявлений с различными фотографиями и сообщениями, светильник в виде шара, висящий на потолке, другие письменные столы и окна, забранные решетками и выходящие на улицу с фасада. Карелла окунулся в привычный гомон голосов и звуков.

Портативный радиоприемник детектива Ричарда Дженеро на краю его стола играл рок-н-ролл. Музыка означала, что лейтенанта еще нет. Карелла тотчас направился к столу Дженеро и выключил радио. Стало немного легче, но не слишком. Шум в комнате детективов, как и сам ее облик, был частью его работы. Порою ему даже казалось, что здесь, в этой комнате с трещинами на светло-зеленых стенах, уютнее, чем дома в гостиной.

Все в отделе утверждали, что Карелла превращается в коротышку, когда надевает водолазку или свитер с воротником «хомут». На самом деле он не был коротышкой. Рост его превышал шесть футов, у него были широкие плечи, узкие бедра и вид атлета — хотя спортом он не занимался. Уголки карих глаз, скошенные слегка книзу, придавали его лицу что-то восточное — в отделе шутили, что он должен быть родственником Такаши Фудживары, единственного американского японца среди детективов участка. Такаши был очень молод и восхищался Кареллой — в большей степени, чем своими никчемными двоюродными братьями. Карелла выучил, как по-японски говорить «доброе утро». Когда Такаши входил в комнату — будь то утро, день или вечер, — Карелла всегда приветствовал его «О-хай-о!». А Такаши отвечал: «Привет, брат!»

В то субботнее утро на Карелле был спортивный пиджак, а под ним — теплая водолазка. Поэтому Мейер Мейер сразу сказал ему:

— Водолазка тебя укорачивает.

— Она меня согревает, — ответил Карелла.

— Что лучше: не мерзнуть или быть высоким? — философски спросил Мейер и продолжил печатать.

Он не любил печатать — в принципе. Сегодня сосредоточиться на клавиатуре было особенно трудно. С другого конца комнаты доносились испанские ругательства, которые изрыгала беременная дама, адресуя их всему свету вообще и детективу Коттону Хейзу в частности, оттуда также звучал одобрительный хор утренних пьянчуг. Мейер терпеливо продолжал печатать, а беременная громко вопрошала, какое Кот-тон Хейз «имеет право».

Терпение Мейера было благоприобретенным навыком, и оттачивалось оно годами — до совершенства. На самом деле Мейер вовсе не был терпелив. Это качество он вырабатывал, чтобы выжить. С детства. Отец Мейера был большой шутник. Во время церемонии обрезания отец Мейера сделал объявление. Это объявление относилось к имени ребенка. Ребенка будут звать Мейер Мейер. Старик думал: это ужасно смешно. Но резнику настолько не понравился подобный юмор, что у него даже дрогнула рука. К счастью, все обошлось: он не отрезал лишнего.

Однако быть ортодоксальным евреем в совершенно нееврейском районе — не такое простое испытание, даже если вас и не зовут Мейер Мейер. Ничто не проходит бесследно. Мейер Мейер начал лысеть еще в ранней молодости. Теперь он был совсем лысым дородным человеком с голубыми глазами, чуть выше ростом, чем Карелла, даже когда Карелла не надевал водолазку. Печатая, Мейер Мейер курил сигару и думал о сигарете. Он стал курить

сигары в День отца год назад — дочь подарила ему коробку с дорогими сигарами, надеясь, что он бросит курить сигареты. Все равно то и дело он выкуривал одну-другую сигарету, но решил тем не менее покончить с ними бесповоротно. В такой день, как сегодня, он чувствовал, что терпение его на исходе и решимость отказаться от курения поколеблена.

С другого конца комнаты беременная крикнула на жаргоне путан — смеси английского с испанским:

— Сколько же ты будешь меня здесь мурыжить? В моем положении я не могу осчастливить даже слепого!

Да, положение ее было очевидным. Может быть, поэтому она казалась такой смешной четырем пьянчугам, сидящим в клетке в углу. А может быть, потому, что под черным пальто на ней ничего не было, кроме узкой полоски ткани на бедрах. Пальто не было застегнуто, и круглый живот дамы нависал над персиковыми бикини. А сверху возмущенно раскачивались налитые груди.

— Скажи мне, — обратилась она к Хейзу, ухмыляясь пьяницам в клетке, получая удовольствие от благодарных слушателей и играя на публику, — а ты заплатил бы женщине, похожей на меня? — Тут она сжала свои груди руками, выпячивая соски между указательными и средними пальцами. — Заплатил бы? А?

— Да! — крикнул пьяница из клетки.

— Полицейский, который вас арестовал, говорит, что вы предлагали ему свои услуги, — устало произнес Хейз.

— Где этот полицейский? — спросила женщина.

— Да, где он? — крикнул пьяница из клетки.

— Внизу, — ответил Хейз.

Арестовал ее Дженеро. Дженеро был ослом. Никто в здравом уме не станет арестовывать беременную проститутку. Никто в здравом уме не станет набивать клетку пьяницами в девять утра в субботу. Вечером, когда клетка понадобится, из нее будет разить блевотиной. Вначале Дженеро притащил пьяниц по одному, затем — беременную путану. Дженеро был единственным участником собственного крестового похода против пьянства и безнравственности.

— Сядь и заткнись, — сказал Хейз проститутке.

— Не слушай его, не садись! — крикнул пьяница из клетки.

— Повернись сюда, дорогая, дай нам еще раз посмотреть на них!

— Хороши, верно? — сказала проститутка, показывая груди пьяницам.

Хейз покачал головой.

Женщина снова подошла к его столу.

— Ну, что скажешь? — спросила она.

— О чем?

— Отпустишь?

— Не могу, — сказал Хейз.

— Сейчас моя духовка полна, — поглаживая круглый живот, сказала женщина. — Я расплачусь с тобой позже, когда с этим будет покончено. Договорились? — Она подмигнула. — Ладно, отпусти, — сказала она. — Ты красавчик. Мы еще повеселимся, договорились?

— Красавчик? — возмущенно крикнул один из пьяниц в клетке. — Помилуйте, леди!

— Он очень красив, этот мужичок — маленький *мучачо,* — сказала женщина и прикоснулась к подбородку Хейза, словно он был мальчиком десяти лет. На самом деле его рост был шесть футов два дюйма, а вес — двести фунтов (сейчас он не очень следил за диетой), у него были вызывающе ясные голубые глаза и ярко-рыжие волосы с сединой на левом виске. Эта седина — следствие несчастного случая, который произошел с ним, когда он работал третьим детективом в тридцатом участке. Поступил вызов — взлом квартиры с ограблением. Жертвой была истеричка: она выбежала с криком ему навстречу. В ту же минуту появился смотритель дома с ножом — он принял Хейза за грабителя, который был

уже далеко, бросился на него и полоснул по голове. Врачи сбрили волосы и зашили рану. Когда на зажившем месте снова отросли волосы, они оказались седыми.

Женщины отпускали самые разные замечания по поводу полоски седины на виске, но ни одна не называла его «красавчиком». Глядя на голые груди путаны, видя ее оценивающие глаза, ему подумалось, что, может быть, он и впрямь красавчик. И еще подумалось, что, может быть, не такая уж и плохая мысль отпустить ее сейчас и потом когда-нибудь воспользоваться ее милым предложением. Ей было лет тридцать пять, выглядела она хорошо, на его вкус, если бы не раздувшийся живот… Тело у нее стройное, длинные сильные ноги и очень хорошие груди, которые вот-вот взорвутся.

Если он отпустит ее, то Дженеро напишет кляузу или сотворит иную глупость. Трудно работать с таким человеком, как Дженеро, размышлял Хейз. Тут появился Хэл Уиллис — он притащил парочку в наручниках. Хейзу не было видно, парни это или девки — на обоих были джинсы и шерстяные лыжные маски. Пьяницы в клетке снова оживились, стали выкрикивать приветствия. Уиллис кивнул Хейзу, заметил беременную проститутку в распахнутом пальто и сказал:

— Застегните пальто, мадам. А то ваши сладости простудятся. — Затем, обращаясь к арестованным в масках, произнес: — Проходите, господа.

— Привет, Стив, — поздоровался Уиллис с Кареллой. — Сегодня мы начали работать с утра пораньше, верно я говорю? А кто у нас в клетке? Хор мормонов?

Эта шутка обрадовала пьяниц так же, как их забавляла беременная путана. Пьяницы блаженствовали. Вначале стриптиз, затем во втором действии спектакля появился комик с двумя клоунами в смешных костюмах. Пьяницы были в восторге.

— Кого ты привел? — спросил Карелла.

— Двух грабителей, — сказал Уиллис и обернулся к ним. — Присаживайтесь, ребята, — сказал он. — Не поверишь, — сказал он, обращаясь к Карелле. Затем он повернулся к печатавшему Мейеру. — Ты мне не поверишь, Мейер.

— Не поверю чему? — спросил Мейер. Его слова прозвучали как удар хлыста, и все тотчас замолчали. Беременная путана повернулась к ним и даже застегнула пальто, чтобы ее собственные формы не отвлекали от главного действия. Пьяницы прижали лица к решетке клетки, словно пойманные кровавые убийцы в кино, следящие за последними шагами последнего члена шайки перед арестом. Хейз наблюдал, Карелла наблюдал, Мейер наблюдал — все наблюдали.

Уиллис не стушевался перед огнями рампы. Стоя перед двумя скованными грабителями, он начал свой рассказ:

— Итак, еду я на работу. В багажнике — шины с шипами. Я думал поменять шины в автосервисе на углу Эйнсли и Третьей. Итак, заезжаю и прошу механика поменять шины. Только, пожалуйста, не спрашивайте, зачем я тянул до февраля. В «Альманахе фермера» было написано, что зима будет суровой. Ну, механик начал возиться с машиной, а я пошел помочиться. Извините, мадам.

— Не за что, — сказала беременная путана.

— Так вот, иду обратно и что я вижу? Эти двое стоят с пистолетами и кричат механику, чтобы открыл сейф. А механик уже наложил в штаны. Бормочет, что не знает шифр замка. А наши герои кричат, что если он не вспомнит шифр, то они разнесут ему башку. Извините, мадам. Вот такая картина открывается передо мной, когда я выхожу из уборной и застегиваю ширинку.

— И что дальше? — спросил один пьяница с живым интересом. Да, утро начиналось просто чудесно: вначале стриптиз, затем комик — отличный актер с прекрасной труппой в масках, как в традиционном японском театре.

— Скажите, к чему мне спозаранку, аж в девять утра, попытка вооруженного ограбления? — спросил Уиллис, обращаясь к кучке пьяниц в клетке. — Скажите, к чему мне вообще попытки вооруженных ограблений в любое время? — обратился он к проститутке. — Заехал на автосервис поменять шины да помочиться, а тут — эти двое грабителей.

— И что вы стали делать? — спросил пьяница. Все напряженно ждали продолжения истории.

— Я чуть было не убежал оттуда, — сказал Уиллис. — А ты бы как поступил? — спросил он Хейза. — Представь себе: ты застегиваешь штаны, и вдруг перед тобой две такие рожи.

— Я бы бросился бежать, — сказал Хейз и торжественно кивнул.

— Конечно, — сказал Уиллис. — Любой полицейский в здравом уме решил бы свалить подальше.

— Я бы тоже ретировался, — кивнув, сказал Карелла.

— И я тоже, — сказал Мейер.

— Без вопросов, — сказал Уиллис.

Он входил во вкус. Ему захотелось, чтобы пьяница снова спросил его, что случилось на автосервисе. Как любой хороший актер, он жаждал ответной реакции публики. При своем росте пять футов восемь дюймов Уиллис едва удовлетворял требованиям, которые предъявлялись к росту полицейского в этом городе, — во всяком случае, когда его принимали на работу. С тех пор многое изменилось. Теперь часто можно встретить полицейского в форме и даже детектива, который ростом не выше огнетушителя, и похож такой скорее на небольшой огнетушитель, чем на могучего стража правосудия. Но до последнего времени Уиллис наверняка был самым низеньким детективом в городе. Он был щупленьким, настороженные глаза его напоминали глаза фокстерьера, он носил с собой «специальный» пистолет тридцать восьмого калибра. Уиллис знал дзюдо так же хорошо, как уголовный кодекс, — он укладывал вора на лопатки быстрее, чем шестеро с кулаками. Ему подумалось, не бросить ли сейчас одного из парней в масках через плечо — чтобы оживить действие.

— Я вытащил пистолет, — сказал он и для наглядности извлек свой «специальный» из кобуры под мышкой и помахал им в воздухе. — А эти двое героев тотчас заорали: «Не стреляй!» И знаете, почему? Потому что их пистолеты не были заряжены! Можете себе представить? Пошли грабить, а пистолеты не зарядили!

— Не очень хорошая история, — сказал пьяница, который раньше проявлял интерес.

— Напиши заявление, что требуешь вернуть деньги за билет на спектакль в участке, — сказал Уиллис. — Присаживайтесь, ребята, — сказал он парням в масках.

— Мы скованы, как мы можем сесть? — спросил один из них.

— Садитесь на два стула, — сказал Уиллис. — Как сиамские близнецы. И снимите ваши глупые маски.

— Не снимай, — сказал один другому.

— Почему? — спросил другой.

— Мы не обязаны, — сказал первый. — Мы знаем наши конституционные права.

— Я вам сейчас покажу ваши *права,* — сказал Уиллис. — Вы меня могли застрелить, вы понимаете это?

— Как? — спросил Мейер. — Ты только что сказал, что пистолеты…

— Я хочу сказать: если бы они были заряжены, — сказал Уиллис, и тут в комнату вошел Дженеро.

— Кто выключил мое радио? — спросил он, огляделся и подошел к беременной — единственной не сидевшей в клетке из тех, кого он арестовал, — она прислонилась к столу Хейза. — Ладно, сестричка… — произнес он, и она тут же закричала. Дженеро так испугался ее крика, что даже присел со страху и заткнул уши. Казалось, он услышал вой снарядов. Пьяницы в клетке тоже перепугались. Они все принялись кричать, будто увидели крысу или летучую мышь.

Тем временем под ногами путаны расползалась лужа. Детективы, пьяницы и бандиты в масках удивленно смотрели, как из женщины хлестали воды. Пьяницы решили, что она обмочилась. Так же думали Уиллис и Хейз — холостяки. Карелла и Мейер, опытные женатые мужчины, знали, что у женщины стали отходить воды и что роды могут начаться в

любую минуту. Дженеро, обхвативший голову руками, решил, что он как-то спровоцировал женщину пописать на пол… Он испугался, что его лишат обеда и поставят в угол.

— Матерь Божья! — воскликнула женщина и схватилась за живот.

— Найди «Скорую помощь»! — крикнул Мейер Хейзу.

Хейз взял телефонную трубку.

— Мой ребеночек сейчас родится, — нежно сказала женщина и очень тихо легла на пол у стола Мейера.

— Дэйв, — сказал Хейз в телефон, — нам нужен фургон, и быстро! У нас тут беременная: вот-вот родит!

— Ты знаешь, как принимать роды? — спросил Мейер у Кареллы.

— Нет. А ты?

— Помогите мне, — произнесла женщина с тихим достоинством.

— Ради Бога, помоги ей! — воскликнул Хейз, вешая трубку.

— Я? — спросил Уиллис.

— Кто-нибудь! — сказал Хейз.

Женщина застонала. Боль, сжимавшая ей живот, исказила ее лицо.

— Надо раздобыть горячей воды, — сказал Карелла.

— Где? — спросил Уиллис.

— В канцелярии, — сказал Карелла. — Выкради немного горячей воды у Мисколо.

— Помогите, — сказала женщина снова.

Мейер присел на корточки рядом с ней. Зазвонил телефон на столе Кареллы, он снял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, Карелла на проводе, — сказал он.

— Секундочку, — сказал голос на другом конце. — Ральф, возьми, пожалуйста, другую трубку!

Пьяницы в клетке приумолкли. Прижавшись лицами к решетке, они наблюдали, как Мейер склонился над беременной. Они пытались расслышать его шепот. Женщина снова застонала. На этот раз они не стали добавлять свои выкрики к ее стонам. Стоны, выходившие из нее, не были стонами злобы. Это было нечто другое. Притихшие пьяницы уважительно слушали.

— Извини за беспокойство, — сказал голос в трубке. — Говорит Левин, Мидтаун-Ист. Тут застрелили девушку по имени…

— Послушай, — сказал Карелла, — можешь перезвонить попозже? У нас здесь чрезвычайное происшествие.

— А я докладываю об *убийстве,* — сказал Левин, будто одно это слово должно было освободить дорогу для решительных действий. Будто, услышав это слово, каждый должен был все бросить и взяться за оружие. И Левин был прав.

— Выкладывай, — сказал Карелла.

— Имя девушки — Салли Андерсон, — сказал Левин. — Говорит тебе что-нибудь?

— Ничего, — ответил Карелла и осмотрелся. Уиллис вернулся из канцелярии не только с горячей водой от Мисколо, но и с самим Мисколо. Мисколо встал на корточки рядом с женщиной, лежавшей на полу. Карелла понял, что Мисколо и Мейер решили попробовать принять роды.

— Почему я звоню?.. — сказал Левин. — Потому что подозреваю, что это как-то связано с вашим случаем.

Карелла положил перед собой блокнот и взял карандаш. Он не мог отвести взгляда от того, что происходило в комнате.

— Мне звонили из отдела баллистики десять минут назад, — сказал Левин. — Звонил некий Дорфсман, неглупый субъект. По поводу пуль, что извлекли из груди и головы девушки. А вы расследуете преступление, связанное со «смит-и-вессоном» тридцать восьмого калибра?

— Да, — сказал Карелла.

— Это убийство. То, что вы расследуете. Вы посылали пули на экспертизу Дорфсману, верно?

— Да, — подтвердил Карелла. Он записывал и поглядывал на беременную.

— Эти пули идентичны с теми, что извлекли из той девушки.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Дорфсман не ошибается. В обоих убийствах стреляли из одного ствола.

— Гм… — Карелла задумался.

Посреди комнаты Мисколо сказал:

— Дыши!

— Сильнее, — сказал Мейер.

— Как скажешь, — сказал Мисколо.

— Итак, я хочу знать, кто займется этим? — спросил Левин.

— Ты уверен, что это тот же ствол?

— Нет сомнений. Дорфсман десять раз разглядывал пули под микроскопом. Никакой ошибки. Тот же самый «смит-и-вессон».

— Мидтаун-Ист находится далеко от нас, — сказал Карелла.

— Я знаю. Я не хочу подбрасывать тебе лишнюю работу, поверь. Я просто не знаю, что следует делать по уставу в нашем случае.

— Ну, если они связаны между собой, тогда я полагаю…

— Да, они связаны. Но мы должны решить, чьи они — твои или мои? Кто будет расследовать? Я хочу сказать, что первое донесение пришло к тебе.

— Я уточню у лейтенанта, — сказал Карелла, — когда он придет.

— Я уже уточнил у моего. Он считает, что я должен передать эти дела тебе. Это не имеет отношения к тому, что у нас очень много своих дел, Карелла. Лишний жмурик нам не помеха. Просто думается, что ты уже начал работать над этим, достаточно посуетился…

— Посуетился, — согласился Карелла.

— И я не знаю, что тебе удалось найти на сегодняшний день…

— Не много. Жертва была мелким торговцем наркотиков, дилером граммов.

— А эта девушка — танцовщица, другая жертва.

— Наркотиками торговала?

— Пока ничего не знаю, Карелла. Вот почему я звоню. Если я буду расследовать, то буду разбираться. Если это твое дело, тогда я отойду в сторонку.

— Вот так, правильно, — улыбнулся Манер, стряхивая пот со лба. — Очень хорошо.

— Показалась головка, — сказал Мисколо. — Теперь можно тужиться немного сильнее.

— Вот так, — снова улыбнулся Мейер.

— Я переговорю с лейтенантом и перезвоню, — сказал Карелла. — Тем временем сможешь послать мне бумаги по этому поводу.

— Будет сделано. Я не стану тебе напоминать…

— Что первые двадцать четыре часа — самые важные, — произнес заученное правило Карелла.

— Так что если я начну действовать, то с сегодняшнего дня.

— Я тебя понял, — сказал Карелла. — Я перезвоню.

— Тужься! — крикнул Мисколо.

— Тужься! — крикнул Мейер.

— О Боже! — простонала женщина.

— Выходит, выходит! — заорал Мейер.

— О Боже, о Боже, о Боже! — стонала женщина.

— Какой красавчик! — воскликнул Мисколо.

Мейер поднял заляпанного кровью ребенка и шлепнул. Победоносный крик нарушил тишину комнаты.

— Мальчик или девочка? — спросил один из пьяниц.

Глава 3

Карелла перезвонил Левину только в десять минут двенадцатого: все это время он работал с протоколами о двух трупах. В комнате детективов стало заметно тише. Проститутку и ее новорожденную дочь «Скорая помощь» увезла в больницу. Четверо пьяниц «за пьянство в общественном месте» были посажены в машину, которая их увезла. Ликующий детектив Дженеро, вероятно, не понимал, что «пьянство в общественном месте» — это *простое нарушение* , в отличие от *мисдиминора (наименее опасные преступления) и фелонии* (тяжкие уголовные преступления), — за него сажали на пятнадцать суток. В то ясное февральское утро в комнате детективов все видели, что Дженеро тратит впустую время и пускает на ветер деньги налогоплательщиков, когда отправляет пьяниц в центр города, где судья их отпустит на свободу пинком под зад. Каждый квадратный дюйм тюремного пространства был нужен для более серьезных нарушителей, чем четверка веселых пьянчуг. Мужчины и женщина, явившиеся в комнату детективов в субботу в 11.00, как раз когда Дженеро вел к машине процессию алкашей, только покачали головой.

Женщина была детективом второй степени из особой части штабного дивизиона. Ее звали Эйлин Берк. Она иногда работала на 87-й участок — когда требовалась женщина в качестве приманки. Это означало, что Эйлин должна была разгуливать по улице как приманка для насильников и прочих дегенератов. У Эйлин были зеленые глаза и рыжие волосы; у нее были длинные-предлинные ноги, гладкие, с сильными икрами и узкими лодыжками. У Эйлин были очень красивая грудь и роскошные бедра. Рост ее был пять футов и девять дюймов. Таким образом, трудно было не заметить ее на улице, если кому-то взбрело бы на ум изнасиловать кого-нибудь. Однажды Эйлин разрабатывала преступление с Хэлом Уиллисом, где тот играл роль ее партнера, лежа с ней в одном спальном мешке в парке: оба изображали страстных любовников в сложной схеме, в которой также участвовали детективы Мейер и Клинг, переодетые в монашек, — они сидели на ближайшей скамейке.

Эйлин теперь уже не помнила, зачем она легла в мешок с Уиллисом. Она только помнила, что Уиллис все время норовил положить руку ей на задницу, в то время как она пыталась вести наблюдение за третьей скамейкой, на которой стоял обеденный судок с пятьюдесятью тысячами долларов: вместо денег в судок положили пятьдесят тысяч обрывков газет. Уиллис, исполняя роль страстного любовника, осыпал ее поцелуями, когда они обнимались в спальном мешке в тот холодный день. Ласки прекратились моментально, когда приманку в виде обеденного судка подобрал молодой хмырь и двинулся прочь по направлению к другой скамейке, на которой сидел «слепой» Дженеро. Дженеро встал, сбросил черные очки, расстегнул третью пуговицу плаща красивым движением руки — как делают детективы, которых он видел в кино, — потянулся за пистолетом и бабахнул себе в ногу. На посту в спальном мешке Уиллис сумел включить переговорное устройство, установив его между грудей Эйлин, и принялся орать Хейзу, который сидел в машине без номера на Гровер-авеню, что «рыбка» движется в его направлении… Да, думала Эйлин, всегда забавно работать на 87-й участок. Все-таки жаль, что она встречается так редко с Уиллисом. Интересно, женат ли он? И что это ей вдруг стали так часто приходить в голову мысли о замужестве? Не потому ли, что никто не прислал ей поздравительной открытки в День святого Валентина?

В следственном отделе было относительно тихо: Дженеро и все его арестованные отправились по разным направлениям (путана вырвалась из его хватки — на какое-то время). Коттон Хейз, сидя за своим письменным столом, принимал заявление от чернокожего толстяка, который утверждал, что жена обсыпает его раскаленным песком, когда он поздно приходит домой, — она считает, что он «рассекает синеву» с другой женщиной. Так он и сказал — «рассекает синеву». Хейз нашел это выражение поэтичным. Хэл Уиллис вел двух подростков в масках по дорожке, проходившей через участок рядом с камерами предварительного заключения на уровне улицы, к машине с запертыми в ней пьяницами,

которых арестовал Дженеро и которых отправляли в центр города. Подростки по-прежнему отказывались снимать лыжные маски. Один из пьяниц в машине спросил их, не готовятся ли они к вечеринке с маскарадом. Когда Уиллис передал их полицейскому в форме, который захлопнул дверцу машины за ними, Эйлин Берк уселась на край стола Уиллиса, скрестила восхитительные ноги, глянула на часы и задымила сигаретой.

— Привет, Эйлин, — сказал ей Хейз, шагая вместе с пострадавшим от раскаленного песка чернокожим толстяком прочь из комнаты детективов — видимо, направляясь в их мирный дом для встречи с разбрасывающей песок матроной. Эйлин проводила глазами Хейза. Он был рыжий, почти такой же, как она. Она подумала про себя: если оба родителя рыжие, будет ли их ребенок рыжим? Интересно, женат ли Хейз? Она стала покачивать ногой.

В трех футах от того места, где она курила сигарету и нетерпеливо покачивала ногой, Мейер говорил по телефону с женой. Он рассказывал ей, что принял роды прямо здесь, в рабочей комнате детективов, с небольшой помощью — едва значительной — от Альфа Мисколо. Последний варил кофе в канцелярии — для нужд материнства и детства кипяток больше не требовался. С другого телефона, у себя на столе, Карелла наконец связался с Левином в Мидтаун-Ист и принялся извиняться, что затянул с ответным звонком.

…Департамент полиции можно сравнить с небольшой армией, а убийство — с крупным боем во время войны. В большой армии даже мелкий бой подвергается серьезному анализу. В маленькой армии, то есть в департаменте полиции, крупный бой, то есть убийство, вовлекает в боевые действия огромное число людей. В городе, который «обороняли» эти люди, детектив участка, назначенный расследовать конкретное дело об убийстве, был тот, кто получил первое донесение, обыкновенно ему помогал любой из команды детективов, оказавшийся рядом в данный момент. Как только детектив говорил «Я взял» или «Я раскручиваю» или употреблял иное выразительное жаргонное словечко, дело официально зачислялось за ним. Это означало, что он будет вести его, пока не раскроет или не прояснит (что не одно и то же) либо пока не возденет руки в отчаянии. Но поскольку убийство было *серьезным* делом — крупным наступательным действием, так сказать, — то в департаменте полиции оно привлекало внимание целого ряда уровней, которые интересовались работой детективов. В этом городе, как только кто-то из следственного отдела брался за «хорошее» убийство или тяжкое преступление, он должен был уведомить следующих по списку:

1. Комиссара полиции.
2. Начальника розыска.
3. Окружного командира дивизиона детективов.
4. Восточное/Западное отделение тяжких преступлений, в зависимости от сектора города, где найден труп.
5. Командующих офицеров участка и отдела, где найден труп.
6. Судмедэксперта.
7. Прокурора округа.
8. Штаб-квартиру: бюро связи по телеграфу, телефону и телетайпу.
9. Лабораторию полиции.
10. Фотоотдел.

Не требовалось извещать *всех* по протоколу в субботу утром. Однако ситуация была достаточно проблематичной. Поэтому лейтенант Бернс, начальник отдела, наморщил лоб и позвонил капитану Фрику, начальнику всего 87-го участка, который, в свою очередь, помялся и затем порекомендовал Бернсу обратиться к старшему по званию в дивизионе, то есть позвонить начальнику розыска. Бернс не позвонил тому раньше, чтобы старший офицер не подумал, что он нарушает действующий порядок. Начальник розыска почесал в голове и сказал Бернсу, что за многие годы службы у него еще не было такого случая и, поскольку правила в департаменте полиции то и дело меняются, он должен проверить, какой порядок действует на сегодняшний день, затем он перезвонит Бернсу. Бернс, со своей стороны,

напомнил старшему по званию, что личный состав 87-го участка — это сознательные граждане, стоящие на страже закона и отстаивающие закон с оружием в руках, рискуя собственной жизнью. И, между прочим, Бернс заметил, что речь идет о *двух* убийствах, о двух детективах в разных частях города и что оба жаждут приняться за расследование второго, последнего, убийства (что было не совсем правдой — ни Левин, ни Карелла не горели особым желанием по этому поводу) и он будет очень благодарен, если начальник розыска перезвонит ему поскорее. Начальник розыска перезвонил только около 11.00 утра, после того как переговорил с начальником оперативного отдела, кабинет которого находился над собственным кабинетом начальника розыска в здании штаб-квартиры. Начальник розыска сказал Бернсу, что, по мнению начальника оперативного отдела, первое убийство должно стоять первым по очередности расследования; полицейский, расследующий дело, должен быть детективом, который первым получил донесение, когда бы такое ни пришло. Бернс не ведал, когда оно поступило, он просто сказал:

— Да, когда бы оно ни пришло. Спасибо, шеф. — Он повесил трубку, вызвал Кареллу к себе и сказал: — Теперь оно наше. — Он имел в виду не то, что оно на самом деле принадлежало *их* компетенции (хотя в более широком смысле это было именно так), но что оно было в *его* компетенции — Кареллы. Когда Карелла пересказал это все Левину, тот сказал:

— Желаю удачи. — И в этих двух словах прозвучало огромное облегчение.

Хэл Уиллис вернулся в комнату детективов пять минут спустя — как раз когда замерзший патрульный из Мидтаун-Ист вручал пакет, который обещал передать Левин, впервые разговаривая с Кареллой утром. Уиллис заметил Эйлин на краешке своего стола, улыбнулся и, пританцовывая, направился к ней.

— Значит, прислали *тебя?* — спросил он, ухмыляясь.

— Вот, прислали от Левина, — сказал Карелла Мейеру.

— А ты что, надеялся, что тебе пришлют Рэйчел Уэлш? — спросила Эйлин.

— Да я не жалуюсь! — хохотнул Уиллис.

— Кто кого изнасиловал на *этот* раз? — поинтересовалась Эйлин.

— Давайте не будем говорить о грязном в комнате детективов, — вытянул губу Мейер и подмигнул Карелле.

— С виду легкий конвертик, — сказал Карелла, взвешивая на руке желтый конверт из тонкой бумаги.

— Этот? — спросил патрульный.

— Этот, — подтвердил Карелла.

— А где здесь можно выпить чашку кофе? — спросил патрульный.

— Внизу в комнате отдыха кофейный автомат, — ткнул пальцем в пол Карелла.

— У меня нет мелочи. — Патрульный похлопал себя по карманам.

— Нет мелочи у молодчины! — воскликнул Мейер.

— Что? — сказал патрульный.

— Попробуйте в канцелярии, — предложил Карелла.

— Страховка оплачена? — спросил Мейер.

— Что? — переспросил патрульный, пожал плечами и пошел в сторону канцелярии.

— Где нам поговорить об этом? — спросил Уиллис у Эйлин.

— У тебя или у меня? — шутливо добавил Мейер. Он был на седьмом небе. Он только что принимал роды! Участие в акте творения подарило ему такое прекрасное настроение! — Это прачечное дело? — спросил он Уиллиса.

— Это прачечное дело, — кивнул Уиллис.

— Насильник в прачечной? — спросила Эйлин и потушила сигарету.

— Нет, это тот, кто грабил прачечные по ночам, держа персонал под дулом пистолета. Мы думали, что подсадим тебя в ту прачечную, которая у него числится следующей по плану.

— А как вы узнаете, на какую прачечную он нацелился?

— Догадаемся, — сказал Уиллис. — Имеется нечто вроде схемы.

— Массовик-затейник! — воскликнул Мейер и расхохотался. Карелла посмотрел на него. Мейер пожал плечами и перестал смеяться.

— Мы думали, что ты переоденешься в женщину с грязным бельем.

— Я никогда не надеваю грязное, — шутливо ответила Эйлин. — А ты будешь меня страховать, так?

— Да, буду тебя страховать.

— Где ты будешь находиться?

— В спальном мешке на улице, — сказал Уиллис и ухмыльнулся.

— Ясное дело, — сказала она и тоже ухмыльнулась.

— Помнишь? — спросил он.

— Память у меня, как у судьи, — сказала она.

— Мы вас двоих оставляем: разрабатывайте стратегию, — сказал Мейер. — Пошли, Стив, в комнату для допросов.

— Когда начинаем? — спросила Эйлин и закурила.

— Может, сегодня вечером? — предложил Уиллис.

В комнате для допросов Мейер с Кареллой изучали листок бумаги, который Левин прислал им в конверте.

(Не складывать бумагу вдвое, не сворачивать в трубочку)

Преступление (категория):

Тяжкое

Дело получило следующую категорию:

Тяжкое преступление

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Дополнительный отчет о заявлении (См. отчет об оперативной обстановке № 379-61-0230)

Отдел детективов: Мидтаун-Ист Участок: Мидтаун-Ист Заявление № 375-61-0241 День отчета: 13 февраля

Имя заявителя:

Доминик Боначио доносит о жертве Салли Андерсон

Адрес заявителя: 637, Норт-Кэмпбел Дата первого заявления: ТА ЖЕ

Заявитель Доминик Боначио обнаружил жертву — лежала на спине на снегу в 00.30 ночи, когда он шел домой с работы. Узнал ее по пальто, которое она носила. Пошел в свою квартиру, позвонил «911», спустился по лестнице, чтобы встретить принявших сигнал полицейских (Фрэнк О'Нил, Питер Нельсон, Мидтаун-Ист, Чарли Кар). На месте обнаружен труп. Офицер О'Нил вызвал детективов на место преступления. (См. отчет о действиях № 375-61-0230.) Детективы из отдела тяжких преступлений (Моноган и Монро) в патрульной машине ответили на вызов, прибыли на место преступления до прибытия детективов Генри Левина и Ральфа Кумбса.

Жертва идентифицирована как Салли Андерсон, белая женщина, возраст 25 лет. Волосы светлые. Глаза голубые. Предварительные измерения (до вскрытия): рост приблизительно пять футов восемь дюймов, вес приблизительно сто двадцать пять фунтов. В ожидании отчета о вскрытии обнаружено предположительно три раны: одна в левой стороне груди, две на лице. Гильз на месте преступления не найдено. Содержимое сумки девушки: губная помада, карандаш для бровей, две пластинки жевательной резинки, записная книжка с адресами, салфетки «Клинекс», бумажник с тремя фотографиями, двадцать три доллара США, карточка члена клуба актеров. Опрос квартиросъемщиков в доме № 637 по улице Норт-Кэмпбел не выявил свидетелей, но имеются показания, что жертва была танцовщицей, занятой в мюзикле под названием «Жирная задница», театр «Уэльс», 1134, Норт-Аддерлей.

Труп отправлен в морг больницы Хейли. Личные вещи остаются в ведении Мидтаун-Ист для передачи в лабораторию. Отдел баллистики: о пулях,

обнаруженных при вскрытии, докладывать безотлагательно.

Генри Левин

Детектив первой степени Генри Левин Значок № 27842 (Мидтаун-Ист)

— Напечатал все чисто, без ошибок, — сказал Мейер.

— Но в целом полезного здесь мало, — проворчал Карелла.

— Напечатал, наверное, еще до того, как позвонил Дорфсман?

— Но тот быстро справляется с баллистической экспертизой.

— Давайте посмотрим, что нам известно о другом преступлении, — предложил Мейер.

В канцелярии Альф Мисколо варил самый дурной кофе, какой можно было купить. Его едкий аромат сразу ударил в нос, когда они открыли дверь.

— День всех святых приходит и уходит, — вздохнул Мейер.

— Что ты хочешь сказать? — поинтересовался Мисколо.

— Я хочу спросить, зачем ты в кофейник кладешь лягушек и тритонов?

Мисколо рассмеялся.

— Не нравится — не пей, — сказал он и втянул воздух носом. — Это новый сорт кофе из Колумбии.

— Твой кофе пахнет, как сигары Мейера, — пояснил Карелла.

— Я отдаю ему окурки, — сказал Мейер. До него не сразу дошло, что его сигары также стали жертвой критики. — Что ты хочешь сказать? — спросил он. — Чем плохи мои сигары?

— Зачем вы пришли? Почесать языками? — спросил Мисколо.

— Нам нужно досье Пако Лопеса. — Карелла показал на полки с рядами папок.

— Это было всего несколько дней назад, верно?

— Убийство на Калвер-авеню. — Карелла кивнул. — Вечером во вторник.

— Оно еще не подшито, — сказал Мисколо.

— Так где же оно?

— Надо поискать у меня на столе. — Мисколо ткнул пальцем в ворох не подшитых к делу отчетов.

— Можешь его раскопать? — спросил Карелла.

Мисколо не ответил. Он сел в крутящееся кресло у стола и начал раскладывать бумаги.

— Жена подарила мне этот кофе в День святого Валентина, — хмуро сказал он.

— Наверное, она тебя очень любит, — предположил Мейер.

— А что тебе подарила жена?

— Валентинов день будет только завтра.

— Может быть, она подарит тебе великолепные сигары, — подначил Карелла. — Как те, что ты куришь сейчас.

— Вот *Гофредо* Лопес, *этот* тебе нужен?

— *Пако,* — сказал Карелла.

— У меня нет проблем с сигарами, — с опозданием среагировал Мейер.

— Знаешь, сколько Лопесов числится у нас в восемьдесят седьмом участке? — поднял глаза Мисколо. — У нас Лопесов столько же, сколько на свете Смитов или Джонсов.

— Во вторник застрелили только одного Лопеса. — Карелла почесал макушку.

— Мне иногда хочется, чтобы их *всех* постигла такая же участь, — сказал Мисколо.

— Лучше им всем давать по глотку твоего кофе, — заметил Мейер. — Верная смерть, как от выстрела из обреза.

— Очень смешно, — обиделся Мисколо. — Пако, где этот чертов Пако?

— Когда ты наконец подошьешь к делу все это? — спросил Мейер.

— Когда доберусь, — ответил Мисколо. — Если все наши граждане перестанут стрелять друг в друга, грабить друг друга…

— Тогда ты потеряешь работу, — усмехнулся Карелла.

— Тогда я сменю работу, — сказал Мисколо. — Прежде у меня была другая работа. Через три года буду жить в Майами.

— В Майами преступлений, конечно, не бывает. — Мейер прислонился к косяку двери.

— Никаких таких, чтобы беспокоили меня. — Мисколо энергичнее зашуршал бумагами на столе. — Сяду в лодку и буду ловить рыбу.

— Не забудь захватить с собой кофейник, — съехидничал Мейер.

— Вот, — сказал Мисколо, — Пако Лопес. Притащи обратно, когда закончишь.

— Чтобы ты подшил его в четверг — после дождичка.

— Ха-ха, — сказал Мисколо, не улыбнувшись. — Ну и юмор у тебя.

Время близилось к полудню. В комнате детективов стояла тишина. Все просматривали кучу бумаг о Пако Лопесе. Стреляли во вторник ночью, чуть более чем за семьдесят три часа до того, как из того же ствола была убита Салли Андерсон — на другом конце города. Труп девушки нашли в 00.30 утра тринадцатого; Пако Лопеса убили в 11.00 вечером девятого числа. Убитой было двадцать пять лет, она была белой, работала по найму. Лопесу было девятнадцать, он был «латинос», ранее был арестован за хранение наркотиков с намерением продажи, он избежал наказания — получил условное: тогда ему было всего пятнадцать. А теперь, поздним вечером во вторник, когда осматривали содержимое его карманов, обнаружили шесть граммов кокаина и стянутую пачку стодолларовых купюр на общую сумму тысячу сто. Казалось, между двумя трупами — очень малая связь. Но в обоих случаях стреляли из одного и того же ствола.

Дополнительные отчеты о Лопесе подтверждали, что он продолжал торговать наркотиками после первого задержания. Его уличная кличка была Эль Снорто[1]. В испанском языке такого слова не существовало, но «латиносы» или испано-язычные обитатели 87-го участка позволяли себе такого рода кислый юмор. Все, кого допрашивали Карелла и Мейер, сходились на том, что Пако Лопес — сукин сын и убили его поделом. Многие даже желали ему более мучительной смерти, не такой простой, как от двух выстрелов в грудь с близкого расстояния из ствола тридцать восьмого калибра. Одна из его бывших подружек расстегнула блузку и показала детективам ожоги от сигарет, которые Лопес оставил ей на память — на каждой груди. Даже мать Лопеса согласилась (она перекрестилась при этом), что жить на свете без него будет лучше.

Допрос известных мелких дилеров наркотиков показал, что Лопес в действительности был оператором чуть выше уровня «мула» в иерархии «вторичного распределения» кокаина, как выразился один из дилеров. У Лопеса была небольшая клиентура, которым он поставлял товар по умеренным ценам, и если ему удавалось заработать тысячу — тысячу двести в неделю, то это было много. Слушая это, Мейер и Карелла, каждый из которых зарабатывал только по две тысячи в *месяц* , задавались естественным вопросом: правильно ли они выбрали профессию? Прочие, более везучие дилеры сходились в том, что Лопес не *стоил* того, чтобы его убивать. Он не представлял угрозы ни для кого, скромно трудился в своей нише. Все высказывали предположение, что его укокошил какой-нибудь злобный псих. Может быть, Лопес стал продавать порошок более мелкими дозами, пытаясь таким образом выжать больше денег, и какой-то клиент рассердился и всадил в него пулю? Обыкновенное дело. Но как тогда кокаиновое убийство связать с убийством Салли Андерсон?

— Знаешь, о чем я жалею? — спросил Карелла.

— О чем?

— О том, что это дело попало к нам.

*** * ***

Смотритель здания на улице Норт-Кэмпбел, в котором жила Салли Андерсон, не обрадовался, когда они пришли. Его разбудили около часу ночи и допрашивали двое детективов, и потом он не мог заснуть до половины третьего, а в шесть надо было вставать

---

[1] Эль Снорто — от жаргонизма snort (англ.) — нюхать наркотики.

— выставлять на улицу мусорные баки к приезду уборочных машин, затем надо было почистить тротуар от снега, и сейчас было без десяти двенадцать, и он проголодался, хотел съесть свой ленч и не имел никакого желания разговаривать с *еще* двумя детективами, тем более что он даже не видел, что произошло, и почти не знал девушку.

— Я только знаю, что она живет в этом доме, — сказал он. — Зовут ее Салли Андерсон, она проживает в квартире «3-А». — Он говорил о девушке в настоящем времени, будто та была жива… Да если и нет — какое это имеет к нему отношение?

— Она жила здесь одна? — спросил Карелла.

— Насколько я знаю.

— Что это значит?

— Ах, эти молодухи, нынешние-то! С кем они живут? С одним хахалем, с двумя, с другой шалавой, с кошкой, с собакой, с золотой рыбкой — кто знает? Да и кому какое дело?

— Но, насколько вам известно, — терпеливо настаивал Мейер, — она жила здесь одна.

— Насколько мне известно, — сказал смотритель. Он был седым и сухопарым, он прожил всю жизнь в этом городе. И днем, и ночью бывали ограбления в этом здании, да и в других зданиях, где ему приходилось работать раньше. Преступления ему были не в новинку, и подробности его не интересовали.

— Вы позволите нам взглянуть на квартиру? — спросил Карелла.

— Пожалуйста, — ответил смотритель, проводил их наверх и отпер дверь.

Квартира была маленькая, эклектично обставленная: старинные и современные вещи бок о бок. На кожаной кушетке лежали подушки, на полу — ковер, на стенах висели забранные в рамки афиши различных представлений, в том числе ныне популярной «Жирной задницы». У двери в ванную комнату висело несколько профессиональных фотографий девушки в трико в различных балетных позах. Висел плакат балетной труппы «Садлерз-Веллз». На кухонном столе стояла бутылка белого вина. Ее календарь-ежедневник они нашли у телефона в спальне, на ночном столике рядом с кроватью — огромным королевским ложем, укрытым лоскутным одеялом.

— Ты звонил в лабораторию? — спросил Мейер.

— Они уже закончили, — кивнул Карелла и взял в руки ежедневник. Это был крупный блокнот, в котором листы соединялись при помощи пружинки: каждая страница открывала очередной день. Большая оранжевая пластмассовая скрепка играла роль закладки на странице *двенадцатое февраля* . Мейер извлек записную книжку и стал записывать, какие встречи были назначены с начала месяца. Он переписывал назначения на четверг, 4 февраля, когда в дверь позвонили. Детективы переглянулись. Карелла пошел к двери, отчасти предполагая, что пришел смотритель — потребовать ордер на обыск или что-то в этом духе. За дверью стояла девушка.

— Ах! — сказала она, увидев Кареллу.

Она посмотрела на номер на дверях, словно усомнилась, не перепутала ли квартиру. И нахмурилась. Она была высокого роста, пять футов девять дюймов, гибкая, восточного типа, с черными как ночь волосами и раскосыми глазами. Она носила черную куртку поверх синих джинсов и высокие черные сапоги. Сдвинутая набок желтая лыжная шапочка закрывала одну бровь. Длинный черно-желтый шарф свисал почти до колен.

— Я вас знаю? — спросила она.

— Не думаю, — ответил Карелла.

— Где Салли? — спросила она и стала всматриваться в квартиру. В глубине появился Мейер: он вышел из спальни и теперь стоял в гостиной. Оба были одеты в плащи. Она снова быстро взглянула на Мейера и потом на Кареллу.

— Что все это значит? — спросила она. — Что здесь происходит?

Она отступила на шаг, быстро взглянула через плечо в сторону лифта. Карелла отлично знал, о чем она думает. Двое незнакомцев в плащах, никаких признаков ее подруги Салли — она застала в квартире грабителей.

— Мы из полиции, — сказал он, чтобы она не паниковала.

— Вот так, да? — с сомнением произнесла она и снова обернулась к лифту.

Местная, решил Карелла, и почти улыбнулся. Он извлек кожаный футлярчик из кармана, открыл его и показал девушке свой значок и удостоверение.

— Детектив Карелла, — сказал он. — Восемьдесят седьмой участок. А это мой напарник, детектив Мейер.

Девушка наклонилась, чтобы разглядеть значок. Она наклонилась от пояса, не сгибая ног и спины.

Танцовщица, решил Карелла. Она выпрямилась снова и поглядела ему прямо в глаза.

— Что случилось? — спросила она. — Где Салли?

Карелла колебался.

— Скажите нам, кто вы? — сказал Карелла.

— Тина Вонг. Где Салли?

— Что вы здесь делаете, мисс Вонг? — спросил он.

— Где Салли? — снова спросила она и мимо него прошла в квартиру. По всей видимости, она бывала здесь. Вначале она прошла на кухню, затем в спальню и снова вернулась в гостиную, где ее ждали два детектива. — Где Салли? — повторила она.

— Она ждала вас, мисс Вонг? — спросил Карелла.

Девушка не ответила. Ее взгляд нервно перебегал с одного детектива на другого. Карелла не хотел говорить пока — не сейчас, — что Салли Андерсон погибла. В утренних газетах сообщения о ее смерти не было, но в дневных выпусках оно могло появиться и скорее всего уже сейчас появилось на газетных прилавках. Знает ли Тина на самом деле, что Салли погибла? Карелла хотел услышать эта от нее.

— Она ждала вас? — снова спросил он.

Девушка посмотрела на часы.

— Я пришла на пять минут раньше, — сказала она. — Все-таки скажите мне, что здесь происходит? Ее ограбили?

Эта девушка местная, подумал он. *Ограбление* всегда путают с *квартирной кражей со взломом* — только полиция умеет отличить одно от другого. В полиции путают другое — не могут отличить одну степень взлома от другой.

— Что вы собирались делать? — спросил Карелла.

— Делать?

— С мисс Андерсон.

— Перекусить и затем — в театр, — сказала Тина. — У нас дневной спектакль, в час тридцать. — Она положила руки на пояс и снова спросила: — Где она?

— Умерла, — сказал Карелла и внимательно посмотрел ей в глаза.

У нее в глазах он мог прочесть только подозрительность. Ни шока, ни внезапного горя, только подозрительность. Она поколебалась минуту и сказала:

— Вы меня обманываете.

— Если бы!

— Что значит — *умерла?* — произнесла Тина. — Я видела ее вчера вечером. *Умерла?*

— Ее труп нашли в половине первого ночи, — сказал Карелла.

Теперь у нее в глазах появилось что-то новое: она поверила. И затем запоздалый шок. И затем что-то похожее на страх.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Мы еще не знаем.

— Как? Где?

— Здесь, внизу, перед этим домом, — сказал Карелла. — Ее застрелили.

— Застрелили?

И вдруг Тина расплакалась. Детективы следили за ней. Она покопалась в сумке, которая висела у нее на плече, нашла салфетку, вытерла глаза, снова заплакала, высморкалась и снова стала плакать. Они молча смотрели. Оба чувствовали неловкость от ее слез.

— Извините, — сказала она, снова высморкалась и стала глазами искать пепельницу, куда бы выбросить скомканную салфетку. Она вытащила из сумки другую салфетку и снова приложила к глазам. — Извините, — пробормотала она.

— Насколько хорошо вы ее знали? — мягко спросил Мейер.

— Мы очень хорошие… — Она осеклась, чтобы поправиться, понимая, что заговорила о Салли Андерсон так, словно та еще жива. — Мы были очень близкими подругами, — тихо сказала она.

— Как давно вы с ней знакомы?

— С «Жирной задницы».

— Вы тоже танцовщица, мисс Вонг?

Она снова кивнула.

— И вы знакомы с ней с начала постановки этого шоу?

— Да, с тех пор как мы начали ходить на репетиции. На самом деле мы познакомились немного раньше, на прослушивании. Познакомились на первом прослушивании.

— Когда это произошло, мисс Вонг? — спросил Мейер.

— В июне.

— И с тех пор подружились?

— Она была моей лучшей подругой. — Она покачала головой. — Просто не верится.

— Вы сказали, что видели ее вчера вечером…

— Да.

— Вчера был вечерний спектакль?

— Да.

— А когда опустился занавес?

— Примерно без четверти одиннадцать. Вчера вечером представление шло немного дольше. Джои, наш комик, — не знаю, видели ли вы наше шоу…

— Не видел, — сказал Карелла.

— Не видел, — сказал Мейер.

Девушка была удивлена. Она пожала плечами.

— Джои Харт, — сказала она. — Во втором акте он довел зал до исступления и продолжал всех смешить сколько мог. Спектакль закончился на пятнадцать минут позже.

— Занавес обычно опускается в десять тридцать, верно? — спросил Мейер.

— Примерно. По-разному бывает, это зависит от публики.

— И тогда вы видели Салли Андерсон живой в последний раз?

— Нет, потом в артистической уборной, — сказала Тина.

— А еще кто был в уборной?

— Все «цыганки». Девушки.

— Цыганки?

— Танцовщицы, исполняющие роли цыганок.

— Сколько их?

— Всего нас шестнадцать. Парней и девушек. Нас было восемь в дамской артистической уборной. Пять блондинок, две черненькие и одна китаянка — я. — Она сделала паузу. — Джейми любит блондинок.

— Джейми?

— Это наш хореограф. Джейми Аткинс.

— Итак, вы были в уборной…

— Все восемь. Снимали грим, вылезали из костюмов и прочее.

— Когда вы ушли из уборной, мисс Вонг?

— Как только смогла. — Она помолчала. — У меня была назначена встреча.

— Кто оставался в уборной, когда вы ушли? — спросил Мейер.

— Только Салли и Молли.

— Молли?

— Магуайр. — Она помолчала. — Она сменила имя. Прежде ее звали Молли

Матерассо. Ну, это не самое хорошее имя для сцены, верно? — Карелла догадывался, что это неудачное имя для актера. — На самом деле оно переводится как «матрас». — Карелла знал, что это иностранное слово означает «матрас». — В общем, это была ее *девичья* фамилия. А теперь она замужем, и ее *настоящее* имя Молли Бонд, но она по-прежнему пользуется псевдонимом Молли Магуайр на сцене. Это хорошее имя. Из-за Молли Магуайрс, как вам известно. — Карелла смотрел на нее непонимающим взглядом. — Ну, было такое тайное общество в Ирландии. Примерно в 1840 году, — сказала она.

Карелла по-прежнему смотрел на нее непонимающим взором. — А позднее в Пенсильвании, — сказала она. — Как бы то ни было, когда вы слышите это имя, вам кажется, что вы его откуда-то знаете. Благодаря своему имени она всегда находит кучу работы: режиссеры и продюсеры думают: «Ба! Молли Магуайр! Вроде я ее знаю — не помню откуда». На самом деле танцовщица она никакая.

— Но в уборной, когда вы уходили, она осталась одна с Салли? — сказал Мейер.

— Да.

— В котором часу это было?

— Примерно в пять минут двенадцатого.

— О чем они говорили, вы знаете?

— Да говорила-то все Молли.

— О чем?

— О Джефри. О своем муже. Вот почему я выбралась оттуда так быстро, как только смогла. На самом деле встреча у меня была назначена только в полночь.

— Не понимаю, — сказал Мейер.

— Ну, Молли все время ссорится с мужем, и это уж очень затянулось. По мне лучше, чтобы она не рассказывала больше об этом или развелась бы наконец.

— Угу, — сказал Мейер.

— И вот тогда вы видели Салли в последний раз, верно? — спросил Карелла.

— Да, верно. Все еще не могу поверить. То есть… Господи! Мы выпили с ней по чашке кофе как раз перед половиной первого ночи.

— Так о чем же вы говорили, мисс Вонг?

— Дамский разговор, — сказала Тина и пожала плечами.

— О мужчинах? — спросил Карелла.

— Конечно, о мужчинах, — сказала Тина и снова пожала плечами.

— Она жила с кем-нибудь? — спросил Мейер.

— Не в этом смысле.

— А в каком смысле?

— Большая часть ее одежды была здесь, большая часть его одежды была там.

— Чьей одежды? — спросил Карелла.

— Тимми.

— Он ее дружок или еще что-то? — спросил Мейер.

— Или еще что-то, — сказала Тина.

— Тимми… как его фамилия? — спросил Карелла.

— Мур.

— Тимми — это уменьшительное от Тимоти?

— По-моему, да.

— Тимоти Мур, — произнес Мейер, занося имя в записную книжку. — А не знаете, где он живет?

— В центре, у самого Квортера. Он — студент медицинского факультета в университете Рэмси. Квартира его находится неподалеку от учебного заведения.

— А адреса его не знаете?

— К сожалению… — Тина пожала плечами.

— Когда вы сказали «или еще что-то»… — произнес Карелла.

— Ну, у них были такие отношения. Они были то вместе, то отдельно.

— Но у них была романтическая связь?

— Вы хотите спросить, спали ли они друг с другом?

— Да, я хочу спросить об этом.

— Да, спали, — кивнула Тина.

— Хорошо, — сказал Карелла. — Она никогда не упоминала имя Пако Лопеса?

— Нет. Кто такой Пако Лопес? Он тоже занимается шоу-бизнесом?

Карелла помедлил, но отвечать не стал.

— А Салли не употребляла наркотики?

— Не думаю.

— Никогда не говорила о наркотиках с вами?

— Вы говорите о том, чтобы изредка по чуть-чуть, или о чем?

— Я говорю о героине. — Он помолчал. — Или кокаине, — сказал он и пристально посмотрел на нее.

— Салли покуривала марихуану, — сказала Тина. — А кто нынче не курит? Но насчет остального сомневаюсь.

— Вы уверены?

— Ну, знаете, в суде я бы клятву давать не стала. Но обыкновенно, когда с кем-то делаешь шоу, отлично себе представляешь, кто чем пользуется. По-моему, Салли не употребляла никаких сильных наркотиков.

— Не хотите ли вы сказать, что некоторые члены труппы?..

— Ну, конечно.

— Угу. — Карелла утвердительно качнул головой.

— Не героин, — сказала Тина. — Но чуточку кокаина, бывает, время от времени.

— Но не Салли.

— Мне неизвестно. — Тина помолчала. — И я тоже не употребляю, если вы хотите спросить об этом.

— Я не этот вопрос хотел задать. — Карелла улыбнулся. — Салли никогда не говорила, что ей кто-нибудь угрожает письмами или звонками?

— Никогда.

— Она кому-нибудь должна деньги? Вам неизвестно об этом?

— Мне неизвестно.

— Ее ничего не беспокоило?

— Нет. То есть да.

— Что именно?

— Ничего серьезного.

— Ну так что же?

— Она хотела снова брать уроки пения, но не знала, как найти время на это. Она каждый день танцевала, вы знаете, и ходила к психиатру трижды в неделю.

— И все? Больше ее ничего не беспокоило?

— Больше она ни о чем мне не рассказывала.

— Вы не знаете, как зовут ее психиатра?

— К сожалению, нет.

— Как она ладила с остальными в труппе?

— Отлично.

— Ас руководством?

— Вы кого имеете в виду? Алана?

— Кто такой Алан?

— Наш продюсер, Алан Картер. Кого вы называете руководством? Менеджера труппы? Генерального менеджера?

— Любого из них или всех. Как она ладила с людьми, которые руководили шоу?

— По-моему, отлично, — сказала Тина и пожала плечами. — Когда шоу открывается, этих людей становится редко видно. Ну, в нашем случае, поскольку у нас такой успех,

Фредди появляется для проверки разок-другой в неделю, убедиться, что мы не стали играть с прохладцей. Но в остальном…

— Фредди?

— Наш режиссер. Фредди Карлайл.

— Как пишется это имя? — спросил Мейер, снова записывая.

— Через два «л» и «и».

— А имя продюсера?

— Алан Картер.

— Кто менеджер труппы?

— Дэнни Эпштейн.

— А генеральный менеджер?

— Луис Эберхарт.

— Нам еще надо о ком-нибудь знать? — спросил Карелла. Тина пожала плечами.

— Помощники режиссера? — спросила она. — У нас их трое. — Она снова пожала плечами. — То есть у нас в труппе всего тридцать восемь человек, а еще Бог знает сколько музыкантов, осветителей, плотников и менеджеров по инвентарю и…

— Среди них есть латиноамериканцы?

— Вообще в театре? Наверное, есть. Многих я почти не знаю. Бывает, прохожу мимо них почти голая.

Она вдруг широко улыбнулась. Но потом, видно, вспомнила, из-за чего они собрались, и улыбка исчезла с ее лица.

— А как насчет труппы? «Латиносы» в труппе были? — спросил Карелла.

— Двое из «цыган», — ответила Тина.

— Можно узнать их имена? — спросил Мейер.

— Тони Асенсио и Майк Ролдан. Ролдан не звучит по-испански, но это испанское имя. На самом деле он *Мигель* Ролдан.

— Салли питала к кому-нибудь из них особую склонность?

— «Цыгане» в шоу знают друг друга достаточно близко, — сказала Тина.

— Насколько близко она знала этих двух мужчин? — спросил Карелла.

— Так же, как и всех остальных, — сказала Тина, пожав плечами.

— Она встречалась с кем-нибудь из них в нерабочей обстановке?

— Они оба педерасты. — Тина скривила губы. — Они даже живут вместе. — Она вдруг вспомнила про дневной спектакль и глянула на часы. — О Господи! Я опаздываю, надо бежать! — И вдруг на ее лице появилось раскаяние, и показалось, что она снова расплачется. — Шоу должно продолжаться, да? — с горечью сказала она, качая головой. — Я волнуюсь об этом шоу, а Салли-то *умерла.*

Глава 4

В патрульной машине, которая стояла у тротуара, сидели двое полицейских. Они наблюдали за дракой — казалось очевидным, что святой отец берет верх над противником. Вылезать из машины не хотелось: во-первых — холодно, во-вторых — священник, как казалось, должен был победить. Ну и вообще им нравилось, как тот отделывает своего противника — «латиноса».

Здесь, на 87-м участке, иногда непросто было отличить «латиноса» (то есть «испано-язычного», как следовало писать в официальном отчете) от белого, потому что в жилах многих белых часто текло много испанской крови. Насколько патрульные знали, *священник* был также «латиносом», но кожа его была очень белой, и он был крупнее прочих латиноамериканцев. Двое патрульных удобно сидели в теплой машине и обсуждали, какой рост у священника: шесть футов три дюйма или четыре дюйма? Сколько он весит: двести сорок фунтов или меньше? Непонятно, к какой церкви он принадлежит. Ни в одной из церквей в округе священники так не одеваются… Может быть, он приехал из Калифорнии?

Они одеваются так в Калифорнии — разве нет? — на своих церемониях в Напа Вэлей. Священник носил коричневую шерстяную рясу, а голова его на макушке была выбрита, как у монаха, — круглая лысина блестела. Один из патрульных в машине спросил у другого: как называется эта коричневая штука на священнике, ну, эта, которая похожа на платье? Другой патрульный ответил, что эта штука называется *рясой* , дурачина, и тогда первый патрульный сказал: ну конечно же! Они оба были новички — работали в 87-м участке всего две недели. Потому-то они и не знали, что священник вовсе не был ни священником, ни монахом, хотя в участке он был известен под именем «брата Антония».

По всей видимости, брат Антоний вознамерился избить противника до полусмерти. А противник его был мелким бильярдным шулером, пуэрториканцем, который решил обчистить его карманы. Брат Антоний выволок негодяя из бильярдной, взял его за шкирку и швырнул на кирпичную стену соседнего жилого дома, ну, просто чтобы оглушить его для начала. Потом он взял кий и шарахнул негодяю по коленным чашечкам, но сломал он при этом не чашечки, а кий. Тогда он пустил в ход свои тяжелые кулаки и работал ими без устали, выбивая все чувства из жертвы. Патрульные наблюдали с удовольствием. Брат Антоний был весьма тучным человеком, но в тюрьме он много тренировался с гантелями, и теперь жира в теле не осталось. Бывало, он просил, чтобы его ударили в живот изо всех сил, и радостно смеялся, когда ему говорили, какой он сильный и могучий. Круглый год, даже в жаркие летние месяцы, он носил шерстяную коричневую рясу. В летние месяцы под рясой он не носил ничего. Бывало, он чуть приподнимал нижний край рясы и показывал голые ноги в сандалиях местным путанам. «Видите? — говорил он. — Больше под рясой ничего нет».

Путаны принимались охать и ахать и тянулись к рясе, чтобы приподнять ее и удостовериться в правдивости его слов. Но тут брат Антоний, посмеиваясь и пританцовывая, удалялся с грациозностью, необычной для такого тучного человека.

Зимой вместо сандалий он носил высокие армейские ботинки. И сейчас этими ботинками он втаптывал бильярдного шулера-пуэрториканца в обледенелый тротуар. Сидя в патрульной машине, двое полицейских рассуждали, не следует ли выйти и прекратить избиение, пока священник не размазал мозги шулера по льду. Им не пришлось принимать никакого решения — по радио пришел вызов «1010», и они тотчас ответили: «Выезжаем». Они отъехали от бордюра в ту минуту, когда брат Антоний наклонился над бесчувственным мошенником и извлек бумажник из его кармана. Только десять долларов принадлежали по праву брату Антонию, но он решил, что заслужил все содержимое бумажника — из-за тех неприятностей, которые тот ему причинил. Брат Антоний вынимал деньги из бумажника, когда из-за угла вышла Эмма.

Эмму все знали под прозвищем Толстуха. Все старались держаться от нее подальше, потому что у нее был вспыльчивый нрав и не только — еще у нее была острая бритва. Бритву она носила в сумке через левое плечо — чтобы было легко достать правой рукой, одним движением открыть ее и отсечь парню ухо или порезать лицо. Если ей нужны были деньги, она могла одним взмахом руки перерезать горло. Поэтому при ее появлении толпа сразу стала редеть. С другой стороны, толпа, возможно, стала редеть, потому что представление закончилось. Кому охота в холодный день стоять на одном месте и ничего не делать? Особенно здесь, где всегда холоднее, чем в любом другом квартале города.

— Привет, милый, — сказала Толстуха.

— Привет, Эмма, — ответил брат Антоний, все еще склонившись над бесчувственным шулером. Да, он отделал его весьма прилично. Тоненькая струйка крови начинала замерзать на льду под головой негодяя. Лицо его посинело. Брат Антоний бросил пустой бумажник через плечо, выпрямился в полный рост и запихал пятьсот долларов с небольшим в передний карман рясы. Он зашагал, и Эмма пошла за ним следом.

Эмме было тридцать два или тридцать три года — на шесть-семь лет больше, чем брату. Антонию. Ее полное имя было Эмма Форбс — так ее звали, когда она еще была замужем за чернокожим Джимми Форбсом. Последний погиб в перестрелке при попытке

ограбления банка: он был одним из грабителей. Человек, застреливший мужа Эммы, был охранником банка, которому в ту пору как раз исполнилось шестьдесят три года. А раньше он работал в полиции патрульным в 28-м участке в деловой части города. Он не дожил до шестидесяти *четырех* . Спустя месяц после похорон мужа, в один прекрасный апрельский вечер, когда наливаются бутоны весенних цветов, Эмма разыскала его и рассекла ему горло от уха до уха. Эмма не любила тех, кто отбирал у нее или у ее любимых нечто нужное или необходимое.

«Опера не кончится, пока Толстуха не споет», — частенько приговаривала Эмма, подкрепляя этой присказкой свои бесовские выходки. Никто не знал, что возникло раньше — это выражение или прозвище. Если рост женщины пять футов шесть дюймов и вес сто семьдесят фунтов, то естественно — особенно у нас, где уличные клички столь же распространены, как и обычные имена, — что рано или поздно такую женщину станут называть Толстухой, не вникая в ее присказку.

Брат Антоний был одним из немногих, кто знал, что на ее почтовом ящике написано «Эмма Голдберг» — это имя не следует путать с именем анархистки Эммы Голдман, которая жила задолго до рождения Эммы Голдберг. Брат Антоний был также одним из немногих, кто звал ее просто Эммой, а остальные предпочитали называть ее или *Мадам* , не смея употреблять прозвище в ее присутствии, или вообще никак. Конечно, они при этом опасались, что Эмма может обидеться и внезапно выхватить бритву из сумочки. Брат Антоний был единственным человеком в этих местах, а может быть, и во всем мире, кто считал, что Эмма Голдберг Форбс по прозвищу Толстуха — исключительно красивая женщина и к тому же весьма сексапильная.

«О вкусах не спорят», — сказал однажды брату Антонию его бывший знакомый — сразу после того, как брат Антоний признался, что Эмма, по его мнению, весьма аппетитна. Едва старый знакомый успел вымолвить свои бездумные слова, как брат Антоний стащил его с табурета и швырнул в зеркало через стойку бара, за которой они сидели. Брат Антоний не любил тех, кто пытался принизить его чувство к Эмме. Брат Антоний смотрел на нее совсем иначе — вовсе не так, как другие люди. Окружающие видели в ней крепкую приземистую «химическую» блондинку в пальто из черной материи, в черных хлопчатобумажных чулках, в синих ботинках на толстой резиновой подошве. Окружающие видели, что она носит через плечо черную сумку, а в сумке — бритву с костяной ручкой. Брат Антоний, несмотря на свой жизненный опыт, видел природные светлые кудри, окаймлявшие лицо Мадонны с прекрасными голубыми глазами, брат Антоний видел груди, как арбузы, и зад, как у лошади пивовара; брат Антоний видел толстые белые бедра и нескончаемую плоть; брат Антоний видел застенчивую, робкую, уязвимую, милую малышку, которую надо утешать и ласкать, потому что на нее безжалостно, как ураган, набрасывается враждебное общество.

Брат Антоний возбудился, когда сейчас просто шел рядом с ней. Однако не исключено, что это возбуждение происходило от глубокого удовлетворения, которое он испытывал, избив до полусмерти бильярдного шулера. Не всегда легко отделить одно чувство от другого — особенно когда на улице так холодно. Он взял Эмму под локоток и повел ее по авеню Масонов к бару в середине трех особенно грязных и убогих кварталов. Было время, когда «Улица» (как теперь называли этот отрезок) носила название «Бабьей дыры» с легкой руки ирландских иммигрантов, а позднее была прозвана черными «Лисьей тропой». С притоком пуэрториканцев улица поменяла язык, но не основную статью дохода. Пуэрториканцы называли ее «Ля Виа де Путас». Полицейские прежде называли ее «улицей проституток» — до того как вошло в моду слово «путаны». Теперь они называли ее «Спутанным небом». В общем, дело не в том, на каком языке сказать, а в том, чтобы выбрать и заплатить.

Не в самом далеком прошлом дамы, которые были хозяйками заведений, называли себя «мама такая» или «мама сякая». В ту пору «У мамы Терезы» было самым известным заведением на улице, «У мамы Кармен» — самым грязным, «У мамы Люс» подвергалось частым налетам полиции из-за той несколько экзотической любви, что дарилась за осыпающимся кирпичным фасадом. Но те далекие дни позади. Публичный дом как таковой

— это явление минувших дней. Сегодня путаны работают в массажных кабинетах и барах вдоль улицы и демонстрируют свою сноровку в гостиницах, на которых мерцают неоновые вывески. Бар, что выбрал брат Антоний, был излюбленным местечком путан и назывался «У Сэнди». Но в два часа дня большинство местных тружениц отсыпались после пятницы. За стойкой сидела единственная черная девушка в светлом парике.

— Привет, брат Антоний, — сказала она. — Здравствуйте, мадам.

— Dominus vobiscum[2], — сказал брат Антоний, рассекая воздух сверху вниз ребром ладони правой руки и затем проводя рукой горизонтальную линию, рисуя невидимый крест. Он не знал, что означают латинские слова. Но он только знал, что они помогают выстраивать тот образ, который он создавал.

«Все вещи на свете суть образы, — любил он говорить Эмме. Слова округло скатывались с его уст, а голос был глубокий и звучный. — Все на свете — иллюзия».

— Что будете пить? — спросил бармен.

— Немного красного вина, пожалуйста, — сказал брат Антоний. — А ты, Эмма?

— Джин со льдом, — сказала Эмма.

— А что пожелает другая дама? — спросил брат Антоний, указывая на черную путану со светлыми волосами. Он был при деньгах. Встреча с бильярдным шулером принесла ему прибыль в пятьсот долларов. Он попросил у бармена мелочь, пошел к музыкальному автомату и выбрал пластинку с набором мелодий рок-н-ролла. Он любил рок-н-ролл. Особенно он любил те группы, игравшие рок-н-ролл, в которых музыканты переодевались перед выходом на сцену, чтобы при случайной встрече на улице их было не узнать. Черная проститутка заказала бармену порцию виски с содовой. Когда брат Антоний проходил мимо нее к своему табурету на другом конце бара, она сказала:

— Спасибо, брат Антоний.

Бармен, он же Сэнди — владелец заведения, не слишком обрадовался брату Антонию. Ему не нравилось, что всякий раз, как брат Антоний слышал неловкое замечание, он возмущался до такой степени, что Сэнди вынужден был после этого заказывать новые зеркала. По счастью, сегодня в баре никого не было, за исключением брата Антония, его жирной шлюхи да еще — на другом конце стойки — крашеной негритянки, которой брат Антоний заказал выпивку. Так что, глядишь, до вечера обойдется без мордобития. Сэнди очень надеялся на лучшее. Сегодня была суббота. Но — хотел того Сэнди или нет — вечер готовил ему массу неприятностей.

В этих местах и прежде всего на этой улице субботний вечер никогда не был «самым одиноким вечером недели», как поется в песне. В этих местах и прежде всего на этой улице никто не страдал от одиночества, когда в кармане была зарплата за трудовую неделю. Сегодня к десяти вечера в этом баре соберется столько проституток, сколько крыс на пустыре по соседству. Здесь будут черные, белые, блондинки, брюнетки, рыжие и даже с розовыми волосами или с шевелюрой цвета лаванды. Они приходили по две, «каждой твари по паре», словно желая занять свое место в ковчеге, как представители всех видов жизни, одни — с кукольными личиками, готовые исполнить «французский поцелуй» за двадцать долларов, другие — худощавые кобылы, считавшие, что должны работать в деловом центре за плату в сто долларов за час. Только когда бар заполнится, здесь станет уютно, по-семейному. Они приходили по две, и их приветствовал Сэнди. Он понимал, что мужчины за стойкой явились сюда не ради ассортимента спиртного, а ради ассортимента плоти. И он также старался урвать свой кусок от каждой из «ночных бабочек», которым разрешалось здесь появляться, — компенсацию, как он выражался, за то, что ему приходилось отстегивать полицейским и их сержанту. В целом дела у Сэнди шли хорошо, если не говорить о неприятностях в воскресные дни. Он боялся субботы и воскресенья, хотя выручка за воскресные дни позволяла держать бар открытым в будни.

---

[2] Dominus vobiscum (лат.) — Да пребудет с вами Господь!

— Угощение за счет бара, — сказал он брату Антонию, надеясь, что взятка поможет избавиться от него к вечеру. Но вдруг ему пришло в голову, что брату Антонию может понравиться такая гостеприимность и, глядишь, он вернется сюда снова.

— Я могу за себя заплатить, — сказал брат Антоний, извлекая пачку купюр из переднего кармана рясы. Он отделил десятку и положил на стойку.

— Все равно… — начал было Сэнди, но брат Антоний молча осенил его крестным знамением. Незачем спорить с посланником Бога, решил Сэнди. Он взял десятку, пробил чек и положил мелочь на стойку перед братом Антонием. С другого конца стойки черная путана в светлом парике с кудряшками подняла бокал и сказала:

— Твое здоровье, брат Антоний!

— Dominus vobiscum! — произнес брат Антоний, поднимая свой бокал.

Эмма положила жирную руку ему на колено.

— Еще что-нибудь ты слышал? — прошептала она.

— Нет, — сказал он, покачав головой. — А ты?

— Только то, что у него была одна тысяча сто долларов в бумажнике, когда это случилось.

— Одна тысяча сто долларов! — прошептал брат Антоний.

— А также, что стреляли из пистолета тридцать восьмого калибра.

— Кто тебе сказал?

— Я слышала, как говорили об этом полицейские за обедом.

— Тридцать восьмого калибра… — произнес брат Антоний. — Одна тысяча сто долларов…

— Вот о такой «капусте» я говорю, — сказала Эмма. — О «капусте», которую дает кокаин, любимый.

Брат Антоний осторожно огляделся, желая убедиться, что ни бармен, ни негритянка не подслушивают. Бармен наклонился над стойкой и погрузился в интимную беседу с путаной. Его пальцы шарили по ее платью, гладили грудь. Брат Антоний улыбнулся.

— В результате смерти этого поросенка образовалась пустота, — сказала Эмма.

— Естественно, — сказал брат Антоний.

— В ночной пустоте уплывают клиенты. — Эмма посмотрела на него.

— Естественно, — снова сказал брат Антоний.

— Было бы неплохо заполнить эту пустоту. Унаследовать ремесло, так сказать. Выяснить, кого обслуживал тот человек, стать их кондитером и кондитершей.

— Не всем это может прийтись по вкусу, — засомневался брат Антоний.

— Я не согласна. По-моему, сморчка замочили не из-за его ремесла. Нет, любимый, я решительно не согласна с тобой.

— Тогда за что же?

— Да был ли он убит? Ты выслушаешь мою ученую догадку?

— Сделай одолжение, — сказал брат Антоний.

— Он был глупым человечком и оказался скуповат с одним из клиентов. Вот такая догадка, брат. Но, любимый, когда мы с тобой начнем продавать сладкую пудру, мы себя будем вести по-другому. Мы будем сладкими со всеми. Мы будем мистер и миссис Сладость.

— А как мы раздобудем сладкую пудру для продажи? — спросил брат Антоний.

— Давай начинать с *начала.* — Эмма погладила его по руке. — *Вначале* , найдем клиентов, а *потом* найдем сладости.

— А много ли у него было клиентов, по-твоему? — спросил брат Антоний.

— Сотни, — улыбнулась Эмма. — Возможно, тысячи. Мы разбогатеем, любимый. Мы будем ежедневно благодарить Бога за то, что кто-то убил Пако Лопеса.

— Dominus vobiscum! — сказал брат Антоний и начертил в воздухе крест.

* * *

Тимоти Мур явился в следственный отдел буквально через десять минут после того, как личные вещи Салли Андерсон были привезены патрульным из Мидтаун-Ист. В сопроводительной записке от детектива Левина говорилось, что он беседовал с поклонником девушки и тот должен прийти к ним. И вот он пришел — стоит за деревянной перегородкой и обращается к Дженеро.

— Я не занимаюсь этим делом, — отвечает Дженеро.

— Проходите сюда, сэр, — сказал Мейер. Мур кивнул, нашел защелку с внутренней стороны перегородки, открыл и прошел в комнату. Это был высокого роста угловатый молодой человек с пшеничными волосами и темно-карими глазами. Плащ на нем казался слишком легким для такой погоды, зато на шее у него был длинный полосатый шарф, а на ногах — высокие ботинки на толстой подошве.

— Детектив Карелла? — произнес он, пожимая протянутую руку.

— Я детектив Мейер. А это детектив Карелла.

— Здравствуйте, — сказал Карелла, вставая из-за стола и протягивая руку. Мур был лишь немного выше: их глаза оказались почти на одном уровне.

— Детектив Левин из Мидтаун-Ист…

— Да, сэр.

— Сказал мне, что дело передали вам.

— Так, — подтвердил Карелла.

— Я пошел к ним сразу, как узнал про Салли.

— Когда это было?

— Утром. Я узнал об этом утром.

— Присядьте. Кофе не желаете?

— Нет, спасибо. Я отправился туда около десяти часов, сразу, как услышал новости по радио.

— Где вы находились, мистер Мур?

— В своей квартире.

— И где это?

— На улице Челси-плейс. В деловой части города, рядом с университетом Рэмси.

— Вы учитесь там на медицинском факультете?

— Да. — Казалось, Мур был удивлен, что они уже знали об этом. — Я снова заходил туда…

— Куда?

— В Мидтаун-Ист. И мистер Левин сказал мне, что дело передали вам. Так что я решил пойти к вам, просто выяснить, не могу ли быть полезен.

— Мы благодарны вам, — сказал Карелла.

— Вы давно знакомы с мисс Андерсон? — спросил Мейер.

— С июля. Мы познакомились вскоре после того, как у меня умер отец.

— При каких обстоятельствах вы познакомились?

— На вечеринке, которую я давал. Она… в ту минуту, когда я ее увидел… — Он посмотрел на свои руки. Пальцы его были длинные и тонкие, ногти чистые, как у хирурга. — Она была… очень красива. Она привлекла меня с первого взгляда.

— И вы стали встречаться…

— Да…

— В июле.

— Да. Она только что получила роль в «Жирной заднице».

— Но вместе вы не жили, — спросил Мейер. — Или жили?

— Неофициально. То есть мы не жили в одной квартире, — сказал Мур. — Но мы встречались практически каждый вечер. Мне кажется… — Он покачал головой. Детективы ждали. — Мне кажется, что если бы я был с ней *вчера* вечером… — Он снова покачал головой. — Обыкновенно я встречал ее после спектакля. А вчера… — Он снова покачал

головой. Детективы ждали. Он молчал.

— Вчера вечером… — подсказал Карелла.

— Глупо подчас складывается жизнь, — сказал Мур. — Я получал отметки все хуже и хуже. Слишком много вечеринок. И тогда на Новый год я принял решение, что хотя бы один вечер в выходные буду посвящать занятиям. В пятницу, субботу или в воскресенье. На этой неделе это была пятница.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать… Послушайте, я не знаю, кто убийца. Но, по-моему, это был какой-то сумасшедший, который столкнулся с ней случайно. Наткнулся на нее и убил, верно? Случайная жертва.

— Не исключено, — сказал Карелла.

— Итак, я хочу сказать: если бы это произошло на прошлой неделе, я бы встретил ее в пятницу вечером. Потому что на прошлой неделе я занимался дома воскресным вечером. Я помню, что она звала меня пойти с ней на вечеринку в воскресенье, а я сказал: «Нет, мне надо заниматься». Или, если взять неделю ранее, тогда я выбрал для занятий субботу. Короче говоря, почему на этой неделе выпало именно на пятницу? Ведь я мог бы встретить ее вчера у театра и тогда бы ничего не случилось?

— Мистер Мур, — сказал Мейер, — в том случае, если это не был псих…

— Скорее всего это был псих. — Мур пристукнул кулаком по колену.

— Ну хорошо, — вздохнул Мейер и взглянул на Кареллу, желая, чтобы тот сделал ему знак, следует ли рассказывать об убийстве Пако Лопеса. Но на лице Кареллы прочесть ничего было нельзя. Это означало, что рассказывать не надо. — Но мы должны изучить любую возможность. Поэтому вам может показаться, что наши вопросы не относятся к делу. Приходится тем не менее задавать их.

— Понимаю, — сказал Мур.

— Как человек, самый близкий к мисс Андерсон…

— Ну, знаете, мать ее жива, — сказал Мур.

— Она живет в нашем городе?

— Нет, в Сан-Франциско.

— У мисс Андерсон были братья или сестры?

— Нет.

— Тогда в основном…

— Да, я полагаю, вы справедливо назвали меня самым близким…

— Вы, вероятно, говорили друг с другом о чем-то откровенно?

— Да.

— Она никогда не рассказывала вам об угрозах по телефону или в письмах?

— Нет.

— Не говорила, что кто-то следит за ней?

— Нет.

— Не говорила, что кто-то прячется в здании?

— Нет.

— Она не должна была деньги кому-нибудь?

— Нет.

— А ей никто не должен был деньги?

— Не знаю.

— Она имела отношение к наркотикам?

— Нет.

— Имела отношение к любой другой противозаконной деятельности?

— Нет.

— Она не получала подарков от незнакомых людей в последнее время? — спросил Карелла.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— В театре, — сказал Карелла. — Цветы… сладости? От неизвестных почитателей?
— Она никогда не упоминала об этом.
— С ней никогда не случалось ничего у двери, которая ведет на сцену?
— А что там могло случаться?
— Не поджидал ли ее там кто-нибудь, не пытался ли заговорить, прикоснуться…
— Вы имеете в виду охотников за автографами?
— Ну, любого, кто может стать слишком агрессивным.
— Нет.
— Или кого она отвергла…
— Нет.
— Ничего такого, что вы видели или о чем она позднее рассказывала вам?
— Ничего.
— Мистер Мур, — сказал Карелла, — мы просмотрели ежедневник мисс Андерсон и распечатали ее распорядок на все дни этого месяца. Мы только что получили ее телефонную или адресную записную книжку из Мидтаун-Ист и собираемся сверить ее с фамилиями в календаре. Но вы нам очень поможете, если определите…
— С удовольствием, — согласился Мур.
Карелла открыл верхний ящик стола и вынул несколько фотокопий машинописных страниц, на которые Мисколо перепечатал записи в календаре. Одну копию он дал Муру, другую — Мейеру.
Понедельник, 1 февраля. 10.00. Танцы. 12.00. Ленч, Херби… Дженелли.
16.00. Каплан. 18.00. Бакалея. 19.30. Театр.
— Каплан — ее психиатр, — сказал Мур. — Он ходила к нему каждый понедельник, четверг и пятницу в 16 часов.
— А какое имя носит психиатр?
— По-моему, Морис.
— Не знаете, где его приемная?
— Знаю, на улице Джефферсон. Я однажды встретил ее там.
— А кто этот Херби, с которым у нее был назначен ленч?
— Херб Готлиб, ее агент.
— А где его офис?
— Где-то в Мидтауне. Неподалеку от театра.
Вторник, 2 февраля. 10.00. Танцы. 14.00. Прослушивание… Театр «Звездный».
16.30. Позвонить Матушке М. 19.30. Театр.
— Это когда она должна быть в театре, — сказал Мур. — Занавес поднимают в восемь каждый вечер, а в два — дневные спектакли. Полчаса — это тринадцать тридцать для дневных и девятнадцать тридцать для вечерних спектаклей. Это означает, что труппа прибывает в театр за полчаса до поднятия занавеса.
— А что означает это прослушивание в два часа? — спросил Карелла. — Они занимаются прослушиванием для других ролей, когда уже работают в популярном шоу?
— Конечно, постоянно, — сказал Мур.
— Здесь запланировано два звонка в неделю Матушке М., — сказал Мейер. — Это ее мать в Сан-Франциско?
— Нет, — ответил Мур. — Это моя мать. В Майами.
— Она звонила вашей матери дважды в неделю?
— Каждую неделю. Салли не очень ладила со своей матерью. Она рано ушла из дома, отправилась в Лондон учиться балету. В дальнейшем их отношения с матерью так и не наладились.
— Так что ваша мама была своего рода… «заменителем», а?
— Ну, можно так выразиться.
— Матушка М. Это означает…
— Матушка Мур, именно так.

— И так она ее называла, да?

— Да. Мы, бывало, шутили по этому поводу. От этого обращения моя мама становилась похожа на попадью или монашенку, что ли… — Он помолчал. — Кто-нибудь связался с *миссис* Андерсон? Мне кажется, ее надо известить.

— Вы не знаете, как ее имя? — спросил Карелла.

— Знаю. Ее зовут Филлис. Ее телефон должен быть в записной книжке Салли. Вы сказали, что мистер Левин послал вам…

— Да, она у нас здесь вместе с другими личными вещами Салли, с которыми лабораторные анализы уже проведены.

— А что ищут в лаборатории?

— Кто знает, *что* они ищут? — воскликнул Карелла и улыбнулся. Он-то отлично знал, что ищут в лаборатории. Ищут малейший след, который укажет на убийцу или прольет свет на жертву. На убийцу, который по-прежнему был на свободе, и чем дольше он останется на свободе, тем труднее будет найти его. И на жертву — чем больше мы узнаем о ней, все об этом человеке, тем легче будет догадаться, почему кто-то вознамерился убить его.

— Но, конечно, — сказал Мур, — ничего из личных вещей Салли не может вам подсказать, зачем какой-то псих напал на нее.

И снова никто из детективов не стал раскрывать Муру, что тот же самый «псих» убил продавца кокаина Пако Лопеса за три дня до того, как убил Салли. Детективы промолчали, они внимательно разглядывали распечатку календаря-ежедневника. Мур тоже стал смотреть в свою копию ежедневника.

Среда, 3 февраля. 10.00. Танцы. 12.00. У Антуана. 13.30. Театр.

17.00. Херби, бар Сэнди. 19.30. Театр.

— По два спектакля в среду и субботу, — сказал Мур.

— Кто такой Антуан? — спросил Карелла.

— Ее парикмахер, — сказал Мур. — Он на Южной Арундель, в шести кварталах от ее дома.

— И снова Херби, — сказал Мейер.

— Да, она часто навещала его, — сказал Мур. — Ну, агент очень важен для карьеры актрисы.

Оставшиеся девять дней между средой 3 февраля и пятницей 12 февраля, последним полным днем перед убийством, были расписаны примерно по той же схеме. Уроки танцев с понедельника по пятницу в десять утра. Каплан трижды в неделю в 16.00. Звонки матери Мура в Майами дважды в неделю. Встречи с агентом Херби по меньшей мере дважды в неделю, иногда чаще. На той страничке, где было воскресенье, 7 февраля, было начертано словечко «Дел» без указания времени перед ним, а далее: «20.00. Вечеринка. У Лонни».

— Это одна из черненьких танцовщиц в шоу, — сказал Мур. — Лонни Купер. Салли хотела, чтобы мы пошли в гости к Лонни на эту вечеринку.

— А кто такой Дел? — спросил Карелла.

— Дел?

— Ну, вот здесь она написала, — сказал Карелла. — «Дел». Ни время, ни место не указано. Просто «Дел».

— «Дел»? А, ну как же! — воскликнул Мур. — Конечно.

— Кто он такой? Или кто такая?

— Никто, — улыбнулся Мур. — Это означает «деликатесы».

— Деликатесы? — переспросил Мейер.

— «Деликатесы от Коэна», — сказал Мур. — На углу Стем и Северной Роджерс. Салли заходила туда каждое воскресенье. Покупала лососину, печенье «бейгели», сырки.

— И планировала поход в этот магазинчик в календаре?

— Ну да. Она буквально все записывала в свой календарь.

— И ходила туда каждое воскресенье?

— Да.

— В какое время?

— Ну, бывало по-разному.

— Угу, — сказал Карелла и снова стал разглядывать листок бумаги.

В четверг, 11 февраля, Салли снова отправилась к своему парикмахеру и затем вечером на встречу с человеком по имени Сэмюэл Ланг в «Двадцатом веке Фоке». За день до смерти она носила кошку к ветеринару в тринадцать часов. Ее планы по календарю не предусматривали смерти: даже в таком городе, как наш, мало кто ждет, что ни с того, ни с сего в тебя вечером кто-то пальнет из пушки. Например, она тщательно вписала «танцы» в каждый февральский рабочий день в 10.00 и так же отметила все назначенные приемы у Каплана, ее звонки дважды в неделю матери Мура и время, когда она должна была появляться в театре. На понедельник, 15 февраля, она наметила, что кошку надо забрать в 15.00.

— Мистер Мур, — обратился к парню Карелла, — надеюсь, вы не будете против, если я задам вам несколько вопросов…

— Какие угодно, — сказал Мур.

— Более личного характера, — продолжил Карелла.

— Не стесняйтесь.

— Ну, как бы это сказать… Если бы в ее жизни был еще кто-нибудь… поклонник, вы бы знали об этом? Кто-нибудь кроме вас. Ну, такой человек, кто бы мог ревновать ее к вам? Кто-то, с кем она могла быть знакома до того, как встретила вас?

— Мне это неизвестно.

— Или другая женщина?

— Нет, конечно.

— Никого не было, кто бы мог ревновать?..

— Никого.

— А как насчет ее агента Херба Готлиба? Сколько ему лет?

— Почему вы спрашиваете?

— Просто интересно, — сказал Карелла.

— Интересно что?

— Ну, знаете, она встречалась с ним часто…

— Он был ее агентом: *конечно* , она встречалась с ним часто.

— Я отнюдь не хочу намекать…

— Но вы *намекаете,* — сказал Мур. — Вначале вы спрашиваете, не было ли другого человека, даже женщины, в жизни Салли, а затем вы нацеливаетесь на этого Херба Готлиба, которому *по меньшей мере* пятьдесят пять! Как *вообще* можно поверить, что кто-то вроде Херба мог…

— Я пока что ни во что не поверил, — сказал Карелла. — Я просто изучаю возможные варианты.

И одним из возможных вариантов, как с некоторым запозданием пришло ему в голову, был сам Тимоти Мур как подозреваемый хотя бы в убийстве Салли Андерсон. Еще давным-давно Карелла узнал, что тридцать процентов всех убийств происходит внутри семей, а двадцать процентов проистекает из-за ссор между любовниками. По его собственному признанию, Тимоти Мур был любовником Салли Андерсон. И в общем, не имело значения, что он по своей воле пришел в комнату детективов — даже в две комнаты детективов, если точнее.

— На самом деле, — сказал Мур, — Херба интересуют только деньги. Салли могла бы танцевать для него голой, и ему было бы все равно. Но если бы она при этом подбрасывала в воздух золотые дублоны, он заинтересовался бы чеканкой.

Карелла решил использовать этот образ.

— Но она не стала бы делать это, верно? — спросил он.

— Делать *что?*

— Танцевать нагишом для Херба Готлиба. Или еще для кого-нибудь.

— Это вопрос?
— Это вопрос.
— Ответ — нет.
— Вы уверены?
— Абсолютно уверен.
— Никаких других мужчин и женщин в ее жизни не было?
— Никого.
— Она сказала вам об этом?
— Она не должна была говорить мне об этом. Я и так это знал.
— А как насчет вас?
— Насчет меня?
— Другие женщины были у вас?
— Нет.
— А мужчины?
— Нет.
— Так, значит, между вами это было довольно серьезно, да?
— Достаточно серьезно.
— А *сколько* серьезно бывает достаточно серьезно?
— Не понимаю, — сказал Мур.
— Что вы не понимаете?
— Я пришел сюда, чтобы помочь…
— Спасибо, мы вам благодарны.
— Не похоже, что благодарны, — обиделся Мур. — А что вы еще собираетесь спросить? Где я был вчера вечером, когда Салли убили?
— Я не собирался спрашивать об этом, мистер Мур, — возразил Карелла. — Вы уже сказали, что находились дома и занимались.
— Вы *были* дома? — нажал Мейер.
— Вы же не собирались это спрашивать, а? Я был дома.
— Весь вечер и всю ночь?
— Ну вот, поехали, — произнес Мур и закатил глаза.
— Вы были ее дружком.
— И это означает, что я убил ее, верно?
— Вы, кажется, и вопросы сами задаете, и сами же отвечаете, — не поддержал шутку Мейер. — Вы *были* дома весь вечер?
— Весь вечер.
— С вами кто-нибудь был?
— Не вполне.
— Что это значит: не вполне? Или кто-то был с вами, или никого не было. Вы были один?
— Я был один. Но я звонил по телефону другу по меньшей мере полдюжины раз.
— По какому поводу?
— По учебному материалу. Задавали друг другу вопросы.
— Он тоже студент медицинского факультета? Этот друг, которому вы звонили?
— Да.
— Как его зовут?
— Карл Лоэб.
— Где он живет?
— В Квортере.
— Адрес знаете?
— Нет, но он наверняка есть в телефонном справочнике.
— В котором часу вы звонили ему?
— В разное время, весь вечер.

— Вы звонили ему в полночь?
— Я не помню.
— А он звонил *вам* вообще вчера вечером?
— Несколько раз.
— Когда в последний раз вы разговаривали?
— Как раз перед тем, как я лег спать. Я позвонил Салли вначале, набрал ее номер…
— А до этого вы набирали ее номер?
— Конечно, то и дело.
— В прошлый вечер, о котором мы говорим.
— Да, вчера вечером. Я звонил ей то и дело.
— Вы беспокоились, что ее все не было?
— Нет.
— Почему? Когда в последний раз вы набирали ее номер?
— Около трех ночи. Как раз перед тем, как я позвонил Карлу в последний раз.
— И вам никто не ответил?
— Никто не снял трубку.
— И вы не стали беспокоиться? Три часа ночи, она не берет трубку…
— Вы говорите о театральной публике, — сказал Мур. — Это ночные люди. Три часа ночи для них еще не позднее время. В любом случае она знала, что я занимаюсь. Я решил, что у нее другие планы.
— Она не говорила, *какие* планы?
— Нет, не говорила.
— Когда вы снова позвонили ей?
— Я не звонил. Я услышал про… Когда я проснулся, я включил радио и… и… услышал… услышал…
Вдруг он прижал ладони к лицу и разрыдался. Детективы наблюдали за ним. Карелла подумал, что они слишком жестко с ним разговаривают. Мейер думал о том же. Но зачем он пришел к ним? Карелла пытался понять. О том же думал Мейер. И почему студент медицинского факультета проявил невежество в отношении вещественных доказательств, которыми могли бы обернуться личные вещи Салли после анализа в лаборатории? Разве на медицинских факультетах больше не рассказывают будущим врачам про пятна крови? Или про следы спермы? Или про обрезки ногтей? Или про волосы человека? Или про другие крохи человеческого тела или жизнедеятельности, по которым в дальнейшем можно установить личность? Мур продолжал рыдать.
— С вами все в порядке? — спросил Карелла.
Мур кивнул. Он порылся в заднем кармане брюк в поисках платка, откинув в стороны полы плаща. В правом кармане пиджака у него лежал стетоскоп. Он нашел носовой платок, высморкался, вытер глаза.
— Я любил ее.
Детективы молчали.
— А она любила меня.
Они опять промолчали.
— Я знаю, что вы умеете искать улики, я все про это знаю. Но я не имею отношения к убийству. Я пришел к вам, просто чтобы помочь. И лучше бы вы в самом деле искали негодяя, который сделал это, вместо того чтобы…
— Извините, мистер Мур, — сказал Карелла.
— Мне пора, — сказал Мур, положил платок в карман и посмотрел на настенные часы. Он встал со стула и принялся застегивать пуговицы плаща. — Мне пора. Мой телефон вы найдете в записной книжке Салли, позвонить можете вечером. А днем я в университете Рэмси.
— Спасибо за помощь, — сказал Мейер.
— Не за что. — Мур вышел из комнаты детективов.

Оба детектива посмотрели друг на друга.

— Что ты думаешь? — спросил Карелла.

— О твоих предположениях или об исполнении?

— Ну, с исполнением я переборщил, это я сам знаю, но о предположениях?

— Хорошие.

— Я и в самом деле вначале искал кого-то третьего…

— Знаю. Но если посмотреть наоборот? Так?

— Так. Некий мужчина…

— Или некая дама…

— Верно. Которая была раздражена, что Салли Андерсон встречается с Муром…

— Верно.

— Которая решила всадить в нее «маслины».

— Вероятный вариант, — сказал Мейер.

— И тогда Мур запел…

— Верно. Я просто вижу, как ворочаются колесики у тебя в голове, Стив.

— Верно. Когда я развернул все наоборот, верно?

— Верно. Ты думал: «А что, если ревнивец — Мур? Может быть, тогда он и убийца».

— Да, я думал об этом. Но потом оставил эту версию.

— А может, и не оставил. Может быть, ты немного напугал его. Нам нужно выяснить две вещи, Стив…

— Верно. Точное время, когда он говорил по телефону со своим другом Лоэбом…

— Верно, с другим студентом медицинского факультета.

— И где он был вечером во вторник, когда Лопес получал свое.

— Ты решил не связывать это с Лопесом, а?

— Я просто хотел услышать, не предложит ли Мур нам алиби на вторник.

— Послушай… Знаешь что? — воскликнул Мейер. — Кто сказал, что один и тот же ствол означает одного и того же убийцу?

— Угу? — сказал Карелла.

— Предположим, я убил кого-то вечером во вторник. Выбросил пистолет. Кто-то подобрал. Пистолет «поступил в продажу». *Ты* пошел и купил. И выстрелил из него в пятницу. И никакой связи между первым и вторым преступлением, понятно?

— Понятно, — сказал Карелла. — И ты сильно затрудняешь жизнь.

— Только потому, что я не вижу никакой связи между Пако Лопесом и Салли Андерсон.

— Понедельник — праздник, не так ли? — вдруг сказал Карелла.

— Гм?

— Понедельник.

— Что понедельник?

— День рождения Вашингтона, разве нет?

— Нет, это двадцать второе.

— Но мы отмечаем пятнадцатого числа. Мы называем его «Днем президентов».

— Какое это имеет отношение к Муру?

— Никакого. Я думаю про кошку.

— Какую кошку?

— Кошку Салли. Она собиралась пойти за кошкой в понедельник. Будет у ветеринара прием в понедельник?

— Ну, если она занесла в свой ежедневник…

— Наметила забрать ее в три часа.

— Тогда прием будет.

— Так кто пойдет за кошкой? — спросил Карелла.

— Только не я, — тотчас сказал Мейер.

— Может, Сара захочет кошку? — сказал Карелла.

— Сара не любит кошек, — сказал Мейер. Его жена не любила никаких животных. Его жена считала, что животные — это *животные.*

— Может быть, мать девушки заберет кошку? — предположил Карелла с очень серьезным видом.

— Мать девушки находится в Сан-Франциско, — сказал Мейер и посмотрел на него.

— Так кто же тогда заберет проклятую кошку? — воскликнул Карелла. Однажды он взял домой овчарку, которую унаследовал по работе. Фанни, экономка Кареллы, не одобрила собаку. Не понравилась ей собака совершенно. В его большом доме на Риверхед собаки больше не было. Мейер все еще смотрел на него.

— Просто не могу думать про эту кошку, как она сидит у ветеринара и *ждет,* — сказал Карелла, и тут зазвонил телефон. Он схватил трубку. — Восемьдесят седьмой участок, Карелла, — сказал он.

— Это Алан Картер, — произнес голос на другом конце провода.

— А, мистер Картер, очень хорошо, — сказал Карелла. — Я пытался соединиться с вами. Спасибо за ответный звонок.

— Вы насчет мисс Салли Андерсон? — спросил Картер.

— Да, сэр.

— Мне ничего не известно о ее смерти.

— Нам бы хотелось тем не менее поговорить с вами, сэр. Как ее наниматель…

— Никто меня так не называл до сих пор.

— Не понял?

— Я никогда не слышал, чтобы *продюсера* называли *нанимателем,* — сказал Картер погромче, словно Карелла в первый раз не расслышал. — В любом случае вчера я был в Филадельфии. Ее смерть явилась полной неожиданностью для меня.

— Да, сэр, не сомневаюсь, — сказал Карелла. Он помолчал. — Но *все равно* нам надо поговорить, мистер Картер.

— Мы уже разговариваем, — сказал Картер.

— При *личной* встрече, мистер Картер.

В трубке образовалась тишина. Карелла воспользовался паузой.

— Мы могли бы встретиться в три? — спросил он. — Мы много времени у вас не отнимем.

— У меня назначена встреча на три часа, — сказал Картер.

— Когда вы освободитесь, сэр?

— Сегодня у нас суббота, — сказал Картер. — Я только что от Филли, звоню из дома. Завтра воскресенье, а понедельник — праздник. Мы не можем встретиться во вторник? Или в среду? Я вернусь к Филли только поздно вечером в среду.

— Нет, сэр, — возразил Карелла. — Боюсь, мы так не можем.

— Отчего же? — удивился Картер.

— Оттого что убита девушка двадцати пяти лет, — Карелла старался говорить спокойно, — и мы хотим встретиться с вами *сегодня* , сэр, если это возможно.

Несколько секунд Картер молчал.

— В четыре часа, — сказал он наконец и назвал свой адрес.

Глава 5

Алан Картер жил в высоком многоэтажном доме, который располагался в ряду роскошных гостиниц с видом на парк Гровер-Вест. Поскольку улицы еще не полностью расчистили от снега, детективам пришлось битых полчаса петлять по кварталам, прежде чем они добрались от участка до дома Картера. Если прогноз о новом снегопаде на завтра был верным, то труд чистильщиков улиц напоминал сизифов. День был хмурым и очень холодным. Снег затвердел и плохо поддавался расчистке. Когда детективы приблизились к дому Картера, привратник в форме колол лед перед подъездом. Он работал ледорубом с

длинной ручкой. Такой инструмент мог бы послужить отличным оружием, подумал Карелла. О том же подумал и Мейер.

Другой человек в форме сидел в вестибюле за столом. Карелла и Мейер представились. Дежурный поднял трубку и произнес в телефон:

— К вам пришли мистер Карелла и мистер Мейер, сэр. — Он положил трубку на рычаг. — Проходите, пожалуйста, квартира тридцать семь.

Лифтер в форме сказал:

— Говорят, завтра опять выпадет снег.

Мейер взглянул на Кареллу.

Они вышли на третьем этаже, прошли по длинному, устланному ковром коридору к квартире Картера, нажали кнопку звонка на косяке, услышали, как в квартире раздался колокольный перезвон и затем голос:

— Заходите, дверь открыта!

Карелла открыл дверь и чуть не споткнулся о коричневый саквояж в прихожей. Он обошел его вокруг и сделал знак Мейеру, чтобы тот был осторожней, затем прошел в просторную гостиную с окнами во всю стену и видом на парк. Деревья были покрыты снегом. Небо было серое, неприветливое. Алан Картер сидел на длинном диване с бледно-зеленой, весенней обивкой. К уху он прижимал трубку телефона. Он был облачен в темно-коричневый деловой костюм и лимонного цвета сорочку. На рукавах сверкали золотые запонки. На шее был повязан шоколадно-коричневый галстук, но узел был не затянут. Верхняя пуговица сорочки была расстегнута. Внимая своему собеседнику на другом конце провода, он махнул детективам рукой, чтобы входили.

— Да, понимаю, — говорил он в трубку. — Но, Дэйв… угу, угу. — Он слушал нетерпеливо, вздыхал, хмурился, теребил клок густых седых волос на макушке. Седина была преждевременной, догадался Карелла: Картеру было лишь немногим за сорок. У него были пронзительно голубые глаза, в которых отражался бледный зимний свет. Кожа его казалась загорелой. Карелла подумал, что, вероятно, в Филадельфии теплее, чем здесь. Он никогда не бывал в Филадельфии.

— Ну, и что получила «Анни»? — говорил в трубку Картер. Он выслушал ответ и сказал: — Как раз такую позицию я и занимаю, Дэйв. Это гораздо более популярный спектакль, чем «Анни». Да, это слишком плохо. Но и разговор надо вести жесткий. Скажи Ориону, что цена не меняется. Если они не могут соответствовать, пусть уходят. Мы просто теряем время. Скажи им, Дэйв, что я могу отказаться от сделки, я не маленький мальчик, который заблудился в лесу. Так и скажи им.

Он резко повесил трубку.

— Простите, — сказал он, встал и подошел к детективам, протягивая руку. — Можно предложить вам выпить?

— Нет, спасибо, — отказался Карелла.

— Спасибо, — покачав головой, сказал Мейер.

— Да, — проворчал Картер, — просто черт знает что такое!

— Да, сэр, — сказал Карелла.

— Есть догадки, кто это сделал?

— Нет, сэр.

— Какой-нибудь псих. — Картер покачал головой и прошел к бару. Он поднял графин. — Вы уверены? — спросил он. — Нет? — Он пожал плечами, налил виски на два пальца в невысокий стакан, бросил кусочек льда и сказал: — Ваше здоровье! — Одним глотком выпил все содержимое и снова плеснул себе виски. — Филадельфия, — сказал он, покачав головой, словно простое упоминание об этом городе служило достаточным объяснением, почему надо выпить еще.

— Когда вы узнали про ее смерть, мистер Картер? — спросил Карелла.

— Когда сошел с поезда. Я купил газету на станции.

— Что вы делали в Филадельфии?

— Опробовал новую пьесу.

— Мюзикл? — спросил Мейер.

— Нет, обычная пьеса. Ужасная головная боль, — сказал Картер. — Это триллер… Вы видели «Смертельную западню»?

— Нет, — сказал Мейер.

— Нет, — сказал Карелла.

— Это похоже на «Смертельную западню». Только послабее. Не знаю, как меня уговорили поставить ее. Первый раз я ставлю обычную пьесу. — Он пожал плечами. — Когда ее привезут сюда, ее можно будет выбросить прямо на помойку. Если она вообще дойдет сюда.

— Значит, вы прочли про мисс Андерсон в газете, — напомнил Карелла.

— Да, — кивнул Картер.

— Что вы думаете об этом?

— А что я могу думать? Такой уж городок, — сказал он и вздохнул.

— Вы хорошо ее знали? — спросил Карелла.

— Очень мало. Просто еще одна танцовщица. У нас их шестнадцать в шоу. Вы наше шоу видели?

— Нет, — сказал Мейер.

— Нет, — сказал Карелла.

— Я вам закажу контрамарки, — сказал Картер. — Это хорошее шоу. Самое популярное в нашем городе.

— Кто нанял ее, мистер Картер?

— Что? А, девушку?.. Это было общее решение.

— Чье?

— Мое с Джейми и…

— Джейми?

— Это наш хореограф, Джейми Аткинс. Но… вы спрашиваете, кто вообще подбирал труппу?

— Да.

— На прослушивании был *я* , затем Фредди Карлайл, наш режиссер, Джейми и его помощник, наш музыкальный директор, представитель из клуба актеров и, по-моему, дайте вспомнить… два режиссера сцены, наш пресс-агент, наверное, и, конечно, пианист. И… Ну, конечно, композитор, и писатель.

— Писатель?

— Либреттист. Да, примерно такой состав. Это было достаточно давно. Мы начали репетировать в августе, вы знаете. Окончательный состав утрясали примерно в июле.

— Полно народу, — сказал Карелла.

— Ах, да, можно сказать, что решение принимал целый комитет. — Картер улыбнулся. — Мюзикл обходится примерно в два-три миллиона долларов, поневоле становишься осторожным.

— Итак, все эти люди собрались вместе и… Ну, что они делали? — спросил Карелла. — Голосовали?

— Не вполне. Это больше похоже на общее соглашение о финалисте, при этом хореограф имеет последнее слово, конечно. Ведь он — это тот человек, который будет работать с каждой конкретной танцовщицей.

— Сколько танцовщиц *не* получили роли?

— Тысячи. Если всех пересчитать да кандидатов из клуба актеров… то, конечно… У нас побывали все безработные актеры нашего города.

— Мисс Андерсон, вероятно, была хорошей танцовщицей, — сказал Мейер.

— Я уверен. Ведь в конце концов ее взяли на роль.

— Как она ладила с другими в труппе?

— Спросите лучше Фредди или Джейми об этом.

— Вашего режиссера или хореографа?

— Да. Но я уверен, что трений не было… Помимо обычного напряжения, которое возникает на репетиции. Я хочу сказать… Попробую объяснить.

— Сделайте одолжение, — сказал Карелла.

— Труппа любого шоу, особенно мюзикла, должна играть как тесно спаянный коллектив. Я убежден, что, если бы между мисс Андерсон и кем-либо еще в труппе возникли трения, Джейми с ней серьезно бы поговорил. Когда на карту поставлены два с половиной миллиона, артисты не имеют права проявлять дурной характер.

— Именно в такую сумму обошлась постановка «Жирной задницы»?

— Именно в такую.

— А сколько репетировали, мистер Картер?

— Шесть недель. Не считая предварительных просмотров. Мы проводили предварительные просмотры или репетиции в течение двух недель, пока не почувствовали, что можно пригласить театральных критиков.

— А вы присутствовали на всех этих репетициях?

— Не на всех. После того, как Фредди отшлифовал большую часть представления, да… Обыкновенно вначале стараешься дать своим коллегам больше свободы. Когда начинаются прогоны, продюсер — этот продюсер — старается присутствовать на всех репетициях.

— Тогда вы бы заметили трения между мисс Андерсон и другими членами труппы.

— Я не заметил никаких трений. Господа, я бы очень хотел помочь вам, поверьте. Но девушку я знал очень мало. Я даже признаюсь вам кое в чем. Когда я прочитал о ней в газете, я с трудом вспомнил, кто из танцовщиц — она.

— Понятно, — сказал Карелла.

— Рыжая малышка, да? — спросил Картер.

— Мы не осматривали тело, сэр, — сказал Карелла.

— Что? — удивился Картер.

— Мы не были на месте преступления, сэр, — пояснил Карелла.

— Тело было найдено на территории другого участка, — добавил Мейер.

— Сэр, — сказал Карелла, — нам был бы очень полезен список имен, адресов, телефонов всех в труппе и в театре, всех, с кем у мисс Андерсон могли быть даже самые незначительные контакты.

— Но вы же не собираетесь встретиться со всеми? — спросил Картер.

— *Собираемся,* — кивнул Карелла.

Картер улыбнулся.

— Я попробую показать вам, с чем это связано, — сказал он. — «Жирная задница» — это очень большое представление. У нас шесть ведущих актеров, четверо исполнителей главных ролей, шестнадцать танцоров плюс двенадцать других людей в хоре, восемнадцать рабочих сцены, двадцать шесть музыкантов, три режиссера сцены, три реквизитора, четырнадцать одевальщиц, включая костюмеров, три электрика, два плотника, один звукорежиссер, три осветителя, одна гримерша и две запасные танцовщицы.

Карелла поглядел на Мейера. Тот что-то сосредоточенно писал в блокноте.

— Итого — сто четырнадцать человек, — сказал Картер.

— Понятно, — сказал Карелла. Он помолчал. — Существует ли список их всех?

— Ну конечно, даже *несколько* списков. Один — у генерального менеджера, другой — у менеджера труппы, третий — у секретаря продюсера… Я даже думаю, что и в театре есть список. Там, где телефон у служебного входа. Там — скорее всего. Если вы выйдете у театра…

— Да, сэр, мы так и сделаем.

— На самом деле вы можете убить двух зайцев, — сказал Картер.

— Не понял? — сказал Карелла.

— То есть пока вы будете в театре…

Детективы удивленно посмотрели на него.

— Я обещал два билета другу. Но на автоответчике он мне оставил сообщение, что из-за погоды сегодня не приедет в город. — Лица детективов ничего не выражали. — Я говорю про шоу, — сказал Картер. — Может быть, вам будет интересно посмотреть? В кассе обеспечены две контрамарки.

— Ах! — сказал Карелла.

— Ух! — вздохнул Мейер.

— Ну, что думаете об этом?

— Спасибо, — замялся Мейер, — но мы с женой сегодня ждем гостей.

— А вы как?

— Ну, я как… — сказал Карелла.

— Вам понравится, будьте уверены.

— Ну, я как…

Он колебался, потому что не знал, что такое «контрамарки» и что означает «обеспечены». Но на слух это было похоже на бесплатные билеты, а у него не было желания принимать подарки от человека, который жертву убийства ростом пять футов восемь дюймов называл «рыжей малышкой». Карелла еще давным-давно понял, что если хочешь выжить как полицейский, то нужно или вообще ничего не брать, или брать все, что можно оторвать. Принять угощение в виде чашки кофе от хозяина ночной столовой? Очень хорошо. Тогда также надо принять взятку от дружелюбного укрывателя краденого, который торгует ярлычками на краденые товары каждое утро по воскресным дням. Слегка нечестный полицейский — все равно что слегка беременная женщина.

— Сколько стоят эти билеты? — спросил он.

— Нисколько для вас, — отмахнулся Картер, и Карелла подумал, что тот считает, что он напрашивается на взятку. В конце концов, он был полицейским в этом славном городе. А все полицейские всегда *загребали* — кого-то или что-то.

— Контрамарки — это бесплатные билеты? — спросил Карелла.

— Нет-нет, у нас есть инвесторы. Мы не можем раздавать билеты на популярное шоу, — сказал Картер. — Но об этих билетах уже позаботились, не беспокойтесь.

— Кто позаботился? — спросил Карелла.

— Лично я обеспечил их.

— Не понимаю, что это означает, — сказал Карелла. — «Обеспечил».

— Я лично согласился заплатить за них. Даже если они не будут востребованы.

— Востребованы?

— По закону контрамарки должны быть востребованы за сорок восемь часов до начала любого спектакля. Обеспечивая их, я, по сути, востребую их.

— Но они еще не оплачены?

— Нет, не оплачены.

— Тогда я заплачу за них сам, сэр, — успокоился Карелла.

— Ну, на самом деле…

— Я хочу посмотреть шоу, сэр, но хочу заплатить за билеты сам.

— Хорошо, как скажете. Билеты лежат в кассе на имя моего друга Роберта Харрингтона. Можете востребовать их в любое время до поднятия занавеса.

— Спасибо, — поблагодарил Карелла.

— А я позвоню на служебный вход тем временем, предупрежу, что вы зайдете насчет списка.

— Спасибо.

— Я так и не понял, что такое эти контрамарки, — сказал Манер.

— Отборные места на каждом спектакле, — пояснил Картер. — Для продюсера, режиссера, хореографа, звезд…

— Специально оставленные для них?

— Заказанные, — сказал Картер, кивая. — По контракту. Столько-то мест на каждый спектакль. Чем выше вы находитесь в иерархии, тем больше мест вам положено. Если вы не

востребуете их, разумеется, они вернутся в кассу, и их купит любой, кто пожелает.

— Век живи — век учись, — улыбнулся Мейер.

— Да, — сказал Картер и взглянул на часы.

— Еще что-нибудь? — спросил Карелла у Мейера.

— Вроде больше ничего. — Мейер закрыл блокнот.

— Тогда спасибо, сэр, — сказал Карелла. — И спасибо за то, что предложили мне места.

— Был рад, — сказал Картер.

В лифте, пока спускались вниз, детективы молчали. Лифтер, который ранее сообщил им, что завтра выпадет снег, уже выговорился. Небо казалось еще более угрожающим, когда они вышли на улицу снова. Спускалась темень. Ожидалась безлунная ночь.

— Просто хочется убедиться, что я правильно расслышал ее слова, — сказал Мейер.

— Ты про Тину Вонг?

— Да. Ведь она *сказала:* «пять блондинок, две черненькие и одна китаянка», так?

— Да, так она и сказала.

— Тогда как Картер мог решить, что Салли Андерсон — *рыжая?*

— Может быть, какая-нибудь из стажеров — рыжая.

— Может быть, я рыжий, — сказал Мейер. — Ведь Картер говорил, что, когда пошли прогоны, он присутствовал на всех репетициях?

— Да, он так сказал.

— Значит, он *знает* это проклятое шоу. С чего он взял, что там была рыжая?

— Может быть, он дальтоник, не различает цвета.

— Но ты заметил это, верно?

— Да, я заметил это.

— Я думал: почему ты не зацепился за это?

— Я хотел посмотреть, насколько далеко он зайдет.

— Да никуда он с этим не зашел. Он только старался показать нам, что он ее почти не отличал от других.

— И не исключено, что это правда, Мейер. В труппе тридцать восемь актеров. Нельзя требовать, чтобы человек помнил…

— Тридцать восемь актеров — это целый народ? — воскликнул Мейер. — У нас в участке около двухсот полицейских, и я знаю всех и каждого. По крайней мере в лицо.

— Ты опытный наблюдатель, — сказал Карелла и улыбнулся.

— Сколько сюда ехать поездом из Филадельфии? — спросил Мейер.

— Около полутора часов.

— Ничего не стоит прокатиться туда и обратно, — сказал Мейер. — Достаточно времени на то, чтобы человек здесь сделал все необходимое. Если задумал что-то здесь.

— Да, — сказал Карелла.

— Джейми любит блондинок, помнишь? — хмыкнул Мейер. — Разве не это она сказала нам? Хореограф любит блондинок. Отчего же все на свете знают это, кроме Картера? Он был здесь, когда вся *мешпоха* [3] подбирала танцовщиц. Решение комитета, помнишь?

Так как же вдруг он не может вспомнить, какого цвета у нее *волосы?* «Рыжей малышкой» назвал он ее. И вдруг его хореограф, который любит блондинок, берет к себе в шоу *рыжую* . Стив, это дурно пахнет. Говорю тебе, это дурно пахнет. А *ты* ему поверил? — Нет, — сказал Карелла.

* * *

Приобретение билетов прошло небезболезненно.

---

[3] Мешпоха (идиш) — вся большая семья.

Карелла давно не бывал на популярных спектаклях и ничего не знал о текущих ценах. Когда женщина в кассе положила перед ним белый конвертик, из которого торчали желтые билетики, ему почудилось, что он углядел цену на одном из них, но все же решил, что ошибся. Однако женщина опровергла его сомнения.

— С вас восемьдесят долларов, сэр, — сказала она. Карелла моргнул ошарашенный. Восемьдесят разделить на два — это сорок долларов за одно место! — Будете платить чеком или наличными? — спросила женщина.

Карелла не носил с собой никакой кредитной карточки. Он вообще не знал ни одного полицейского с кредитными карточками. На минуту его охватила паника. Было ли у него в бумажнике восемьдесят долларов? Оказалось, что в бумажнике лежало девяносто два доллара. Это означало, что нужно позвонить домой и попросить Тедди взять с собой немного денег на вечер. Он неохотно расставался с наличными. Хотелось надеяться, что спектакль будет незаурядный. Он пошел к телефону-автомату в холле. Фанни, экономка Кареллы, сняла трубку после четвертого гудка.

— Квартира Кареллы, — сказала она.

— Фанни, привет, это я, — сказал он. — Пожалуйста, передай кое-что Тедди. Во-первых, скажи ей, что у меня два билета на шоу под названием «Жирная задница». И я подумал, что мы можем пообедать в городе перед шоу. Я встречу ее в шесть тридцать в ресторанчике под названием «О'Мэлли», она знает его, мы бывали там раньше. Скажи ей еще, чтобы взяла побольше денег, у меня кончились.

— Сколько ей взять денег? — спросила Фанни.

— Чтобы хватило на обед.

— Я планировала сделать свиные отбивные, — сказала Фанни.

— Извини, — сказал он. — Это неожиданное мероприятие.

— Гм, — сказала Фанни.

Он представил себе, как она стоит с трубкой в руке в гостиной. Фанни Ноулс было за пятьдесят, она говорила с ирландским выговором, волосы у нее были голубые, она носила пенсне, весила около ста пятидесяти фунтов и вела хозяйство в доме Кареллы железной рукой начиная с того дня, когда она явилась сюда в качестве временного подарка от отца Тедди — десять лет назад. Фанни была профессиональной медсестрой, и первоначально ее взяли в семью только на месяц, чтобы освободить Тедди, пока она не сможет сама справляться с крошками-близнецами. Фанни по своей инициативе предложила остаться дольше и получать от них жалованье, которое они могут себе позволить выплачивать ей. Она сказала, что больше не желает измерять температуру у умирающих стариков. И вот она осталась жить с ними. Ее молчание в телефонной трубке было угрожающим.

— Фанни, извини, пожалуйста, — сказал он. — Это как бы деловой поход в театр.

— А что мне делать с дюжиной свиных отбивных?

— Сделай «касуле», — сказал он.

— Что еще за «касуле»? — спросила она с возмущением.

— Это своего рода рагу, посмотри в поваренной книге, — сказал он. — Ты передашь Тедди мою просьбу?

— Когда она придет домой, — сказала Фанни. — То есть с минуты на минуту. Ей придется бежать сломя голову, чтобы успеть на встречу с тобой в центре города в шесть тридцать.

— Ну так передашь ей?

— Передам, — сказала Фанни и повесила трубку.

Он тоже повесил трубку на рычаг, вышел из театра, нашел дорожку, которая вела к служебному входу, подошел и постучал.

Ему открыл старик и уставился на него.

— Билетная касса с передней стороны, — сказал он.

Карелла показал ему значок и удостоверение.

— Я пришел за списком.

— Каким списком?

— Всех сотрудников.

— Ах, да! Мистер Картер звонил мне. Заходите. У меня здесь есть список на доске объявлений, но отдать его я не могу, он у меня только один.

Карелла подошел к списку, который висел на стене рядом с телефоном, и посмотрел на него. Четыре машинописные страницы. Он взглянул на часы.

— Хорошо, — сказал он. — А если я заберу его и сделаю ксерокс?

— Нельзя, — сказал старик. — У меня он только один.

— Я надеялся…

— А как нам связаться с актером, если он не явился за полчаса до начала спектакля? Как тогда мы будем вызывать запасную танцовщицу, если основная заболела или с ней что-то случилось? Этот список должен постоянно быть здесь, именно там, где он находится. — Старик помолчал. — Хотите совет?

Карелла вздохнул, сел на высокий табурет у настенного телефона и начал переписывать список в свой блокнот.

* * *

Прачечная самообслуживания находилась на углу Калвер-авеню и Десятой улицы. В этом квартале на протяжении многих лет жили исключительно ирландцы, но теперь сюда пришли также черные и пуэрториканцы. Итак, различные народы плавились и переплавлялись, смешивались, как и в других точках нашего города, однако жители этого района не верили в «горнило Америки». Они считали «горнило» пустой болтовней. Пусть они ходили в одни и те же супермаркеты и магазины готового платья, пусть они заправлялись на одних и тех же бензоколонках и ездили в том же метро, пусть они носили одежду в одни и те же прачечные самообслуживания, пусть он ели гамбургеры в одних и тех же закусочных, но, когда доходило до общения, ирландцы общались с ирландцами, черные дружили с черными, а пуэрториканцы встречались с пуэрториканцами: *хватит с* нас этой болтовни про братство народов.

Эйлин Берк с ее кожей цвета персиков со сливками, рыжими волосами и зелеными глазами могла бы сойти за девушку с иберийскими корнями — именно на это они и надеялись. Если Трусоватый бандит, как остроумно прозвали его ребята из 87-го участка, ворвется в прачечную самообслуживания со своим «магнумом» калибра 0,357, увидит Эйлин и поймет, что она из полиции, то в ее груди он проделает дыру, в которую сможет пролететь бильярдный шар. Нет, Эйлин Берк не хотела превращаться в мертвую героиню. Эйлин Берк хотела стать первой женщиной — начальником розыска в городе, но не через свой труп. Для сегодняшней работы она была одета несколько более скромно, чем если бы вышла на уличную прогулку в качестве приманки для насильника. Ее рыжие волосы были стянуты резинкой на макушке и прикрыты бурым платком, завязанным под подбородком. Платок скрывал ее золотые серьги, которые она считала «счастливыми» амулетами. На ней было пальто под цвет платка, коричневые гольфы до колен, коричневые резиновые сапожки. Она сидела на желтом пластиковом стуле в очень холодной прачечной и смотрела, как ее грязное белье (или довольно грязное белье, которое ей выдали в 87-м участке) крутилось в стиральной машине. Над входом в прачечную то и дело вспыхивала неоновая вывеска. Оранжевая надпись «Прачечная» сменялась на зеленую: «Самообслуживание». В приоткрытой сумке на коленях под салфетками «Клинекс» лежал «специальный» пистолет калибра 0,38.

Менеджер прачечной не знал, что Эйлин из полиции. Менеджер прачечной работал всегда в вечернюю смену. Он приходил в четыре и уходил в полночь: он запирал дверь и отправлялся домой. Каждое утро хозяин прачечной приходил отпирать стиральные машины, высыпал монетки в большой серый мешок и отвозил его в банк. В этом состояла работа хозяина: он извлекал монеты из стиральных машин. У хозяина было тридцать семь

прачечных самообслуживания по городу, и он жил в очень хорошем районе Маджеста. Он не забирал деньги из стиральных машин при закрытии, так как считал, что это опасно. Да так оно и было на самом деле. Он считал, что пусть лучше его тридцать семь ночных менеджеров по городу просто запрут двери, включат сигнализацию и идут домой. В этом состояла их работа — этих ночных менеджеров. Другие их обязанности включали размен мелочи для дам, которые приносили грязную одежду, вызов технической службы, если происходила поломка, они также должны были следить, чтобы не крали дешевую пластиковую мебель из разных прачечных. Впрочем, о мебели хозяин не слишком беспокоился, так как мебелью его снабжал кузен. Бывало, хозяину приходило в голову, что у каждого менеджера есть ключ от сигнализации и если все тридцать семь менеджеров сговорятся с одним взломщиком, то они откроют прачечные, взломают стиральные машины — и что дальше? Да ничего страшного. Кроме того, ему приятно было считать всех своих менеджеров чистыми и непорочными.

Детектив Хэл Уиллис знал, что ночной менеджер в прачечной на углу Десятой и Калвер был чист и непорочен: тот не догадывался, что Эйлин Берк из полиции. Он также не догадывался, что Хэл Уиллис, сидящий в неприметном зеленом «Торнадо» напротив соседнего бара, *тоже* полицейский. На самом деле ночной менеджер даже представить себе не мог, что 87-й участок избрал его милое заведение для засады, исходя из предположения, что Трусоватый бандит придет сюда в этот вечер. На протяжении последних трех недель Трусоватый бандит грабил прачечные, расположенные по обе стороны авеню Калвер, постепенно продвигаясь все ближе и ближе к деловому центру. Прачечная, которую он грабил три дня назад, находилась на южной стороне авеню. Прачечная, в которой сегодня была устроена засада, находилась на восемь кварталов ближе к деловому центру города, на северной стороне авеню.

Трусоватый бандит не был мелким воришкой. За два месяца, в течение которых он орудовал на авеню Калвер, вначале на соседнем участке, затем, продвинувшись на территорию 87-го, он награбил — как следовало из заявлений женщин, ставших его жертвами, — шестьсот долларов наличными, двенадцать обручальных колец, четыре золотых медальона, золотое кольцо с бриллиантом в один карат и двадцать две пары трусиков. Эти трусики он не вынимал из сумок с бельем. Он требовал, чтобы несчастные женщины, оказавшиеся в прачечной, снимали эти трусики с себя — отсюда прозвище Трусоватый — и отдавали ему. Женщины охотно повиновались: для убедительности он размахивал «магнумом» калибра 0,357. Пока еще ни одна не была изнасилована. И физически никто не пострадал — пока. И пусть в этих ограблениях был некий черный юмор — представьте себе грабителя, который уносит домой трусики своих жертв, — никакого юмора не было в убойной силе «магнума». Сидя в машине напротив бара, Уиллис очень хорошо представлял себе калибр ствола, который носил с собой Трусоватый. Сидя в прачечной между пуэрториканкой слева и толстой негритянкой справа, Эйлин Берк еще более отчетливо представляла себе разрушительную силу этого оружия.

Она посмотрела на настенные часы.

Было только четверть одиннадцатого, а прачечная закроется не раньше полуночи.

* * *

Узенькая закладка, вложенная в программку, извещала зрителей, что некто по имени Алисон Грир заменит Салли Андерсон в этот вечер, но ни у кого из танцовщиц в шоу не было характерных ролей, все они выглядели очень похожими друг на друга, за исключением двух черненьких девушек (которые на самом деле тоже были очень похожи друг на друга) и Тины Вонг, которая не была похожа ни на кого в труппе, кроме себя самой. Блондинки были неотличимы одна от другой. Они были высокие, с длинными ногами и, пожалуй, излишне грудастые для танцовщиц. У них у всех были ослепительные улыбки. Они все были облачены в костюмы, которые делали их еще более похожими друг на друга, с высокими

вырезами на бедрах и живописными лохмотьями, болтающимися вокруг их потрясающих ног. В таком одеянии, по мнению авторов, какая-нибудь глупая молоденькая южанка могла появиться посреди болота: именно на болоте и происходило действие «Жирной задницы», именно такими южанками и должны были быть танцовщицы. Декорации изображали на сцене самое настоящее болото, а над ним туман и огромные деревья, с которых что-то капало на осклизлые валуны. Карелла приготовился к худшему. Он повернулся направо к Тедди. Она обернулась к нему. Вот перед ними еще один пример того, как журналисты расхваливают до небес очередное заурядное шоу, чтобы угодить инвесторам.

Тедди Карелла была глухонемая.

Она часто испытывала трудности в театре. Разумеется, она не слышала, что говорили актеры, и обыкновенно они с Кареллой сидели слишком далеко, чтобы читать по губам. С годами они выработали следующую технику: он держал руки на уровне груди, чтобы не мешать сидящим сзади, и знаками передавал ей диалоги актеров. Она же при этом переводила глаза со сцены на его руки и обратно. Как правило, мюзикл был легче для ее восприятия. Певец обычно поворачивался лицом к залу, движения его губ были отчетливее, чем при простой речи. Но всего предпочтительнее для нее был балет, и сегодня она была счастлива, когда — не прошло и десяти секунд после того, как поднялся занавес над зловещим болотом, — вся сцена наполнилась прыжками, курбетами, кружением, верчением, клокочущими энергией танцовщицами, которые буквально спрыгивали с верхушек деревьев и превращали это покрытое туманом болото в самое сочное, сексуальное и ослепительное представление, какое Тедди когда-либо видела в жизни. Очарованная, она сидела рядом с Кареллой на протяжении десяти минут, затаив дыхание, сжимая его руку, следя за развитием действия. Когда вступительная часть закончилась, зрители разразились аплодисментами. Он приготовил руки для «перевода», который, как ему казалось, потребуется по мере развития действия, но Тедди нетерпеливо отмахнулась. Она понимала все, что происходило, и могла читать по губам, потому что они сидели в середине шестого ряда.

Она задала несколько вопросов во время паузы. На ней было черное вязаное платье с простой камеей на груди, черные кожаные сапоги, золотой браслет на запястье. Длинные черные волосы она собрала на затылке и закрепила золотой заколкой. За исключением помады, туши и теней для глаз, она была не накрашена. Да ей краска и не была нужна, она была одной из самых красивых женщин, каких он встречал в жизни. Он смотрел на ее руки, смотрел, как меняется выражение ее лица. Тедди хотела знать, правильно ли она поняла, что между охотником с капканом и контрабандисткой когда-то был роман и сейчас они встретились впервые с того времени? Нет? Тогда почему они обнимались и целовались? Карелла объяснил, отвечая вслух, чтобы она могла читать по губам, помогая руками (и среди публики всегда попадались восхищенные наблюдатели: ну, давай, взгляни, Чарли, как тот человек разговаривает с немой). И она читала по его губам и по рукам и затем показывала ему знаками, мол, «они слишком любвеобильны для кузенов», и тогда он объяснял, что они только троюродные брат и сестра. А она показывала ему знаками: «Неужели в этом случае закон допускает кровосмешение?»

Через сорок пять минут после начала второго акта Карелла посмотрел на часы — он почувствовал, что представление приближается к концу, а он не хотел, чтобы оно кончалось. Ему было слишком приятно.

* * *

Эйлин Берк великолепно проводила время, сидя перед стиральной машиной и наблюдая за вращением белья. Ночной менеджер решил, что она слегка сдвинутая. Впрочем, все в этом городе немного со сдвигом. Она уже в пятый раз запустила в машину один и тот же набор одежды. И каждый раз она сидела и наблюдала в окошко стиральной машины, как крутится одежда. Ночной менеджер не заметил, что время от времени она поглядывала на входную дверь или глядела в окно, когда подъезжал автомобиль.

У одной из стиральных машин находилась женщина с ребенком, сидящим у нее на спине в рюкзачке. Она загружала машину новой порцией белья. На взгляд Эйлин, ей было лет двадцать. Это была стройная привлекательная голубоглазая блондинка, она непрестанно бормотала что-то ласковое дремлющему ребенку. Другая женщина сидела на желтом пластиковом стуле рядом с Эйлин и читала журнал. Это была плотная негритянка примерно сорока лет. На ней был вязаный свитер поверх синих джинсов, а на ногах — галоши. То и дело она переворачивала страницу журнала, поглядывала на стирку, потом опять переворачивала страницу. В прачечную вошла третья женщина, беспокойно огляделась, с облегчением увидела, что полно свободных машин, выбежала из прачечной и через минуту появилась с огромным тюком грязной одежды — наверное, на целый полк русских. Она попросила менеджера разменять ей пятерку. У него на поясе висела железная коробочка с рассортированной мелочью. Он отделил монетки большим пальцем, щелкая ими, как трамвайный кондуктор. Эйлин наблюдала за ним — как он пошел к сейфу, который был привинчен к полу, и бросил купюру в щель сверху. Объявление на стене предупреждало потенциального грабителя: «Менеджер не знает цифровой комбинации сейфа. Менеджер не обменивает купюры крупнее пяти долларов». Интересно, подумала Эйлин, что делает менеджер, когда кончаются монетки? Идет в соседний бар за мелочью? А у бармена тоже на поясе висит такая коробочка с мелочью?

Интересно, подумала Эйлин, какого черта я думаю о всяких глупостях? А потом ей подумалось, встретит ли она когда-нибудь человека, который будет думать о том же, о чем думает она? Как раз в эту минуту в прачечную вошел Трусоватый бандит.

Эйлин узнала его сразу по портрету, составленному в полиции. Портрет ей показывал Уиллис в комнате детективов. Преступник был белым человеком, худощавым, невысокого роста, в светло-зеленом пальто, вязаной шапочке, темно-коричневых широких вельветовых брюках и замшевых сапогах. У него были бегающие карие глаза, тонкий нос и узенькие усики. Правую бровь пересекал шрам. Когда он вошел, над дверью тренькнул колокольчик. Он протянул назад левую руку, чтобы закрыть за собой дверь, и Эйлин сразу сунула руку в сумку. Она охватила ладонью ручку пистолета калибра 0,38, а вошедший вытащил правую руку из кармана. «Магнум» всегда кажется огромным. Но если его обладатель — низенький и худенький, то пистолет производит впечатление громадного артиллерийского орудия. Рука преступника дрожала.

Эйлин посмотрела на «магнум», посмотрела в глаза преступнику и сжала рукоять пистолета в сумке. Если она вытащит пистолет сейчас, то у нее будет только три шанса из десяти обезвредить преступника раньше, чем он выпустит серию пуль, каждая из которых может оторвать голову. Помимо нее и грабителя, в прачечной было еще пять человек, из них три женщины и один ребенок. Ее рука замерла на ручке пистолета.

— Спокойно, спокойно, — произнес грабитель высоким голоском, почти как у девочки. — Все остаются на месте, и никто не пострадает. — Глаза его бегали по сторонам. Рука дрожала. Вдруг он хихикнул. Хихиканье испугало Эйлин больше, чем пистолет в его руке. Хихиканье было пронзительным и нервным, так мог хихикать только человек со сдвигом — от этого у нее по спине пробежал холодок. Ее ладонь на ручке «специального» пистолета тотчас вспотела.

— Мне нужны только ваши деньги, все ваши деньги, — сказал грабитель. — И ваши…

— Я не знаю цифровой комбинации сейфа, — сказал менеджер.

— *Тебя* никто не спрашивал! — воскликнул грабитель. — Просто заткнись, понял?

— Да, сэр, — сказал менеджер.

— Ты меня понял?

— Да, сэр.

— Я разговариваю с дамами, а не с тобой, понял?

— Да, сэр.

— И заткнись.

— Да, сэр.

— Ты! — воскликнул грабитель и повернулся к женщине с ребенком на спине, вскидывая на нее пистолет, двигаясь зигзагами, почти танцуя на полу прачечной, поворачиваясь туда-сюда, словно на сцене перед зрителями. Каждый раз, как он поворачивался, женщина с ребенком на спине поворачивалась вместе с ним, чтобы быть против него лицом, тем самым загораживая собой ребенка. Она не знает, подумала Эйлин, что пуля «магнума» прошибет насквозь и ее, и ребенка, да и стену позади в придачу.

— Давай деньги! — сказал грабитель. — Быстрее! Кольца, давай кольца тоже!

— Только не стреляйте, — сказала женщина.

— Заткнись! Снимай трусики!

— Что?

— Снимай трусики, отдай их мне!

Женщина уставилась на него.

— Ты оглохла? — спросил он и, пританцовывая, направился к ней. Он ткнул в нее пистолетом. Женщина уже держала пачку долларов в одной руке, обручальное кольцо — в другой. Она стояла в неуверенности: она слышала, что он хотел получить ее трусики, но она не знала, что она должна была отдать ему раньше — деньги или трусики…

— Давай быстрей! — сказал он. — Снимай их. Быстрей!

Женщина быстро отдала ему деньги, кольцо, подняла юбку и спустила трусики. Они упали на пол, она переступила через них, подняла и передала ему и быстро отошла подальше, пока он запихивал их в карман.

— Все вы! — сказал он, и его голос прозвучал еще выше. — Все снимайте трусики! Отдавайте мне деньги! Отдавайте кольца! И трусики! Снимайте, и быстрее!

Негритянка, которая сидела на стуле рядом с Эйлин, уставилась на грабителя так, словно это был злой джинн, что вдруг выпрыгнул из бутылки. Широко раскрыв глаза, она следила за всеми его движениями, словно не верила тому, что видела. И, не веря своим глазам, покачивала головой.

— Ты! — сказал он, приблизившись к ней в своем «танце». — Давай сюда ожерелье! Быстрее!

— Это просто дешевое украшение для платья, — спокойно сказала женщина.

— Давай деньги!

— У меня только один доллар и двадцать пять центов мелочью, — ответила женщина.

— Давай сюда! — сказал он и протянул левую руку.

Женщина покопалась в сумке, вытащила кошелек. Не обращая внимания на грабителя, не обращая внимания на пистолет в непосредственной близости от ее лица, она расстегнула кошелек, сунула в него руку и стала извлекать монетку за монеткой, перекладывая их из правой руки на ладонь левой — три монетки по двадцать пять центов и пять по десять. Затем она зажала их в кулаке, поднесла к его руке и высыпала на ладонь грабителя.

— Теперь трусы, — сказал он.

— Нет, сэр.

— Снимай трусы, — сказал он.

— Не стану, — сказала женщина.

— Что?

— Не стану. Для меня это не просто поднять юбку, как для той дамы с ребенком, сэр. Мне для начала придется снять галоши, затем джинсы. И я не понимаю, как я буду стоять голой перед двумя мужчинами, которых я никогда в жизни раньше не видела. Нет, сэр.

Грабитель помахал пистолетом.

— Делай, что тебе сказано, — произнес он.

— Нет, сэр, — сказала женщина.

Эйлин напряглась.

Она подумала, не пора ли ей действовать. В свое время в полицейской академии ее учили, что *плохая ситуация может изменяться только в худшую сторону* . Это правило она всегда помнила и потому не раз оставалась в живых за годы работы в полиции. Но сегодня

она почему-то пренебрегла этим правилом, когда в прачечную вошел этот сукин сын и вытащил из кармана пистолет. *Плохая ситуация может изменяться только в худшую сторону* . Действовать надо прямо сейчас: вытащить деньги или объявить, что денег нет, но — прямо сейчас! И еще она подумала, станет ли он поворачиваться с пистолетом в ее сторону, если она вынет из сумки свое оружие, или он вместо этого будет стрелять по черной женщине, которая готова была получить пулю, но не снимать джинсы и трусики. Надо действовать, хватит думать, но — что, если ребенок будет убит?

Ей пришло в голову, что осталась небольшая вероятность победы негритянки над грабителем. Не исключено, что она обратит в бегство Трусоватого охотника за нижним бельем, что он выбежит и попадет прямо в объятия детектива Хэла Уиллиса. Кстати говоря, *где* ты, Хэл Уиллис? Ведь было бы неплохо, если бы ты вошел следом за Трусоватым. Тогда бы у нас был перевес: два пистолета против одного, «хорошие парни против плохих парней», где ты, черт возьми? Вооруженный бандит сильно дрожал, внутренняя борьба была такой напряженной, что казалось, она разорвет его на куски и тогда от него останется кучка трухи да огромный пистолет. Вдруг ее осенило: этот Трусоватый — просто фетишист, «насильник дамского белья»!

Мысль эта ослепила ее своей ясностью. Теперь она знала, почему он бегал по городу и грабил прачечные. Он грабил прачечные, потому что в прачечных находились женщины и он хотел видеть, как эти женщины раздеваются. Целью ограбления не были ни деньги, ни ювелирные украшения — Трусоватый бандит охотился только за *трусиками!* Кольца, браслеты, деньги были его прикрытием, «дымовой завесой», за которой скрывалось его истинное желание. Он хотел вдыхать женские запахи добычи. Вероятно, у него трусиками набит гараж. Этот человек был «насильником дамского белья». А с насильниками ей приходилось сталкиваться на работе достаточно часто, и она знала, как вести себя с ними. С другой стороны, в таких случаях она оказывалась с насильником один на один в пустынном парке, когда на карту была поставлена только ее собственная жизнь… Надо действовать, решила она, *прямо сейчас!*

— Эй, ты! — резко сказала она.

Грабитель обернулся к ней. Вместе с ним повернулся и пистолет.

— Забирай мои, — сказала она.

— Что? — спросил он.

— Оставь ее в покое. Забирай *мои* трусики.

— Что?

— Протяни руку под юбку, — прошептала она. — Сорви мои трусики.

На минуту ей показалось, что она сделала непоправимую ошибку. Его лицо исказилось словно от гнева, и пистолет в руке затрясся еще сильнее. О Господи, подумала она, я помогла ему увидеть самого себя: пистолет у него как член, и он сейчас разрядит его мне в лицо! Но потом выражение его лица странно изменилось, на губах появилась таинственная улыбка, глаза заблестели знанием «общей тайны», их общим секретом… Он опустил пистолет и подошел вплотную.

— Полиция! — крикнула она и в ту же минуту выхватила из сумки пистолет тридцать восьмого калибра, прижала дуло к его шее и тихо сказала, так, чтобы никто больше не слышал: — *Не смен думать* об этом, а то пристрелю!

Она потом не раз вспоминала, как крикнула «Полиция!» и как в одну секунду уничтожила их общую тайну. И она часто спрашивала себя впоследствии, не разоружила ли она его тогда способом чрезмерно жестоким и несправедливым.

Она защелкнула наручники на запястьях преступника и наклонилась за «магнумом» — Трусоватый бандит уронил его на пол.

Глава 6

Карелла не мог заснуть.

Он думал о том, что в театре работало слишком много людей. Даже если лейтенант даст ему в помощь еще одного человека, то и тогда потребуется минимум неделя, чтобы допросить всех, кто занят в этом шоу. На смерть Пако Лопеса никто не обратил внимания.

А вот гибель молодой Андерсон была отмечена в дневной газете, и возмущенные журналисты требовали найти и обезвредить «маньяка, совершившего преступление».

Газетчики не знали, да и Карелла не собирался им рассказывать, что некто Пако Лопес был убит из того же ствола. Журналистам бы очень понравилось обсасывать «вероятную» романтическую связь (такая вероятность приходила на ум Карелле) между молоденькой танцовщицей и пуэрториканцем, торговцем наркотиками. Такая история дала бы обильную пищу для новостей по телевидению — тележурналисты запрыгали бы от радости. В конце концов, в шоу были две танцовщицы-пуэрториканки… Ну, необязательно пуэрториканки. Карелла только спросил, были ли *«латиносы»* в шоу, и Тина Вонг сказала ему, что были две девушки. А это могли быть кто угодно: пуэрториканки, кубинки, доминиканки, колумбийки. Только назови — в городе найдутся любые. И обе лесбиянки. Карелла подумал: хотя бы одна из них имела отношение к нюхательному порошку? И еще он подумал, не знала ли одна из них Пако Лопеса? В шоу было занято сто четырнадцать человек, из них один или несколько человек могли быть связующим звеном между Салли Андерсон и Пако Лопесом. Если вообще между ними была какая-то связь, помимо ствола тридцать восьмого калибра, выстрелами из которого были убиты оба.

Давайте все-таки представим себе, что это был не псих, думал Карелла. Давайте будем думать о разумном убийце, который укокошил этих двоих, имея на то очень разумную причину.

Он лежал, уставившись в потолок.

— Слишком много людей занято в шоу, — ворчал он.

* * *

Уиллис пытался объяснить, почему он не заметил Трусоватого бандита, когда тот вошел в прачечную. Они послали за пиццей и теперь сидели в относительной тишине комнаты детективов, смакуя горячее блюдо с анчоусами и красным перцем, прихлебывая ужасный колумбийский кофе, который сварил Мисколо. Детектив Берт Клинг сидел вместе с ними, но почти не ел и больше помалкивал.

Эйлин помнила его волчий аппетит и поэтому решила, что он сейчас на диете. Да и на вид он словно похудел — с их последней встречи прошло несколько лет, он казался изможденным, бледным и, пожалуй, каким-то неприбранным. Его гладкие светлые волосы торчали пучками над воротником сорочки и над ушами, воротник казался потертым, костюм — неглаженым, а на галстуке были пятна. Эйлин решила, что он пришел с наблюдательного поста. Может быть, он намеренно выглядел потрепанным и усталым. Может быть, тени под глазами также были частью роли, которую он играл на улице. В таком случае он заслужил не просто похвалу, а даже премию от полицейской академии.

— По правде говоря, — словно оправдываясь, говорил Уиллис, — я решил, что наш человек не появится. Потому что в других случаях он совершал ограбления обыкновенно между десятью и десятью тридцатью. А было почти одиннадцать, когда этот парень выбежал из бара…

— Постой, — сказала Эйлин. — Какой парень?

— Выбежал из дверей соседнего бара, — сказал Уиллис. — Берт, не хочешь немного этого?

— Спасибо, — сказал Клинг и отрицательно покачал головой.

— И кричит: «Полиция, полиция!» — продолжал Уиллис.

— Когда это было? — спросила Эйлин.

— Я сказал: незадолго до одиннадцати, — произнес Уиллис. — Даже несмотря на это, если бы я считал, что Трусоватый в конце концов появится, я бы не стал отвлекаться,

предоставил бы другим полицейским разбираться, что происходит в баре. Но на самом деле, Эйлин, я считал, что сегодня он уже не придет.

— И ты пошел в бар?

— Нет. То есть да. Но не сразу, нет. Я вышел из машины, спросил того парня, в чем дело. А он говорит: не видели ли вы где-нибудь поблизости полицейского, а то тут в баре кто-то с ножом. Я сказал ему, что я полицейский. И он говорит: надо зайти и отобрать нож, пока никто не пострадал.

— Ну, и ты, естественно, пошел, — сказала Эйлин и подмигнула Клингу. Клинг не стал подмигивать в ответ. Клинг взял чашку кофе и отпил. Казалось, он не слушает Уиллиса. Он был словно во сне. Эйлин даже подумала: с ним что-то не так.

— Нет, я еще немного подумал, — сказал Уиллис. — Иначе я тотчас бросился бы в бар, конечно…

— Конечно, — сказала Эйлин.

— И разоружил бы парня… Кстати, он оказался женщиной… Но при этом я беспокоился о тебе… Как ты там одна в прачечной… Как ты справишься с ним, если мистер Панталон все-таки явится.

— Мистер Панталон! — воскликнула Эйлин и рассмеялась. У нее было отличное настроение после задержания преступника, и ей хотелось, чтобы Клинг не сидел как дохлятина, а принял участие в их маленьком празднике.

— Итак, я посмотрел в окно, — сказал Уиллис.

— Бара?

— Нет, прачечной. И вижу: все спокойно. Ты сидишь рядом с женщиной, которая читает журнал.

Другая женщина втаскивает в прачечную семь тонн белья. Я решил, что в ближайшие две-три минуты ты будешь в безопасности, а я тем временем загляну в бар, улажу это дело с ножом. Главное — я считал, что Трусоватый уже не появится. Итак, я вхожу в бар, а там такая дама в очках, волосы у нее зачесаны наверх, хорошо одетая, из среднего класса, рядом лежит «дипломат». В общем, выглядит как юрист или бухгалтер, которая зашла в бар пропустить стаканчик по дороге домой. Только в руке у нее здоровенный кнопочный нож, и она размахивает им перед собой, аж воздух свистит. Во-первых, удивительно, что с ножом — дама. Во-вторых, странно, что балуется она с игрушкой, которая не является типичным дамским оружием. Ну и, конечно, у меня нет желания получить ножевое ранение, — сказал Уиллис.

— Конечно, — согласилась Эйлин.

— Конечно, — сказал Уиллис. — Тут мне приходит в голову, что не худо бы проверить, как твои дела, не появился ли Трусоватый. Но в бар обратно возвращается тот парень, что кричал на улице: «Полиция, полиция!» И говорит той психованной даме со стилетом: «Я предупреждал тебя, Грейс, этот человек из полиции». И отсюда следует, что мне придется поддерживать закон и порядок. Хотя настроения такого у меня совсем нет.

— И что же ты делал дальше? — спросила Эйлин.

Она действительно заинтересовалась. Ей никогда не приходилось сталкиваться с женщиной, у которой в руках было бы опасное оружие. Эйлин специализировалась по мужчинам. Обыкновенно она направляла пистолет в пах насильнику. Сегодня она приставила дуло к шее, в самую ложбинку под кадыком. Ствол оставил там ссадину, она заметила эту ссадину, когда надевала наручники. Но как отобрать нож у агрессивной женщины? Ее ведь не испугаешь угрозой выстрелить в пах!

— Я подошел к ней и сказал: «Грейс, у вас отличный ножик. Дайте его мне, пожалуйста».

— Это была ошибка, — сказала Эйлин. — Она ведь могла на самом деле пырнуть.

— Но не пырнула, — сказал Уиллис. — Вместо этого она повернулась к тому парню, который выбежал из бара…

— Который кричал: «Полиция, полиция!»?

— Да, и сказала: «Гарри — или как его звали, — зачем ты меня обманываешь?», разрыдалась и нож отдала не мне, а бармену, и Гарри обнял ее…

— Извините, — сказал Клинг, встал и вышел из комнаты детективов.

— О Господи! — сказал Уиллис.

— Что такое? — спросила Эйлин.

— Я забыл, — сказал Уиллис. — Он, наверное, думает, что я рассказал эту историю нарочно. Я, пожалуй, пойду поговорю с ним. Извините. Эйлин, прости.

— Конечно, — удивленно сказала она, провожая глазами Уиллиса. Она чего-то не понимала в мужчинах, с которыми работала бок о бок. Никогда. Она взяла еще кусочек пиццы. Холодный. Жаль, что ей так и не удалось рассказать о своем мужестве, решительности и ловкости в прачечной.

* * *

И всегда, когда он не мог заснуть, Карелла думал о Клинге. Пытался представить себе, что Клинг делает в эту минуту. И, чтобы выбросить Клинга из головы, он снова принимался думать о расследовании — любого дела. Он всегда работал над каким-нибудь делом, которое медленно сводило его с ума. И когда он не мог найти ниточку, ведущую к раскрытию преступления, изучая и анализируя его со всех сторон, когда он бесплодно бился над очередной загадкой, то принимался опять думать о Клинге, надеяться, что тот не станет, как говорили в 87-м участке, грызть свое табельное оружие.

Такую вероятность исключать не следовало.

Карелла работал вторым детективом уже несколько лет, когда познакомился с Клингом. Если точнее, то до этого у них было шапочное знакомство: в ту пору Клинг работал патрульным. Когда Клинг получил повышение до детектива (самого младшего в команде), Карелла сразу проникся к нему симпатией. Клинг обладал такой внутренней порядочностью, которая сразу располагала к себе людей, и в его присутствии они рассказывали то, что другому полицейскому не рассказали бы.

Работа в участке могла искалечить душу. Все ваши высокие идеалы, с которыми вы взялись за поддержание закона и порядка, постепенно превращались в удел прошлого, сталкиваясь с *реальностью* . Вы понимали, что участвуете в настоящей *войне* , где хорошие парни воюют против плохих парней. А война оставляет раны, и не только на теле.

Да, работа в полиции наложила свой отпечаток на Клинга тоже. Только такой человек, как Энди Паркер, мог не волноваться на работе, потому что он не принимал ничего близко к сердцу. Паркер был самым плохим полицейским в участке, а может быть, и во всем городе. У Паркера было простое кредо: нельзя утонуть, если не заходить в воду. Может быть, когда-то в молодости у Паркера были идеалы, но в ту пору Карелла не был с ним знаком. Он видел только человека, который никогда не «входил в воду».

Работа в полиции затрагивала Клинга в той же степени, что и других. Но не работа в полиции заставляла Кареллу волноваться о том, что Клинг однажды начнет грызть свой табельный пистолет. Он волновался по поводу женщин Клинга: Клингу не везло с женщинами.

Карелла был вместе с ним тогда, в тот первый раз, в книжном магазине на авеню Калвер, когда Клинг опустился на колени рядом с погибшей девушкой. На ней была красная блузка. Как потом оказалось, на самом деле блузка была белая, но окрасилась кровью. Кровь сочилась из двух огромных ран, где вошли пули. Клинг потянулся вниз поднять книгу, упавшую с полки, — книга лежала на лице убитой и закрывала его.

— О Господи! — воскликнул Клинг. Что-то в его голосе заставило Кареллу тотчас подбежать к нему. И тогда Клинг вскрикнул — пронзительно, словно от невыносимый боли, его крик разрезал затхлую тишину магазина: — Клер!

Он обнимал за голову погибшую девушку, когда Карелла прикоснулся к нему. Его руки и лицо были перепачканы кровью Клер Таунсенд, его невесты, а он целовал ее глаза, щеки,

шею и бормотал:

— Клер, Клер…

Карелла никогда не забудет это имя и голос, которым оно произносилось.

И он всегда будет помнить также, каким полицейским стал или почти стал Клинг после того убийства. Карелла тогда подумал, что они могут потерять Клин-га. Он подумал, что Клинг пойдет по пути Энди Паркера, если вообще останется в полиции. Лейтенант Бернс хотел перевести его из следственного отдела. Обыкновенно Бернс был терпеливым и понимающим человеком. Он мог понять причины поведения Клин-га. Но от этого не становилось приятнее иметь с ним дело. По мнению Бернса, психология была, конечно, важным фактором полицейской работы. Она помогала понять, что в мире нет негодяев, а есть только люди с психическими проблемами. Психология, безусловно, очень полезная штука, она очень помогает — пока какой-нибудь мелкий воришка не даст тебе ногой в пах. После этого уже трудно представлять себе вора как заблудшую душу, как человека с трудным детством. Точно так же Бернс, прекрасно понимая травму, вследствие которой изменилось поведение Клинга (Боже, как это было давно!), тем не менее все больше отказывался мириться с полицейским, который сам себя посылал к черту.

Но Клинг не послал себя к черту.

Ни тогда, ни после того, как девушка, с которой он начал встречаться и в конце концов вместе жить, решила прогнать его в сочельник, что было не самым хорошим временем для окончательного разрыва отношений. Тем более что чуть позже в тот же вечер ему пришлось пристрелить кого-то. Он оказался в одной комнате с преступником, преступник бросился на него, он нажал на курок раз, еще раз, обе пули вошли в грудь, одна пробила левое легкое, другая попала в сердце. Клинг опустил пистолет. Он сидел в углу на полу и смотрел, как сочилась кровь из убитого, как вытекала на опилки. Он вытер пот со лба и расплакался.

Это было давно, подумал Карелла. Очень давно.

Знакомство с Огастой Блер — во всяком случае, так думали все детективы — было самым лучшим, что могло произойти в жизни Клинга. Он расследовал квартирную кражу со взломом. Жертва вернулась домой после лыжного отдыха и обнаружила, что у нее дома все перерыто. Эта жертва была перед ним, с каштановыми волосами, зелеными глазами — самая красивая женщина, какую он видел в жизни. Огаста Блер. Ее лицо и фигура украсили бы любой журнал мод в Америке. Как мог второй детектив с зарплатой всего 24 600 долларов в год даже *надеяться* на свидание со знаменитой моделью? Девять месяцев спустя он сказал Карелле, что хочет на ней жениться.

— Да-а? — удивленно переспросил Карелла.

— Да, — кивнув, сказал Клинг.

Они сидели в неприметной полицейской машине и направлялись в соседний штат. Погода стояла очень холодная. Карелла возился с печкой.

— Что ты думаешь об этом? — спросил Клинг.

— Не знаю. А ты думаешь, она скажет «да»?

— Конечно. Я думаю, она скажет «да».

— Ну, тогда сделай ей предложение.

— Пожалуй, — сказал Клинг и умолк.

Они проехали дорожную кассу. Позади в свинцовое небо впивались остроконечные вершины кряжа Айсола. Впереди были полукруглые рыжие холмы, между ними лениво извивалась дорога. Как оказалось, сомнения Клинга в основном касались того, не изменятся ли их отношения после свадьбы. В конце концов он спросил Кареллу, почему тот женился. Карелла ответил не сразу.

— Я не мог представить, что кто-то другой прикоснется к Тедди, — сказал он.

И в конце концов именно из-за этого разрушился брак между Клингом и Огастой. Другой мужчина прикоснулся к ней. Это произошло не так уж давно. В августе. Полгода назад. Клинг увидел жену в постели с другим и чуть не убил его. Развод был простым и быстрым. Огаста не хотела никаких алиментов, ей не надо было почти ничего. Она всегда

зарабатывала втрое больше. Они поделили всю собственность поровну. Из квартиры, в которой они жили, Клинг выехал. Новую квартиру он нашел в деловом центре, почти на другом конце города, словно хотел жить от Огасты как можно дальше. И Клинг увез все свои пожитки с собой, одежду, пластинки, книги и пистолеты. У него было два пистолета. Оба были «специальные» калибра 0,38. Он предпочитал тот, у которого на ореховой рукояти жженая отметина, а другой он хранил как запасной. Карелла беспокоился об этих пистолетах.

Он никогда не видел Клинга таким подавленным, даже после бессмысленного убийства Клер Таунсенд в книжной лавке. Он упросил Бернса предложить Клингу двухнедельный отпуск сразу по окончании бракоразводного процесса, хотя Клингу не полагался отпуск до лета. Клинг отказался. Несколько раз Карелла приглашал Клинга в гости, когда устраивал обеды у себя на Риверхед. Клинг отказывался от приглашений. Карелла старался составить свой график так, чтобы они с Клингом были партнерами чаще, чем любые двое других детективов: чтобы разговаривать с Клингом, помочь ему пережить это трудное время, как он помогал во все *другие* трудные времена. Но Клинг разгадал этот маневр и попросил, чтобы его поставили на скользящий график — замещать больных, отпускников или тех, кому надо присутствовать в суде. Карелле стало казаться, что Клинг теперь намеренно избегает его. Видимо, присутствие Кареллы болезненно напоминало ему о том, что произошло, ведь именно с Кареллой Клинг поделился своими первыми подозрениями.

Завтра Валентинов день — на самом деле уже сегодня. Часы в изголовье показывали половину первого ночи. Праздники, даже небольшие, — это плохое время для тех, у кого партнера забрала смерть или развод. Карелла чувствовал, что лейтенант может дать им с Мейером в помощь еще одного человека, который им отчаянно необходим, и шансы на это — пятьдесят на пятьдесят. Итак, если лейтенант согласится, то почему не остановиться на Клинге? Они скажут лейтенанту, что Клинг — единственный, кто поможет им должным образом проверить все сто четырнадцать человек, занятых в шоу, затем допросить треть этих людей и исключить тех, кто не мог убить ни Салли Андерсон, ни Пако Лопеса. Черт возьми, где связь?

Он заснул, думая о том, что, если даже лейтенант назначит Клинга третьим, расследование будет тянуться бесконечно. Он не знал, что как раз в эту минуту дело принимало оборот, который должен был в любом случае вовлечь Клинга и, более того, сделать очевидной необходимость допросить все сто четырнадцать человек.

*** * ***

Человек носил под пальто клетчатый пиджак, серые фланелевые брюки и жилет. Он также носил пистолет калибра 0,32 в кобуре слева. Пуговица пальто у пояса была расстегнута, чтобы он легко мог выхватить пистолет правой рукой. Ему никогда не приходилось пользоваться пистолетом с тех пор, как он получил разрешение на право ношения.

Не следовало ему работать так поздно сегодня вечером.

Когда он закрывал магазин в деловой части города, опускал металлическую сетку и устанавливал навесной замок, прикрепляя защитную сетку к тротуару, на улице не было ни одной живой души. Быстрой нервной походкой он дошел до круглосуточного гаража, куда обыкновенно ставил машину, с удовольствием думая про пистолет на поясе. В ночные часы эта часть города чем-то напоминала лунный пейзаж. Он ехал к окраине города, останавливаясь у каждого светофора на красный свет, опасаясь приезжих нарушителей уличного движения. Когда он выехал на дорогу, пересекающую Гровер-парк, он почувствовал себя в большей безопасности. Ему осталось проехать два светофора в самом парке (и остановиться перед ними, если будет красный свет) и третий при выезде на авеню Гровер. У первого светофора пришлось остановиться: он нетерпеливо ждал зеленого света. На следующем светофоре горел зеленый свет. При выезде с площади — тоже зеленый. Он

повернул направо на авеню Гровер, проехал несколько кварталов, мимо полицейского участка с зелеными шарами по обе стороны лестницы, с цифрами «87» на каждом, затем еще три квартала, повернул налево и двинулся на север к шоссе Сильверман-роуд. Он поставил машину в гараж под зданием, как делал всегда, запер ее и направился к лифту в дальнем конце гаража. Ему часто приходило в голову, что охранник наверху в парадном никак не защищал гараж. Но расстояние от того места, где он оставлял машину, до лифта было не больше пятидесяти футов, и он редко приходил домой позже семи вечера — в это время много других жителей дома приезжает и выезжает.

Но без четверти два ночи в гараже никого не было.

От лифта его отделяли четыре мощные колонны. Они были расставлены, как стражи, в десяти футах друг от друга. Гараж был ярко освещен. Стук каблуков по цементному полу отражало эхо. Из-за третьей колонны ему навстречу выступил человек с пистолетом.

Он потянулся за собственным пистолетом.

Он взялся за рукоять.

Он начал вытаскивать пистолет из кобуры, когда человек выстрелил. Прямо ему в лицо. Он почувствовал только острую боль от первой пули. Его тело откинулось словно от удара, когда вторая пуля вошла ему в голову. Вторую пулю он уже не почувствовал.

* * *

Снова пошел снег. Огромные пушистые хлопья лениво кружились в воздухе. Арти Браун сидел за рулем. Рядом с ним на переднем сиденье неприметного автомобиля устроился Берт Клинг. Эйлин Берк сидела сзади. Она еще находилась в комнате детективов, когда пришло сообщение об убийстве. И она попросила Клинга подвезти ее до метро, по дороге к месту преступления. Клинг только поворчал немного. Клинг — очаровашка, подумала Эйлин.

Браун был крупным мужчиной, а в толстом зимнем пальто он казался еще огромнее. Пальто было серым с воротником из искусственного черного меха. На нем были черные кожаные перчатки, в тон воротника. Браун был, как теперь принято говорить, «черным». Но он знал, что цвет его лица был ни в тон воротника, ни в тон перчаток. Всегда, когда он глядел на себя в зеркало, он видел перед собой кого-то с шоколадной кожей. Но он не считал себя «шоколадом». Он также больше не думал о себе как о негре. Если черный считает себя негром, значит, он унижает себя. Слово «негр» стало бранным — одному Богу известно, как и когда это произошло. Отец Брауна называл себя «густоцветом», что звучало весьма натянуто даже в ту пору, когда черные имели обыкновение называть себя неграми. (Браун заметил, что в журнале «Эбонит» слово *Черный* пишется с большой буквы. Он часто думал: почему?) Он признался себе, что по-прежнему считает себя цветным. Он искренне надеялся, что в этом нет ничего плохого. Теперь негр уже не знает, *кем* считать себя.

Браун был того рода черным, при виде которого белые переходили на другую сторону улицы. Если вы были белым и видели, что по той же стороне улицы вам навстречу идет Браун, вы автоматически решали, что он даст вам в морду, чиркнет бритвой по щеке или сделает с вами еще что-нибудь ужасное. Отчасти вы делали такое предположение, потому что рост Брауна был шесть футов четыре дюйма, а вес — двести двадцать фунтов. Отчасти (в основном) ваше предположение следовало из того факта, что Браун был черным или цветным — называйте как угодно — в любом случае он не был белым. Белый человек не стал бы переходить на другую сторону при встрече с Брауном, если бы тот был также белым. К сожалению, у Брауна не было возможности провести подобный эксперимент. Итак, когда Браун спокойно шагал по улице, погруженный в собственные мысли, белые переходили на другую сторону. Иногда даже белые *полицейские* переходили на другую сторону. Никому не хотелось иметь неприятности от кого-то, похожего на Брауна. Даже *черные* порой переходили на другую сторону, когда видели Брауна, — только потому, что он казался огромным чудовищем.

Браун знал, что на самом деле он очень красив.

Когда Браун смотрел в зеркало, он видел очень красивого человека с шоколадного цвета кожей и внимательными карими глазами. Браун нравился самому себе — и весьма. Браун был в ладу с собой. Браун был рад, что он полицейский. Он знал, почему на самом деле белые переходят на другую сторону при встрече с ним: они думают, что все черные — воры или убийцы. Он часто сожалел о том, что стал детективом: он больше не носил голубую полицейскую форму, которая вступала в противоречие с его коричневой кожей. Черные особенно любили забирать представителей собственной расы. Он очень любил, когда какой-нибудь черный пижон говорил: «Эй, браток, отпусти на свободу».

Эдакий пижон был для Брауна таким же братом, как, скажем, гиппопотам. В мире Брауна были плохие парни и хорошие парни, а цвет кожи ничего не менял. Браун был одним из хороших парней. Все, кто нарушал закон, были плохими парнями. Этой ночью кто-то из плохих парней оставил окровавленный труп на полу в гараже под домом на шоссе Сильверман-роуд. Клинг принял донесение, Браун был его партнером, и вот они, двое хороших парней, ехали среди кружащихся хлопьев снега, и с ними была хорошая девушка на заднем сиденье… Он вспомнил, что обещал высадить ее у метро.

— Станция на углу Калвер и Четвертой годится? — спросил он.

— Годится, Арти, — ответила Эйлин.

Клинг съежился в своем пальто и глядел в окно на летящий снег. Автомобильная печка дребезжала: барахлил вентилятор. Это была самая неладная машина в отделе. Браун подумал, что ему всегда не везет. Каждый раз, когда приходила его очередь брать машину, он получал *эту* . Наверное, самая ужасная машина во всем *городе* . Тарахтела, как дешевая проститутка: вероятно, прогорел глушитель, и всегда пахло выхлопными газами, отчего пассажиры, наверное, *травились* по дороге к месту преступления.

— Уиллис говорит, ты задержала того типа, который стягивал с женщин трусы, верно? — сказал Браун.

— Да, — улыбнулась Эйлин.

— Очень правильно, — кивнул Браун. — В такой холод женщинам просто *необходимо* носить трусы. — Он расхохотался. Эйлин тоже стала смеяться. Клинг молча глядел в окно.

— Не боишься ехать в метро в такое позднее время? — спросил Браун.

— Все будет в порядке, — ответила Эйлин.

Он подкатил машину к бордюру.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Спокойной ночи, Арти, — сказала она и открыла дверь. — Спокойной ночи, Берт:

— Спокойной ночи, — сказал Браун. — Береги себя.

Клинг ничего не сказал. Эйлин пожала плечами и закрыла за собой дверцу. Браун смотрел, как она спускалась по ступенькам в метро. Он отъехал от тротуара, когда ее голова исчезла из поля зрения.

— Какой адрес, напомни, — сказал он Клингу.

— Шоссе Сильверман-роуд, тысяча сто четырнадцать.

— Это поблизости от Овала?

— Западнее на пару кварталов.

У тротуара стояло несколько патрульных машин, когда подъехал Браун. Их проблесковые фонари мигали то красным, то синим светом сквозь падающий снег. Клинг и Браун вышли из машины, коротко переговорили с патрульным, который остался на тротуаре приглядывать за обеими машинами (угоны полицейских машин не считались небывалым явлением в городе), и затем спустились по пандусу в подземный гараж. Гараж был освещен лампами дневного света. Трое патрульных стояли около человека, который лежал на цементном полу в восьми футах от лифта. Дверца лифта была красной. Из раны в голове вытекала кровь в тон дверцы лифта.

— Детектив Браун, — представился Браун. — А это мой напарник — детектив Клинг.

— Хорошо, — сказал один из патрульных и кивнул.
— Какая машина приехала на место преступления первой?
— Мы, — сказал другой патрульный. — Наша машина.
— Здесь еще кто-нибудь был, когда вы приехали?
— Никого.
— Никого? — спросил Клинг. — А кто звонил? Кто нашел тело?
— Не знаю, сэр, — сказал патрульный. — Нам передали по радио «десять-десять» расследовать выстрелы. Мы даже не знали, где искать. Нам просто дали адрес. Мы спросили охранника в вестибюле, звонил ли он «911», чтобы доложить о вооруженном человеке? Он ответил, что не звонил. Тогда мы поглядели вокруг, в здании, на заднем дворе и уже хотели передать по радио обратно «девять-девяносто»… Но тут Бенни и говорит: давайте, ребята, проверим гараж под домом. Там уже был Чарли Кар…
— Мы проверяли сигнал тревоги на Эйнсли, — сказал другой патрульный.
— Так что мы все трое пришли сюда одновременно, — сказал первый патрульный.
— И вот он лежит, — сказал третий патрульный, кивая в сторону трупа на полу.
— А отдел тяжких преступлений уже известили? — спросил Клинг.
— Полагаю, да, — сказал первый патрульный.
— Что значит — *полагаю?*
— Я передал это дежурному сержанту. В мои обязанности не входит информировать отдел тяжких преступлений.
— Кто это говорит об отделе тяжких преступлений у нас за спиной? — спросил голос сверху пандуса.
— Голос дьявола, — сказал Браун.
Очень редко детективы из отдела тяжких преступлений — или детективы вообще — работали по три человека. Но те трое детективов, которые сейчас спустились по пандусу, были известны под кличкой Святая Троица. И, по слухам, они *ничего* никогда не делали иначе как втроем. Звали их Гардиган, Ганрахан и Мандельбаум. Брауну пришло в голову, что он знает их только по фамилиям и никогда не слышал их имен. Потом ему пришло в голову, что он вообще не знает имени ни одного детектива из отдела тяжких преступлений. А были ли у них имена? Все детективы были в черном. Детективы из отдела тяжких преступлений вообще предпочитали черное. Молва утверждала, что тон задал много лет назад один знаменитый детектив — специалист по расследованию убийств. Однако у Брауна на этот счет было свое собственное мнение.
По его более простой теории, полицейские из отдела тяжких преступлений, которые имели дело исключительно с трупами, облачались в траурный цвет. Ему пришло в голову, что в последнее время Дженеро стал часто носить черное. Не надеется ли Дженеро, что его переведут в отдел тяжких преступлений? Еще ему пришло в голову, что в комнате детективов никто не называет Дженеро по имени, хотя зовут его Ричардом, а обычно: «Подойди, Дженеро», или чаще: «Отойди, Дженеро». Иногда его называли Задница-Дженеро, впрочем ласково. Если у полицейских в отделе тяжких преступлений, не было имен и если у Дженеро было имя, которое никто не употреблял, то, значит, судьба заготовила для Дженеро успешную карьеру в отделе тяжких преступлений. Браун искренне верил в это.
— Значит, это жертва? — произнес Гардиган.
— Нет, это бумажный коврик, — сказал Браун.
— Я забыл, что имею дело с восемьдесят седьмым, — сказал Гардиган.
— Комедианты, — сказал Ганрахан.
— *Идиоты,* — сказал Мандельбаум, — два часа *ночи.*
— Мы вытащили тебя из кроватки? — спросил Браун.
— Засунь ее себе в задницу, — любезно пожелал ему Мандельбаум.
— Передом, — сказал Гардиган. И Браун подумал, не расистское ли это замечание.
— Кто он? — спросил Ганрахан.

— Еще не переворачивали, — сказал Клинг.

— Ну так сделайте это, — сказал Ганрахан.

— Не раньше, чем с ним закончит судмедэксперт.

— Кто сказал?

— Новые правила, не больше года.

— К черту правила. Мы закоченеем, пока дождемся судмедэксперта. Сегодня субботний вечер: знаешь, сколько людей убьют сегодня вечером?

— Сколько? — спросил Клинг.

— Переверните его. Делайте, что я говорю. Это отдел тяжких преступлений, — сказал Ганрахан.

— Давайте зафиксируем ваше решение на бумаге, — предложил Клинг. — О том, чтобы я перевернул его до того, как судмедэксперт признает его смерть.

— Да ты же видишь, что он умер! Что тебе еще надо? У человека лица не осталось: зачем тебе заключение судмедэксперта о его смерти? — Гардиган поддержал своего партнера.

— Тогда *ты* его и переворачивай, — встрял Браун, поддерживая *своего* партнера.

— Ладно, будем ждать судмедэксперта, хорошо? — смирился Ганрахан.

— Мы закоченеем здесь, когда приедет судмедэксперт, — повторил Мандельбаум.

Ни Браун, ни Клинг не ответили.

Судмедэксперт не приезжал почти до трех ночи. К этому времени мобильная группа была уже на месте преступления и делала все, за исключением прикосновений к телу. Фотографы снимали, ставились указатели с надписью «Место преступления». Браун и Клинг делали зарисовки. Все промерзли до костей. Но пока еще тело официально не стало *трупом* . Наконец величественно появился судмедэксперт. Он спускался по пандусу, напоминая клоуна, который приготовился раздавать воздушную кукурузу и призы.

— Извините за опоздание, джентльмены, — сказал он.

Судмедэксперт склонился над телом, расстегнул пальто на убитом. Они сразу увидели руку, сжимающую рукоятку пистолета в кобуре.

— Так-так, — сказал Гардиган.

Не без труда судмедэксперт расстегнул клетчатый пиджак мужчины. Он приготовился просунуть стетоскоп под жилет и сорочку к груди, чтобы наилучшим образом определить, что пули, выпущенные в лицо, привели к остановке сердца, когда заметил — одновременно с пятью детективами, тремя патрульными, фотографом и двумя сотрудниками лаборатории, — что в жилете этого человека было по крайней мере двенадцать карманов.

— Последний раз я видел такое у карманника, — сказал Мандельбаум. — Во все эти кармашки вор складывал краденое.

Но убитый не был карманником.

Если только в тот день у него не было особого везения.

Как только судмедэксперт закончил (он установил смерть), они обыскали все кармашки в жилете. И в каждом из этих кармашков они нашли пластиковые пакетики. И в каждом из этих пластиковых пакетиков они нашли бриллианты различных размеров и формы.

— Да это просто ходячий ювелирный магазин, — сказал Гардиган.

— Вернее, лежачий, — усмехнулся Ганрахан.

— Ишь ты, какие *ледышки! —* воскликнул Мандельбаум.

Глава 7

Обещали только снег. Но к утру пошел мокрый снег, а потом и просто дождь. Улицы стали скользкими. Карелла чуть не упал по дороге к метро. Когда он был маленьким, мать рассказывала ему две страшные истории, и одна из них запомнилась ему на всю жизнь. Первая история была про дядю Чарли, которого он никогда не видел. Подстригая брови, он случайно выколол себе глаз ножницами. Карелла иногда подстригал брови в

парикмахерской, но никогда не рисковал это делать сам. Мать также рассказывала ему про дядю Сальваторе, который поскользнулся на льду у дверей своей галантереи на Калмз-Пойнт и хлопнулся на спину; с тех пор он прикован к инвалидному креслу. Поэтому, когда Карелла видел наледь на тротуаре или на дороге, он шагал по ней или ехал с крайней осторожностью.

Карелла *знал* (и, кстати, любил) своего дядю Сальваторе. И всегда, когда дядя Сальваторе спрашивал его, почему он не носит шляпу, Карелла чувствовал себя немного виноватым.

— Ты должен носить шляпу, — говорил дядя Сальваторе. — Если будешь ходить без шапки, сорок процентов твоего тепла будет уходить через голову, и ты замерзнешь.

Карелла не любил шапок. Он сказал дяде, что не любит шапок. Дядюшка покрутил указательным пальцем у виска.

— Паццо, — сказал он, что по-итальянски означало «идиот». Тот самый дядюшка рассказал ему единственный анекдот про галантерею, который Карелла слышал в жизни.

— Итак, приходит один человек в галантерею, — рассказывал дядюшка. — Галантерейщик подходит к нему и говорит: «Слушаю вас, сэр, что у вас на уме?» А человек отвечает: «На уме у меня срамные губы, но покажите мне шляпу».

Эту историю дядюшка рассказал, когда Карелле было шестнадцать. Они находились в галантерее дядюшки, которой он по-прежнему успешно управлял из инвалидного кресла. Он умер три года спустя.

В то утро Карелла ехал на работу целых два часа. В метро он размышлял, что купить Тедди на Валентинов день, то есть сегодня, в воскресенье, когда все магазины закрыты. Он хотел приобрести что-то вчера, до того, как ему было поручено расследовать дело об убийстве Салли Андерсон. Тедди сказала ему за завтраком с таинственной улыбкой, что купит ему подарок днем и преподнесет вечером, когда он придет с работы. Он сказал ей, что торопиться не надо: несмотря на завтрашний праздник День президентов, много магазинов будет открыто, и, кроме того, дороги расчистят и посыплют песком. Тедди сказала, что она уже «назначила». *«Что* назначила?» — думал он.

Мейер Мейер носил на голове подарок, который он получил от жены на Валентинов день.

Подарок представлял из себя вязаную шапочку, которая заставила бы дядюшку Сальваторе сиять от гордости. Жена Мейера Сара связала шапку сама. Это была белая шапочка, расшитая по краю красными сердечками. Мейер прохаживался по комнате детективов, гордо демонстрируя ее.

— Если на тебе такая шапочка, то уже никто не подумает, что ты лысый, — сказал Такаши Фудживара. Тут появился Карелла. — Привет, брат, — сказал он.

— О-хай-о, — сказал Карелла.

— Что значит «никто не подумает»? — спросил Мейер. — Разве я лысоват? — спросил он у Кареллы.

— Нет, ты очень волосатый, — сказал Карелла. — Где ты взял эту шапочку?

— Сара связала. На Валентинов день.

— Очень красивая, — сказал Карелла. — Лейтенант здесь?

— Был десять минут назад, — сказал Фудживара. — А ты что получил на Валентинов день?

— Убийство, — сказал Карелла.

— Пожмите руки с Клингом, — сказал Фудживара, но Карелла уже стучал в дверь лейтенанта и не слышал.

— Заходите! — крикнул Бернс.

Карелла открыл дверь. Лейтенант сидел за столом и внимательно рассматривал открытую крышку от коробки конфет.

— Привет, Стив, — сказал лейтенант. — Здесь подробно изображены все конфеты и их содержимое. Хочешь одну?

— Спасибо, Питер, нет, — сказал Карелла.

Бернс продолжал изучать картинку, водя по ней пальцем. Он был крепко сложен, волосы его были седеющие и редеющие, у него были жесткие голубые глаза и крючковатый нос, который ему сломали железной трубой, когда он был патрульным в Маджесте, и который удивительным образом зажил без следов травмы, за исключением едва заметного шрама на переносице. Этот шрам был совершенно незаметен, кроме тех случаев, когда Бернс прикасался к нему пальцем. Он трогал свой шрам, когда сталкивался с особенно трудным вопросом, который требовал от него серьезного умственного напряжения. И он трогал свой шрам сейчас, изучая ассортимент конфет на внутренней стороне крышки.

— Это мне подарили на Валентинов день, — сказал он, трогая пальцем шрам на носу и изучая картинку с надписями.

— Я надеюсь получить свой подарок вечером, — сказал Карелла, словно защищаясь.

— Ну так съешь конфету-другую сейчас, — сказал Бернс и выудил квадратную шоколадную конфету из коробки. — Квадратные всегда с карамелью, — сказал он. — Мне не нужно смотреть на рисунок, чтобы узнать про карамель. — Он откусил от нее кусочек. — Видишь? — жуя и улыбаясь, сказал он. — Вкусная. Угощайся, — сказал он и подвинул коробку к краю стола.

— Питер, нам придется проверить сто четырнадцать человек, — сказал Карелла. — Всех в труппе «Жирной задницы». Именно столько человек нам с Манером придется допросить, чтобы найти ниточку к убийству танцовщицы.

— Какая связь между ней и этим типом Лопесом? — жуя, спросил Бернс.

— Мы пока не знаем.

— Наркотики? — спросил Бернс.

— Мы не знаем. В лаборатории проверяют.

— Он был ее дружок или знакомый?

— Нет. Ее дружок — это студент медфака в Рэмси.

— Где он был, когда девушка погибла?

— Сидел дома, занимался.

— Кто сказал?

— Он сам.

— Проверь.

— Проверим. Тем временем, Питер…

— Дай-ка попробую угадать… — сказал Бернс. — Ты уверен, что не хочешь такую? — спросил он и взял еще одну конфету из коробки.

— Спасибо. — Карелла покачал головой.

— Тем временем, — сказал Бернс, — я попытаюсь угадать, что ты хочешь от меня.

— Чтобы ты дал нам третьего, — сказал Карелла.

— И кто у тебя на уме?

— Берт Клинг.

— У Берта своя головная боль в последнее время.

— Что ты имеешь в виду?

— Он подцепил убийство вчера ночью.

— Ну, тогда не он, — сказал Карелла. — Кого ты *можешь* дать?

— Кто сказал, что я могу дать кого-то?

— Питер, про эту девушку написали все газеты.

— Ну так что?

— О ней будут писать, пока будет идти шоу. А это очень долго.

— И что же?

— Ну, сколько пройдет времени, прежде чем начальник розыска снимет трубку и устроит тебе небольшую встряску? «Привет, Питер! Как там насчет той танцовщицы? Ну, в том популярном мюзикле? Ниточку нащупали, Питер? Звонят, понимаешь, репортеры, пресса не дает покоя… Что вы там делаете, Питер, ведь убивают людей!»

Бернс поднял глаза.

— Оставь в покое начальника розыска, — сказал он. — Начальник розыска не должен приходить сюда на работу каждый день. У начальника розыска великолепный угловой кабинет в здании штаб-квартиры в деловом центре. И если начальник розыска думает, что мы продвигаемся слишком медленно в этом деле, тогда, может быть, мы напомним ему, что для начала это было не *нашим* делом, девушка была убита в Мидтаун-Ист, а не на территории участка восемьдесят семь. *Нашим* делом является убийство мелкого наркоторговца, наркодилера, если это интересно начальнику розыска, хотя, на мой взгляд, его это не заинтересует. Итак, Стив, если ты хочешь *здраво* обосновать свою просьбу, связанную с тем, что тебе нужно допросить сто четырнадцать человек… неужели столько людей занято в шоу?

— Да, сто четырнадцать.

— Если ты придешь ко мне и скажешь, что вам с Мейером понадобится неделя, десять дней, две недели, сколько бы вам ни понадобилось для допроса всех ста четырнадцати, а преступник будет шнырять по городу с пистолетом тем временем… Если ты изложишь свою просьбу логично и здраво, и не будешь угрожать мне тем, что может подумать начальник розыска…

— Хорошо, Питер, — улыбнувшись, сказал Карелла. — У нас с Мейером допрос всех этих людей займет по крайней мере десять дней, а убийца тем временем будет шнырять по городу с пистолетом. Мы могли бы сократить срок расследования до пяти дней, если только не выйдем на что-нибудь раньше. И я прошу одного человека в помощь. Дай нам третьего, Питер. Кого ты можешь дать?

— Никого, — сказал Бернс.

* * *

Она пыталась вспомнить, как давно это было. Годы и годы, уж это точно. А сейчас он, наверное, посчитал бы это фривольностью… Согласится ли он принять в качестве подарка?.. Она еще могла передумать… Или он решит, что это непозволительная причуда для женщины ее лет — она давно не та молоденькая девушка, на которой он женился? Ну, а кто вообще сохранил молодость? — размышляла Тедди. Даже Джейн Фонда больше не та, какой была когда-то. Но беспокоится ли Джейн Фонда о подобных вещах? Очень вероятно, подумала Тедди.

Район города, через который она шла, кишел людьми. Но Тедди не слышала обрывков их речи, когда они проходили мимо. Она видела только пар от дыхания прохожих — беззвучное облачко, как в комиксе, но без слов. Она жила и шагала в приглушенном мире, таящем опасность в том, что слух не мог давать ей своевременного предупреждения. Изысканность этого мира проявлялась в том, что увиденная красота не была запятнана звуками. Вид (и запах) голубовато-серого облачка выхлопного газа, вырывающегося в серебристый воздух из глушителя, принимал сказочный облик, когда к нему не примешивался механический звук двигателя. Регулировщик на углу, который размахивал руками в разные стороны, искусно направляя движение по улицам, превращался в акробата, балетного танцора, опытного мима, если не слышать его рявканья:

— Двигай, двигай, проезжай!

И все-таки она никогда не слышала голоса мужа.

Она никогда не слышала, как смеются ее дети.

Она никогда не слышала, как звенят цепи противоскольжения на обледенелой улице, как разноголосо орут автомобильные гудки в пробке, как зазывают покупателей уличные продавцы. Проходя мимо магазина сувениров, витрина которого ломилась от дешевой яшмы, слоновой кости (запрещенной к ввозу), вееров, кукол с восточными глазами (как у мужа), она не слышала, как из бокового окошка магазина звучал струнный инструмент, извлекая печальную и тонкую китайскую мелодию, звуки которой кружились в воздухе, как снежинки. Она просто ничего не слышала.

Салон татуировок не имел яркой вывески над входом и был неприметен на боковой улочке в китайском квартале. Последний раз, когда она здесь была, салон находился между баром и прачечной. Теперь в бывшем баре расположился тотализатор, а в бывшей прачечной самообслуживания обосновалась некая гадалка по имени сестра Люси. Прогресс. Проходя мимо заведения «Сестры Люси», Тедди заглянула поверх занавески в витрине и увидела цыганку, сидящую перед большим френологическим плакатом на стене. Кроме цыганки и плаката, в помещении не было никого. Женщина казалась очень одинокой и слегка замерзшей — она куталась в шаль и смотрела прямо перед собой на входную дверь. На секунду Тедди почувствовала желание зайти и узнать свою судьбу. Какой это был анекдот? Муж помнил множество анекдотов. Про «сексуальный подход»? О чем был этот анекдот? О цыганах, которые собрались купить ряд пустых помещений магазинов?

На стекле витрины салона татуировок стояло имя «Чарли Чен». Ниже — «Экзотическая восточная татуировка». Чуть поколебавшись, она открыла дверь. Над дверью, вероятно, был колокольчик, и, вероятно, он звякнул, потому что мистер Чен вышел из глубины салона. Она не слышала колокольчика и вначале не узнала старого китайца. Последний раз, когда она видела его, он был круглым, толстым, с усиками на верхней губе. Он был смешлив, и всегда, когда смеялся, его жирное тело тряслось от смеха. У него были толстые пальцы, как она помнила, и на указательном пальце левой руки он носил овальный перстень с яшмой.

— Да, мадам? — сказал он.

Конечно, это был Чен. Без усиков, без перстня с яшмой, похудевший, но определенно — Чен. С умудренным лицом, с морщинами, осунувшийся — Чен. Он смотрел на нее удивленными карими глазами, пытаясь вспомнить. Она подумала: я сама тоже изменилась, и он меня не узнает… Вдруг ей показалось глупым то, за чем она пришла. Может быть, уже слишком поздно для таких вещей, как пояса, чулки со стрелками и туфли на высоких каблуках, шелковые грации, слишком поздно для Тедди, слишком поздно для глупой, сексуальной игривости. Так все-таки поздно? О Господи, *поздно?*

Вчера она просила Фанни позвонить. Во-первых, выяснить, будет ли сегодня открыт этот салон, во-вторых, договориться о приеме. Фанни дала имя *Тедди Карелла* . Неужели Чен забыл, как ее зовут, тоже? Он стоял и смотрел на нее.

— Вы — мисс Карелла? — спросил он.

Она кивнула.

— Мы знакомы с вами? — спросил он, склонив голову набок, изучая ее взглядом.

Она кивнула.

— Чарли Чен, — сказал он и рассмеялся, но туловище его больше не тряслось. Смех выходил из него, как пустой ветер вылетает из хрупкого старого тела. — Все называют меня Чарли *Чан,* — объяснил он. — В честь знаменитого детектива по имени Чарли Чан.

Но на самом деле я Чен, а не *Чан* . Вы слыхали про детектива Чарли Чана?

Те же самые слова он говорил много лет назад.

Ей захотелось плакать.

— У знаменитого детектива, — сказал Чен, — были глупые дети. — Он снова рассмеялся. — У меня тоже глупые дети, но я не детектив… — И вдруг он остановился, широко раскрыл глаза и воскликнул: — Жена детектива, вы — жена детектива! Я вам сделал бабочку! Черную бабочку!

Она кивнула, расплываясь в улыбке.

— Вы не можете говорить, так? Вы читаете по губам, так?

Она кивнула.

— Ну вот… Хорошо… Как у вас дела, мадам? Вы по-прежнему такая же хорошенькая, самая красивая женщина из всех, кто приходил в мой салон. И на плече у вас по-прежнему бабочка?

Она кивнула.

— Самая красивая бабочка, какую я сделал в жизни. Симпатичная крохотная бабочка. Помните, я хотел сделать *большую?* А вы сказали: нет, хочу маленькую. Я сделал

крохотную, изящную черную бабочку. То, что надо для женщины. Очень сексуально, когда без тесемок. А муж ваш тоже считает, что это сексуально?

Тедди кивнула. Она стала показывать что-то руками и остановилась. С ней часто так бывало. Тут она указала на карандаш с бумагой на прилавке.

— Хотите поговорить, так? — произнес Чен и, улыбаясь, пододвинул к ней бумагу и карандаш.

Она взяла карандаш и написала:

«Как у вас шли дела все это время, мистер Чен?»

— Ах, знаете, не слишком хорошо, — сказал Чен.

Она смотрела на него вопросительно.

— Старик Чарли Чен подцепил большую «Р», — сказал он.

Она не сразу поняла.

— Рак, — сказал он и тотчас увидел потрясенное выражение у нее на лице. — Нет-нет, мадам, не волнуйтесь, старик Чарли отлично держится. — Он продолжал смотреть на нее. Она постаралась не заплакать. Она оценила достоинство старика: она не станет плакать о нем перед ним. Она раскрыла ладони. Она покачала головой. Она слегка приподняла брови. Она увидела по лицу и глазам Чена, что он понял, как она сочувствует ему.

— Спасибо, мадам, — сказал он и импульсивно взял обе ее руки в свои. Он улыбнулся. — Итак, зачем вы пришли к Чарли Чену? Напишите, что вам угодно, хорошо?

Она взяла карандаш и стала писать.

— А-а, — сказал он. — А-а. Отличная идея. Очень здорово. Хорошо, отлично.

Он следил за движением карандаша.

— Очень хорошо, — сказал он. — Идемте туда. Чарли Чен очень рад, что вы пришли. Сыновья-то мои уже переженились. Старший — врач в Лос-Анджелесе. *Главный* врач! — сказал он и рассмеялся. — Психиатр! Вы поверите? Мой старший сын! Двое других сыновей… Проходите, мадам… Двое других сыновей…

* * *

Из окна, за которым стоял капитан Сэм Гроссман и смотрел вниз на улицу Хай-стрит, было видно почти всю деловую часть города, или даунтаун. Новое здание штаб-квартиры департамента полиции было сделано почти целиком из стекла (так казалось со стороны), и Гроссман иногда думал о том, не следит ли кто за ним снизу, с улицы, когда он выполняет будничную, текущую работу — например, как сейчас, пытается дозвониться в 87-й участок. Кстати, это будничное занятие очень раздражало его. На самом деле Гроссман считал свою работу в лаборатории не будничной, а, наоборот, важной и захватывающей, но в последнем он не признался бы никому, разве что жене. Абонент был по-прежнему занят. Он снова набрал номер. И опять — «занято». Вздохнув, Гроссман положил трубку и взглянул на часы. «Сегодня мне вообще не надо быть здесь, — подумал он. — Сегодня воскресенье».

Он сегодня был здесь, потому что кто-то думал, что было бы забавно повторить резню в Валентинов день в этом городе вместо Чикаго, где она случилась в 1929 году. Если память Гроссману не изменяла, то случилось тогда вот что. Несколько хороших ребят из банды Аль Капоне поставили к стене гаража безоружных, но тоже хороших ребят из банды Багса Морана и изрешетили их из автоматов. Вот это была резня! А также отличная шутка: все ребята Капоне были переодеты в полицейских. Некоторые шутники в Чикаго в ту пору утверждали, что бандиты всего лишь *вели себя* как полиция, но это просто умозаключение. Тем не менее в девять утра — по наручным часам Гроссмана это произошло три часа назад — несколько человек, одетых в полицейскую форму, ворвались в гараж, в котором базировались не торговцы контрабандными спиртными напитками, а торговцы наркотиками, попросили их встать к стенке и хладнокровно перестреляли всех. Один из убийц нарисовал на стене краской из аэрозольного баллончика большое красное сердце. Убийцы даже не потрудились забрать около четырех килограммов героина, который обрабатывали

наркодельцы, когда они ворвались. Может быть, убийцы полагали, что красное сердце на стене и красная кровь на полу хорошо оттеняют девственно белый героин на столе — чистый и не расфасованный. В любом случае на Нижней платформе (так назывался район, ближний к Старому кварталу) лежали семь трупов. В каждом трупе были пули, и эти пули были извлечены и отправлены в лабораторию, так же как и пустой аэрозольный баллончик, отпечатки пальцев из разных мест, соскобы краски с фонарного столба у гаража, видимо, содранной, когда машина с убийцами въехала задом в столб — на тротуаре остались осколки задних габаритных фонарей. Все это предстояло исследовать в лаборатории в погожее воскресное утро.

Гроссман снова набрал номер.

Ведь бывают же чудеса! Телефон не был занят!

— Восемьдесят седьмой участок, Дженеро, — ответил раздраженный голос.

— Пожалуйста, попросите детектива Кареллу, — обратился к детективу Гроссман.

— Он может вам перезвонить? Мы сейчас очень заняты.

— Я не мог дозвониться к вам десять минут, — возразил Гроссман.

— Да, у нас все линии были заняты, — сказал Дженеро. — Все черти из ада рвутся к нам. Назовите ваше имя, и он вам перезвонит.

— Нет, скажите ему мое имя и скажите, что я *на проводе,* — настойчиво сказал Гроссман.

— Очень хорошо, как вас представить, мистер? — несколько дерзко спросил Дженеро.

— Капитан Гроссман, — сказал Гроссман.

— Сейчас соединю, сэр.

Гроссман услышал, как трубка легла на твердую поверхность. Были слышны крики, шумный гомон, как обычно в 87-м, даже в воскресенье.

— Детектив Карелла, — сказал Карелла. — Чем могу помочь, сэр?

— Стив, это Сэм Гроссман.

— Сам? Он сказал мне, что звонит капитан *Хэльтцер.*

— Нет, это капитан Гроссман. Что у вас происходит? Кричат так, будто началась третья мировая война.

— У нас делегация возмущенных граждан, — сказал Карелла.

— Чем возмущены?

— Кто-то делает «большие дела» у дверей чужих домов.

— Только не присылай мне образцы, — сразу сказал Гроссман.

— *Тебе* это может показаться забавным, — сказал Карелла, понизив голос, — как и мне. Но вот жители дома номер 5411 по Эйнсли вовсе не считают, что это забавно. Они явились сюда всей толпой и требуют действия от полиции.

— Что они хотят, чтобы ты делал, Стив?

— Чтобы я схватил Наглого какуна, — сказал Карелла, и Гроссман расхохотался. Карелла тоже засмеялся. Сквозь смех Кареллы Гроссман слышал, как кто-то кричит по-испански. Ему показалось, что он расслышал слово *mierda* [4].

— Стив, — сказал он, — мне не хочется отвлекать тебя от «больших дел»…

Оба снова расхохотались. (Согласно исследованиям социологов, полицейские обожают «фекальный» юмор.) Они смеялись, наверное, целые две минуты, и все это время слышались крики возмущенных граждан. Наконец смех прекратился. Утихли также испанские голоса.

— Куда они все вдруг делись? — спросил Гроссман.

— Пошли по домам! — сказал Карелла, и они снова рассмеялись. — Дженеро сказал, что организует засаду. Ты можешь себе представить, как восемь полицейских сидят в засаде и ждут, когда хулиган покажет задницу двадцати шести квартирантам-«латиносам»?

Гроссман смеялся до коликов. Прошло еще две минуты, в которые ни один из двоих не

---

[4] Mierda (исп.) — дерьмо.

мог говорить. Не всегда бывало так весело, когда Карелла с Гроссманом разговаривали по телефону, но оба были счастливы в такие минуты. Обыкновенно Гроссман вел себя более строго с детективами. Он был высокий, с серьезными голубыми глазами за стеклами очков без оправы и в большей мере напоминал фермера из Новой Англии, нежели ученого, а его манера проглатывать слова отнюдь не рассеивала это впечатление. У человека, оказавшегося в стерильной чистоте лаборатории лицом к лицу с Сэмом Гроссманом, возникало чувство, что если спросить его, как доехать до соседнего города, то он скажет, что отсюда туда не добраться. Однако очень часто, вероятно, потому, что ему так нравился Карелла, Гроссман забывал, что его работа была неразрывно связана с насильственной смертью.

— Насчет сумочки, — сказал он, и Карелла сразу понял, что он перешел к делу.

— Этой Андерсон? — спросил он.

— Да, Салли Андерсон, — ответил Гроссман. — Полный отчет я пошлю тебе позже, в котором также будет указано, какие сигареты она курила. Но сейчас… ты хотел узнать, есть ли следы кокаина, так?

— Потому что другая жертва…

— Ну, в карточке это написано.

— Ты нашел что-нибудь, похожее на кокаин?

— Остаток на дне сумки. Недостаточно для того, чтобы проводить много опытов, а *надо* бы.

— Сколько опытов ты *провел?*

— Четыре. Что в процессе исключения не так уж много. Но я знал, что ты ищешь, поэтому я тщательно подбирал опыты по цвету ради самой яркой реакции. Например, кокаин становится бесцветным при тестах Мерке и Маркиса, поэтому я не применял их. Вместо этого я использовал нитрующую смесь для моего первого опыта на цвет. Я получил бледно-желтую реакцию, которая не изменилась, когда я добавил аммиака, и стала бесцветной, когда подлил воды. Это реакция кокаина. Во втором опыте на цвет… Я тебя не утомил?

— Нет-нет, продолжай, — сказал Карелла. Он считал себя профаном в науке и восхищался, когда Гроссман сыпал формулами и мудреными словами.

— Во втором опыте я использовал тетрабитроматан, который опять-таки при соединении с кокаином дает более интенсивную реакцию, чем другие вещества. Итак, вначале мы получили желтый с оранжевым оттенком, затем он в конце концов стал полностью желтым. Кокаин, — сказал Гроссман.

— Кокаин, — повторил Карелла.

— И когда я провел опыты по осадку и кристаллизации, то получил практически те же самые результаты. Используя в виде реактива хлорид платины и в качестве растворителя уксусную кислоту, я запустил немедленную кокаиновую реакцию — тысячи агрегатных кристаллических ножеподобных форм, расположенных произвольным образом, умеренное двойное лучепреломление, в основном…

— Ты забыл про меня, Сэм, — сказал Карелла.

— Не важно. Это был типичный кокаин. Когда я использовал хлорид золота с кислотой, я получил кристаллы, которые образовывались из аморфной… ну, не важно. Это также характерно для кокаина.

— Итак… Ты хочешь сказать, что вещество, которое было обнаружено на дне сумки, является кокаином?

— Я хочу сказать, что оно весьма *смахивает* на кокаин. Я не могу ответить тебе однозначно, Стив, не проведя целый ряд дополнительных опытов. Но само вещество кончилось, прежде чем я мог продолжить. Но если тебе будет легче… Ты ведь ищешь некую связь через наркотики, верно я понимаю?

— Да.

— Мы нашли кусочки марихуаны, а также семена марихуаны на дне сумки. В дамские сумочки попадает любое дерьмо.

— Хорошо, спасибо, Сэм.

— Возможно, тебе пригодится информация, что девушка жевала резинку без сахара?

— Нет, не пригодится.

— В таком случае я не буду указывать, что она жевала резинку без сахара. Счастливо, Стив. У меня тут пули, извлеченные из семерых, убитых сегодня полицейскими.

— Что? — спросил Карелла, но Гроссман уже повесил трубку.

Гроссман стоял, улыбаясь, не выпуская из руки трубку, которую положил на аппарат. Он поднял глаза, услышав, как открывается дверь. К его удивлению, вошел Берт Клинг. Он удивился не тому, что Клинг явился к нему в лабораторию. Он удивился тому, что всего десять секунд назад он разговаривал с другим полицейским из 87-го участка. Учитывая теорию вероятностей, Гроссман должен был бы догадаться, что… Ладно, не важно.

— Заходи, Берт, — сказал он. — Как дела?

Он знал, как дела. Все в департаменте знали, как дела. Берт Клинг в августе нашел жену с любовником в постели, вот какие дела. Он знал, что Клинг с женой теперь разведены. Он знал, что Карелла волнуется о нем, потому что Карелла делился своими волнениями с Гроссманом, а тот предложил, чтобы Карелла поговорил с одним из психологов в департаменте, который, в свою очередь, посоветовал Карелле уговорить Клинга прийти к нему самому, в чем Карелла не сумел убедить Клинга. Клинг нравился Гроссману. Конечно, в 87-м участке кое-кто не нравился Гроссману, но таких было мало. Например, Паркер. Паркер определенно ему не нравился. У него был дурной характер, и он был ленив — такой человек мог вызывать отвращение. А вот Клинг очень нравился Гроссману, и ему было неприятно, как он выглядел. Словно только что вышел из тюрьмы штата в Кастлвью — в гражданской одежде не по размеру, которую ему бесплатно выдали вместе с бумагами об условном освобождении и чеком на получение минимальной зарплаты. Словно ему нужно было побриться, хотя светлая щетина на щеках и скулах Клинга была не так заметна, как если бы он принялся отращивать бороду. Словно тащил на плечах неподъемную ношу. Словно его глаза были немного влажные, и он сейчас расплачется. Гроссман заглянул ему в глаза, когда они пожали друг другу руки. Правильно ли делал Карелла, что волновался? Верно ли, что Клинг выглядел так, словно в один прекрасный день примется жевать табельное оружие?

— Итак, — улыбаясь, сказал Гроссман. — Что тебя привело сюда?

— Несколько пуль, — сказал Клинг.

— Опять пули? У нас сегодня утром произошло повторение резни Валентинова дня, — сказал Гроссман. — Семеро ребят убиты в гараже на Нижней платформе. Убийцы были переодеты полицейскими. Надо признать, сделано с чувством стиля, но для нас это лишняя работа в воскресные дни. Какие у тебя пули?

— Мы получили донесение об убийстве вчера на шоссе Сильверман-роуд, — сказал Клинг. — Жертву звали Марвин Эдельман, убит из огнестрельного оружия. Я обратился в морг, чтобы отправляли, что обнаружат, к вам. Я думал, что надо сказать об этом.

— И ты приехал ко мне специально ради того, чтобы сообщить, что скоро ко мне прибудет несколько *пуль?* — спросил Гроссман.

— Нет, я просто был рядом.

Гроссман знал, что здание суда по уголовным делам было соседним, и он было предположил, что Клинг приехал по судебным делам. Впрочем, по воскресеньям работал только один суд: по предъявлению обвинения тем, кто был арестован накануне. И тогда Гроссман вспомнил, что часть «консультация психолога» переехала в новое помещение на третьем этаже здания. Неужели Карелла в конце концов уговорил Клинга пойти на консультацию по поводу своей депрессии?

— Ну, так что заставило тебя приехать сюда в воскресенье? — спросил Гроссман как бы невзначай.

— Ко мне вчера приходила одна дама, ее муж… Ну, это длинная история, — сказал Клинг.

— Расскажи, — сказал Гроссман.

— Нет, тебе и так хватит забот с пулями, — сказал Клинг. — Пожалуйста, не пропусти ничего, что придет из морга. Имя убитого — Эдельман.

— Мой *кореш,* — пошутил Гроссман, но Клинг не улыбнулся.

— До встречи, — сказал Клинг и вышел из лаборатории в мраморный коридор. А история, которую он не рассказал, была про одну женщину. Она приходила к нему вчера, потому что прежняя подружка ее мужа встретила его на улице и полоснула ножом для резки хлеба от плеча до кисти, а нож она вытащила из сумочки. При описании бывшей подружки мужа женщина выразилась о ней так: «черная, как телефон на столе». Еще она сказала, что та была худющая, как щепка, и звали ее Анни, но фамилию ее она не знала, да и муж ее тоже. По ее словам, муж был голландец, моряк, он приплывал в городской порт на своем судне примерно раз в месяц и тратил зарплату на разных проституток на Спутанном Небе или в центре, в сквере, прозванном Слит-Сити. Она видела, как эта Анни полоснула ножом ее мужа, и слышала, как Анни сказала: «Уж я тебя пощекотю!»

И это словечко *«пощекотю»* напомнило Клингу кое-что.

Полицейский не всегда понимает, как он запоминает тысячи мелких деталей бесчисленных уголовных дел, которые попадают к нему на стол и с которыми он сталкивается ежедневно. Но как раз память часто выручает. Тот факт, что какой-то преступник с ножом был черным, не помогает вспомнить. Не помогает и имя Анни, не помогает и знание того, что девушка была худющая и зарабатывала на жизнь ремеслом проститутки. Но первый раз Клинг услышал слово *«щекотить»* на авеню Масонов. Худая черная проститутка, полоснувшая клиента ножом по лицу, говорила потом: «Я бобра не щекотила».

Коттон Хейз, который приехал на вызов вместе с ним, рассказал Клингу, что он сам впервые услышал это выражение в Новом Орлеане, и оно означало, конечно, «пырнуть». Пугану звали Анни Хэлмс. В тот момент, когда жена жертвы повторила то, что приговаривала Анни, вспарывая руку своему бывшему дружку, Клинг щелкнул пальцами.

Он находился здесь сегодня, несмотря на свой выходной, потому что: 1) он жил только в шести кварталах отсюда в маленькой квартирке в тени моста Калмз-Пойнт; 2) он не мог допросить вдову Марвина Эдельмана до завтра, потому что она находилась в пути домой с Карибского моря после звонка дочери — та известила ее, что вчера был убит Эдельман; 3) больше ему практически нечего было делать по поводу убийства, пока в лаборатории Гроссмана не получат информацию об оружии, которое было использовано при убийстве; 4) он знал, что отдел установления личности был открыт семь дней в неделю (хотя мэр грозил урезать финансирование), и он надеялся раздобыть фотокарточку Анни Хэлмс, которую мог бы затем показать тому, кого она пырнула, и его жене, которая видела все это, надеясь на положительное установление личности, — этого будет достаточно для ареста.

Вот почему он находился здесь.

Он не сказал Гроссману, почему он здесь, хотя было начал рассказывать… Эта история с треугольником «моряк — жена — бывшая подружка» напомнила ему сцену в спальне, в квартире, где Клинг жил с Огастой, их собственный треугольник, обнаженную Огасту, нелепо прижимающую одеяло к груди, пряча свой стыд и наготу от мужа, ее широко раскрытые зеленые глаза, спутанные волосы, капельки пота на великолепных скулах, ее дрожащие губы. Рука Клинга с пистолетом тоже дрожала. Мужчина, который был рядом с Огастой, — третья сторона треугольника, — был в трусах и тянулся к брюкам, сложенным на стуле. Он был невысокого роста, волосатый, похож на Дженеро, у него были вьющиеся черные волосы, широко раскрытые от ужаса карие глаза, но он не был Дженеро, он был любовником Огасты. Он обернулся от стула со сложенными брюками и только сказал: «Не стреляйте».

И Клинг навел на него пистолет.

«Надо было выстрелить, — подумал теперь Клинг. — Если бы я застрелил его, то сейчас бы жил без стыда. Тогда бы мне не пришлось прерывать свой рассказ про

моряка-голландца и его подружку из опасения, что даже такой приличный человек, как Сэм Гроссман, вспомнит и подумает: „Ах, ну, конечно же, Клинг и его жена, которая его обманывала. Конечно же, Клинг ничего не сделал, не пристрелил того, кто…“»

— Эй, привет! — услышал он.

Он шел к лифту, склонив голову, глядя в мраморный пол. Он не узнал ее голоса, он даже не понял вначале, что она обращается к нему. Но он поднял глаза, потому что кто-то преградил ему дорогу. Этим «кем-то» была Эйлин Берк.

На ней был простой коричневый костюм с зеленой блузкой. Зеленой — под цвет ее глаз. Длинные рыжие волосы не закрывали лица; она прямо стояла в туфлях-лодочках на высоком каблуке, которые были слегка темнее костюма. У нее была сумка через плечо, и он увидел в сумке дуло пистолета между скомканных салфеток «Клинекс». Фото, забранное в пластиковую карточку-пропуск, прикрепленную к лацкану костюма, изображало также Эйлин Берк, но помоложе, в рыжих кудряшках. Она улыбалась — на фото и сама лично.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она. — Никто сюда не приходит в воскресенье.

— Мне нужно фото из отдела установления личности, — ответил он. Казалось, она ждала, что он скажет дальше. — Ну, а ты?

— Я здесь работаю. В особой части штабного дивизиона. Прямо на этом этаже. Заходи на чашку кофе. — Ее улыбка стала шире.

— Нет, спасибо, я тороплюсь, — сказал Клинг, хотя вовсе не спешил.

— Ладно. — Эйлин пожала плечами. — На самом деле я рада, что встретила тебя. В любом случае я собиралась позвонить тебе попозже.

— Да? — спросил Клинг.

— Мне кажется, я потеряла сережку. У вас или в прачечной, где я встречалась с Трусоватым. Если в прачечной, то пиши пропало. Если в комнате детективов или в машине, когда ты меня подвозил вчера…

— Да, — сказал Клинг.

— Это была простенькая золотая сережка, как монетка в двадцать пять центов. Обычная такая сережка, с какой можно пойти в прачечную.

— С какого уха? — спросил он.

— С правого, — сказала она. — А какая разница? То есть она была на правом ухе, но серьги можно вешать на любое ухо, так что…

— Да, верно, — сказал Клинг. Он смотрел на ее правое ухо, или на что-то за ухом, или на что-то еще. Он только не смотрел ей в лицо, стараясь не встретиться с ней взглядом. «Что с ним происходит?» — подумала она.

— Ладно, погляди там, хорошо? — сказала она. — Если найдешь, позвони. Я в особой части, ты знаешь, но я не сижу на месте… Просто передай, что звонил. Если найдешь. — Она поколебалась. — Итак, это *правая* сережка. Если найдешь *левую* , значит, не моя. — Она улыбнулась. Он не улыбнулся в ответ. — Ладно, увидимся в бильярдной, — сказала она, помахала на прощание рукой, повернулась на каблуках и пошла прочь.

Клинг нажал кнопку лифта.

* * *

Тина Вонг бегала трусцой по парку в снежную погоду и, когда вернулась, с удивлением увидела детективов — они ждали ее в вестибюле дома. На ней был серый спортивный костюм «Найк» и вязаная шапочка, но не такая цветастая, какую Мейер получил в подарок от жены. Ее кроссовки были мокрые, так же, как и рейтузы.

— Ах! — сказала она и почему-то оглянулась, будто поставила машину в неположенном месте.

— Извините за беспокойство, мисс Вонг, — сказал Мейер. На нем не было той шапочки, что связала жена и подарила ему на Валентинов день. На нем была мягкая синяя шляпа, в которой вид его был более стильный.

— Мы хотели задать несколько вопросов, — объяснил Карелла. Они ждали в вестибюле около сорока минут. Консьерж в доме Тины предложил им подождать, пока «мисс Вонг набегается».

— Пожалуйста. — Тина указала им на кучу мебели, собранной у искусственного камина. В вестибюле было очень жарко. Лицо Тины раскраснелось от холода и от бега. Она сбросила вязаную шапочку и тряхнула волосами. Все трое сидели на стульях у искусственного камина. Консьерж находился у пульта с другой стороны вестибюля и читал заголовки в утренней газете. Слышался механический шум; детективы не могли угадать, откуда он шел. В вестибюле пахло влажной одеждой. За стеклом входных дверей дул сильный ветер.

— Мисс Вонг, — сказал Карелла, — когда мы говорили с вами вчера, вы помните, мы вас спрашивали, не употребляла ли Салли кокаин?

— Угу, — кивнула Тина.

— И помните, вы сказали нам…

— Я сказала, что, насколько мне известно, не употребляла.

— Означает ли это, что вы никогда не *видели* , как она употребляла кокаин?

— Никогда.

— Означает ли это также, что она никогда не говорила с вами об этом?

— Никогда.

— *Стала бы* она говорить с вами об этом?

— Мы были близкими подругами. Нет ничего ужасного в том, чтобы изредка нюхнуть чуток. Думаю, если бы она употребляла кокаин, то сказала бы мне об этом.

— Но она не сказала.

— Нет, не сказала.

— Мисс Вонг, по показаниям Тимоти Мура, Салли Андерсон отправилась на какую-то вечеринку в воскресенье вечером. К кому-то по имени Лонни. Черной танцовщице в шоу.

— Да? — сказала Тина.

— А вы были на той вечеринке?

— Да, была.

— Но мистера Мура там не было.

— Нет, не было. Ему надо было заниматься. Накануне Нового года он принял решение…

— Да, он говорил нам. В тот вечер вы не заметили, чтобы мисс Андерсон нюхала кокаин?

— Нет.

— А другие?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Там были другие члены труппы?

— Да, конечно.

— Вы помните, когда мы говорили вчера, вы упоминали, что кое-кто в труппе употребляет кокаин.

— Да, я могла так сказать.

— Вы сказали, что некоторые употребляют чуточку кокаина, время от времени.

— По-моему, я так говорила.

— Кто-нибудь из них употреблял кокаин в воскресенье? Вы заметили?

— Я не уверена, что должна отвечать на этот вопрос, — сказала Тина.

— Почему нет? — спросил Мейер.

— Почему вы вообще думаете, что *Салли* нюхала кокаин?

— *Нюхала? —* тотчас спросил Карелла.

— Я сказала, что мне об этом неизвестно. Но все ваши вопросы… Да какая разница, употребляла она кокаин или нет? Ее убили. При чем тут *кокаин!*

— Мисс Вонг, у нас есть основания полагать, что она употребляла кокаин.

— Откуда? Какие основания?
— Мы провели опыты с остатками в сумке.
— И они оказались кокаином?
— Мы практически уверены в этом.
— Что это означает? Был кокаин или не был?
— Опыты не были исчерпывающими, но из того, что…
— Значит, это могло быть *что угодно* , так? Пудра или…
— Нет, это не пудра, мисс Вонг.
— Почему вы так стремитесь доказать, что она употребляла кокаин?
— Вовсе не стремимся. Мы просто хотим узнать, кто *еще* его употреблял.
— Откуда *мне* знать, кто еще употреблял?
— Когда мы говорили с вами вчера…
— Вчера я не знала, что наш разговор превратится в допрос третьей степени.
— Это не допрос третьей степени, мисс Вонг. Когда мы говорили с вами вчера, вы сказали — по-моему, я правильно запомнил — «обыкновенно, когда с кем-то делаешь шоу, отлично себе представляешь, кто чем пользуется». Разве вы не так сказали?
— Я в точности не помню, что говорила.
— Но вы имели в виду это?
— Полагаю, да.
— Хорошо. Если вы отлично себе представляете, кто чем пользуется, то расскажите нам об этом.
— Ради чего? Чтобы навлечь неприятности на приличных людей без всякой на то причины?
— На *каких* приличных людей? — спросил Карелла.
— Я не знаю никого, кто имеет дело с наркотиками.
— Вчера вы говорили иначе.
— А сейчас я говорю так. — Она пристально посмотрела на них. — Кажется, мне следует позвонить моему адвокату.
— Мы не ищем здесь наркотики, — сказал Мейер.
— Не знаю, что вы ищете, но от меня вы этого не получите.
— Вашу лучшую подругу убили, — мягко укорил Карелла.
Она посмотрела на него.
— Мы пытаемся найти человека, который сделал это.
— Никто из шоу не делал этого.
— Откуда вы знаете?
— Я не знаю. Я только знаю… — Она умолкла, скрестила руки на груди и упрямо выставила подбородок. Карелла посмотрел на Мейера. Мейер кивнул едва заметно.
— Мисс Вонг, — сказал Карелла, — то, что вы рассказали вчера, дает нам основания полагать, что вы знаете, кто из труппы употребляет кокаин. Мы расследуем дело об убийстве. Мы можем вызвать вас в суд, где перед большим жюри присяжных вам придется отвечать на те же вопросы, что задаем вам мы…
— Нет, не можете, — сказала она.
— Можем, — сказал Карелла, — и мы вызовем вас, если вы будете отказываться…
— Мы что, в России? — спросила Тина.
— Мы в Соединенных Штатах, — сказал Карела. — У вас — *ваши* права, а у нас — *наши* . Если вы откажетесь отвечать перед большим жюри, вас задержат за неуважение к суду. Выбирайте.
— Я просто не могу поверить в это, — сказала она.
— Это так. Если вы знаете, кто употребляет наркотики…
— Я ненавижу, когда так называемые мужчины выкручивают руки слабой женщине! — воскликнула Тина.
Оба детектива молчали.

— Это тактика мафии, — сказала Тина.

Они опять промолчали.

— Как будто это вообще имеет хоть какое отношение к тому, кто убил Салли. — Тина нервно поправила волосы.

— Пойдем, Мейер. — Карелла встал.

— Постойте, — сказала Тина.

Он не стал садиться.

— На той вечеринке нюхали примерно полдюжины человек.

— Кто-нибудь из труппы?

— Да.

— Кто?

— Салли, конечно.

— Кто еще?

— Майк.

— Майк? Кто это?

— Ролдан. Мигель Ролдан.

— Спасибо, — сказал Карелла-.

— Если вы причините ему неприятности…

— Мы не собираемся причинять ему неприятности, — сказал Мейер. — Насколько хорошо Салли Андерсон знала вашего продюсера?

Вопрос застал ее врасплох. Она широко открыла глаза. Секунду она колебалась.

— Алана? — спросила она.

— Алана Картера, — кивнув, сказал Карелла.

— Почему вы спрашиваете?

— Салли не говорила о нем ничего, что касалось бы не только его профессиональной деятельности?

— Не понимаю, что это значит.

— Я думаю, вы понимаете, что это значит, мисс Вонг.

— Вы спрашиваете, не было ли между ними *связи?* Не смешите меня.

— Почему вы думаете, что это смешно, мисс Вонг?.

— Потому что… Ну, у нее был дружок. Вы *знаете* об этом, я говорила вам вчера.

— Почему это должно исключать связь с мистером Картером?

— Я просто знаю, что между ними ничего не было.

— Откуда вы это знаете?

— Ну, некоторые вещи просто *знаешь.*

— Вы когда-нибудь видели их вместе?

— Конечно.

— Вне театра, я хочу сказать.

— Иногда.

— Когда вы видели их в *последний* раз?

— В воскресенье вечером.

— При каких обстоятельствах?

— Он был на вечеринке у Лонни.

— Это у вас обычное дело? Чтобы продюсер шоу приходил на вечеринку, которую дает танцовщица?

— Вы, кажется, не успокоитесь, пока *всех* не втянете в неприятности?

— Кого мы теперь втягиваем в неприятности? — спросил Мейер.

— Алан был со *мной,* — проговорила Тина сквозь зубы. — *Я* позвала его на вечеринку.

Детективы переглянулись, не понимая.

— Он *женат* , теперь ясно? — сказала Тина.

* * *

В данный момент они хотели переговорить только с двумя людьми, связанными с шоу.

Первым был Мигель Ролдан — так совпало, что он оказался латиноамериканцем и к тому же употреблял кокаин. Салли Андерсон нюхала кокаин, а Пако Лопес был «латиносами». Они хотели спросить Ролдана, где он добывал порошок и где брала порошок Салли, не в одном и том же месте? И не было ли это место, по случаю, собственной лавкой сладостей Пако Лопеса? Вторым человеком был Алан Картер, женатый продюсер «Жирной задницы». У него, в соответствии с показаниями Тины Вонг, был маленький закулисный романчик с танцовщицей-китаянкой, возникший в сентябре, когда они разглядели друг друга на приеме по случаю премьеры шоу. Детективы хотели спросить Картера, почему он думал, что Салли Андерсон — «рыжая малышка»? Не было ли у Картера еще одной внебрачной связи с танцовщицей-блондинкой? Если не было, то зачем он так старался показать, что едва помнит ее? Они ничего не спрашивали у Тины по поводу видимого смущения Картера. Если *была* какая-то связь между ним и погибшей девушкой. Тина вполне могла и не знать об этом, и в этом случае они не хотели его настораживать. Они интуитивно чувствовали, что он лжет, утверждая, что не помнит Салли Андерсон. Теперь они хотели выяснить, *почему* он лжет.

Им не удалось выяснить это к вечеру в воскресенье.

Консьерж в доме, где проживал Картер (Гровер-Вест), сказал детективам, что они с миссис Картер уехали около четырех вечера. Он не знал, куда и когда они вернутся. Он высказал предположение, что мистер Картер уехал опять в Филадельфию, но это не увязывалось с тем фактом, что супруги уехали в лимузине с шофером. Мистер Картер обыкновенно ездил в Филадельфию поездом и, кроме того, всегда отправлялся один. Едва ли он поехал в Филадельфию, размышлял Карелла. Вчера по телефону Картер сказал, что не поедет в Филадельфию до вечера в среду.

Детективы отправились через город туда, где Мигель Ролдан жил с Тони Асенсио, другим танцором-латиноамериканцем из шоу. Дома никого не было, не было также и консьержа, который мог бы сказать что-либо по поводу их отсутствия.

Карелла пожелал спокойной ночи Мейеру в десять минут седьмого и только тогда вспомнил, что еще не купил подарок для Тедди. Он шагал по улице Стем, пока не нашел открытого магазина белья. Там были трусики с «особенным» вырезом и еще несколько видов таких, которые можно поедать, как конфеты. Он решил, что это не совсем то, и потом еще провел в поисках подарка целый час, пока не остановил свой выбор на коробке шоколадных конфет в форме сердца. У него было чувство, что он обижает Тедди.

В ее глазах и на лице не было разочарования, когда он вручил подарок. Он объяснил, что это только предварительный подарок и что он купит ей *настоящий* подарок, когда ему станет немного полегче расследовать последнее дело. Он не знал, когда это произойдет, но дал себе обещание, что непременно купит ей завтра что-нибудь фантастическое. Он еще не знал, что дело принимало своеобразный оборот и что он узнает об этом на другой день, в результате чего ему снова придется отложить свои грандиозные планы.

За обедом десятилетняя Эйприл жаловалась, что получила только одну открытку на Валентинов день, да и та — от олуха. Она произнесла это слово, скривив лицо в точности, как Тедди: темные глаза и темные волосы, красивый рот, выражающий полное презрение. Ее десятилетний брат Марк, который на Кареллу был похож больше, чем на мать или на сестру-близняшку, высказал предположение, что пославший открытку Эйприл *должен* быть олухом. Тогда Эйприл схватила недоеденную свиную отбивную за косточку и воинственно подняла ее над головой, как топорик. Карелла утихомирил их. Фанни пришла с кухни и невзначай заметила, что это те самые отбивные, которые она вынула из морозилки вчера, и она надеялась, что на вкус они хорошие и что никто в семье не заработает трихиноз. Марк пожелал узнать, что такое *трихиноз* . Фанни сказала, что это связано с «касуле», и подмигнула Карелле.

Дети легли спать в девять.

Некоторое время Стив и Тедди смотрели телевизор, а потом пошли в спальню. Тедди находилась в ванной комнате, казалось, необыкновенно долго. Карелла решил, что она злится. Когда она вернулась из ванной, на ней был халат поверх ночной рубашки. Обыкновенно она не бывала такой скромной в их собственной спальне. Он все больше и больше стал думать, что коробка конфет, в которой на обратной стороне крышки даже не был изображен ассортимент, не понравилась ей. Таким глубоким было его собственное чувство вины («Итальянцы и евреи, — бывало, говорил Мейер, — самые виноватые люди на земле»), что он не вспомнил, пока она не откинула в темноте одеяло и не забралась в постель рядом, что *она* не преподнесла ему ничего *вообще.*

Он включил ночник.

— Милая, — сказал он, — прости. Я знаю, я должен был сделать это раньше. Глупо, что я отложил это на последнюю минуту. Обещаю тебе, что завтра…

Она приложила пальцы к его губам, чтобы он замолчал.

Она села.

Она спустила тесемку ночной рубашки.

При свете ночника он увидел ее плечо. Там, где прежде была татуировка — единственная черная бабочка, которая появилась так давно, что теперь даже трудно вспомнить, когда, — теперь он увидел *две* бабочки. Новая — чуть больше первой, ее крылья — ярко-желтые с черными краями. Новая бабочка порхала над первой, словно целуя ее крылышками.

Его глаза вдруг наполнились слезами.

Он притянул ее к себе и крепко поцеловал. Их слезы смешались — как бабочки на плече.

Глава 8

Для некоторых все еще был Валентинов день.

Многие люди не согласны с тем, что день кончается в полночь. Для них день кончается тогда, когда они ложатся спать. А с утра, когда они встают, начинается новый день. Двое, считавших, что Валентинов день еще не кончился, были брат Антоний и Толстуха. Хотя уже пробил час ночи, они по-прежнему считали, что День влюбленных продолжается, — тем более что им удалось выяснить, как звали подружку Пако Лопеса. На самом деле они узнали ее имя, пока еще *был* День святого Валентина, и они посчитали это хорошим знаком. Но только в час ночи брат Антоний постучался в дверь квартиры Джудит Квадрадо.

Если к вам в этом районе города постучатся в час ночи, ничего хорошего не ждите. Скорее всего это полиция: вам хотят задать несколько вопросов о преступлении, совершенном в вашем доме. Или, возможно, это ваш друг или сосед пришел рассказать, что его близкий покалечил кого-то либо, наоборот, что покалечили близкого. В любом случае ничего хорошего не ждите. В этом районе города знали, что стук в дверь в час ночи не означает, что пришел грабитель или взломщик. Воры не стучатся в двери. В этом районе воры знают, что в дверях обычно стоят два замка да еще здесь принято устанавливать замки с вертикальным запором. Брат Антоний знал, что напугает того, кого разбудит в час ночи. Именно поэтому они с Эммой дождались часа ночи, хотя имя и адрес они узнали еще в десять вечера.

— Кто там? — спросила Джудит за дверью.

— Друзья, — сказал брат Антоний.

— Друзья? Кто? Какие друзья?

— Пожалуйста, откройте дверь, — сказал он.

— Уходите, — сказала Джудит.

— У нас важный разговор, — сказала Эмма.

— Кто вы?

— Приоткройте дверь, — сказала Эмма, — и увидите.

Они услышали, как женщина отпирала замки. Вначале один, потом другой. Дверь приоткрылась на щелку, далее не пускала цепочка. В щелку они увидели бледное лицо женщины. Позади нее горел свет на кухне.

— Dominus vobiscum, — сказал брат Антоний.

— У нас есть деньги для вас, — сказала Эмма.

— Деньги?

— От Пако.

— Пако?

— Он сказал, чтобы мы отдали вам деньги, если с ним что-нибудь случится.

— Пако? — снова переспросила Джудит. Она не видела Пако в течение двух месяцев до убийства. Пако оставил шрамы у нее на груди, сукин сын. Что это еще за священник перед дверью? Кто эта жирная женщина, которая говорит, что у них для нее деньги? Деньги от Пако? Невозможно.

— Уходите, — снова сказала она.

Эмма взяла пачку купюр, лежавших в блокноте, — остаток денег, которые брат Антоний забрал у бильярдного шулера. Она видела, как у Джудит расширились глаза.

— Это вам, — сказала Эмма. — Откройте дверь.

— Если это мне, то отдайте, — сказала Джудит. — Для этого не надо открывать дверь.

— Ладно, — сказал брат Антоний, останавливая руку Эммы. — Ей не нужны эти деньги.

— А сколько там денег? — спросила Джудит.

— Четыреста долларов, — сказала Эмма.

— И Пако сказал, что хочет, чтобы я их получила?

— За то, что он с тобой сделал, — понизив голос и опустив глаза, сказала Эмма.

— Постойте, — сказала Джудит.

Дверь закрылась. Они ничего не слышали. Брат Антоний пожал плечами. Эмма тоже пожала плечами. Им дали неверные сведения? Человек, рассказавший им про Джудит, был ее кузеном. Он сказал, что она жила с Пако перед тем, как его убили. Он сказал, что Пако прижигал сигаретами ее груди. Это была одна из причин, почему брат Антоний предложил позвонить ей в дверь в час ночи. Брат Антоний считал, что ни одна женщина не позволит жестоко обращаться с собой, если только это не очень запуганная женщина. Но где она? Куда она пошла? Они ждали. Наконец они услышали, как снимают цепочку. Дверь широко открылась. Джудит Квадрадо стояла в дверях с пистолетом в руке.

— Заходите, — сказала она и гостеприимно поманила их пистолетом.

Брат Антоний не ожидал встречи с пистолетом. Он поглядел на Эмму.

— No hay necesidad de la pistola[5], — сказала Эмма. Брат Антоний не понял этой фразы. До последней минуты он не подозревал, что Эмма может говорить по-испански.

— Hasta que yo sepa quien es usted[6], — сказала Джудит и снова помахала пистолетом.

— Хорошо, — ответила по-английски Эмма. — Но *только* пока вы не узнаете, кто мы. Я не люблю делать одолжение женщинам с оружием.

Они прошли в квартиру. Джудит закрыла дверь и заперла. Они находились в небольшой кухне. Холодильник, мойка и плита стояли у одной стены под окошком, выходившим в проход между домами. Окошко было закрыто, стекло по краям обледенело. В правом углу стоял стол с белой клеенкой и около него — два стула.

Брату Антонию не понравилось выражение лица Джудит. Она не была похожа на испуганную женщину. Она была похожа на женщину, которая владеет ситуацией. Ему

---

[5] Нет необходимости в пистолете (исп.).

[6] Пока я не узнаю, кто вы (исп.).

пришло в голову, что они совершили ошибку, явившись сюда. Брат Антоний подумал, что они потеряют остаток денег, которые он забрал у бильярдного шулера. Он решил, что мысли, которые рождались у них с Эммой, не всегда так уж были хороши. Ростом Джудит была, вероятно, пять футов шесть дюймов, она была изящной темноволосой девушкой, только нос был чуть великоват для ее узкого личика. На ней был темно-синий халат. Она заставила их так долго ждать, потому что надевала халат и доставала пистолет, решил брат Антоний. Ему не понравился вид пистолета. Он не дрожал у нее в руке. Ей приходилось пользоваться пистолетом раньше, он чувствовал это. Она не будет колебаться, чтобы выстрелить. Ситуация казалась очень плохой.

— Итак, — сказала она, — кто вы?

— Я — брат Антоний.

— Эмма Форбс, — представилась Эмма.

— Откуда вы знаете Пако?

— Какая жалость, что с ним приключилось такое несчастье! — сказала Эмма.

— Откуда вы его знаете? — спросила Джудит снова.

— Мы старые друзья, — сказал брат Антоний. Его по-прежнему беспокоило, что она держала пистолет такой твердой рукой. Пистолет не был похож на какой-нибудь дешевый — из тех, что были в ходу. Этот был по *меньшей мере* тридцать восьмого калибра. Такой мог проделать весьма заметную дырку в рясе.

— Если вы были друзьями Пако, почему я не знаю тебя?

— Мы были в другом месте, — сказала Эмма.

— А как же вы получили деньги, если вы были в другом месте?

— Пако нам оставил. В квартире.

— В какой квартире?

— Там, где мы живем.

— Он оставил их *мне?*

— Он оставил их вам, — сказала Эмма. — И записку.

— Где записка?

— Где записка, святой брат? — спросила Эмма.

— В квартире, — сказал брат Антоний, изображая раздражение. — Я не знал, что нам нужна *записка* . Мне не пришло в голову, что нужно брать с собой *записку* , когда собираешься отдавать четыреста долларов…

— Ну так отдавайте, — сказала Джудит и протянула руку.

— Уберите пистолет, — сказала Эмма.

— Нет, вначале отдайте деньги.

— Отдай ей деньги, — сказал брат Антоний. — Это ее деньги. Пако хотел, чтобы мы отдали ей деньги.

Их глаза встретились. Джудит не заметила взгляда, которым они обменялись. Эмма подошла к столу и положила купюры веером на клеенку. Джудит повернулась, чтобы взять деньги со стола, и тут брат Антоний шагнул к ней и влепил ей кулаком по носу. И до этого ее нос был не слишком красив, а теперь из него брызнула Кровь. Брат Антоний вычитал где-то, что удар в нос очень болезнен и высокоэффективен. При этом из носа хлещет кровь, и люди пугаются ее вида. Когда из ее носа полилась кровь, Джудит забыла про пистолет. А брат Антоний схватил ее запястье, завел руку назад и вырвал пистолет.

— Очень хорошо, — сказал он.

Джудит прижала руку к носу. Кровь вытекала из носа сквозь пальцы. Эмма взяла полотенце для посуды и кинула ей.

— Оботрись, — сказала она.

Джудит всхлипывала.

— И перестань плакать. Никто не будет тебя бить.

Джудит не вполне поверила. Ее *уже* ударили. Она сделала ошибку, что, даже *имея* пистолет, открыла дверь в час ночи. А теперь пистолет был в руках монаха: «жирная»

собирала деньги со стола и запихивала обратно в сумку на плече.

— Что вы хотите? — спросила Джудит. Она прижимала полотенце к носу. Полотенце становилось красным. Нос болел. Она заподозрила, что монах сломал его.

— Сядь, — сказал брат Антоний. Теперь он улыбался: ситуация снова была в его руках.

— Сядь, — повторила Эмма.

Джудит села за стол.

— Дайте мне лед, — сказала она. — Вы сломали мне нос.

— Принеси ей лед, — сказал брат Антоний.

Эмма пошла к холодильнику. Она вытащила ванночку со льдом и вытрясла лед в мойку. Джудит передала ей запятнанное кровью полотенце, и Эмма завернула в него несколько кубиков льда.

— Вы сломали мне нос, — снова сказала Джудит, взяла полотенце и приложила завернутый лед к носу. С улицы доносилась сирена «Скорой помощи». Она подумала, не придется ли ей вызывать «Скорую помощь».

— Кто были его клиенты? — спросил брат Антоний.

— Что? — Вначале она не поняла, о ком он говорит. Потом она сообразила, что он спрашивает про Пако.

— Его *клиенты,* — сказала Эмма. — Те, кому он *продавал.*

— Вы имеете в виду Пако?

— Ты знаешь, кого мы имеем в виду, — сказал брат Антоний. Он сунул пистолет в карман спереди рясы и сделал знак Толстухе. Эмма снова начала рыться в сумке. На одну секунду Джудит подумала, что они отпустят ее. Монах убрал пистолет, а «жирная» копалась у себя в сумке. Они собирались отдать ей деньги в конце концов. Но, когда Эмма извлекла руку из сумки, в ней было что-то длинное и узкое. Большой палец Толстухи пошевелился, и, блеснув, раскрылась опасная бритва. Джудит боялась бритвы пуще пистолета. В жизни в нее никогда не стреляли, но резали ее много раз, и однажды ее порезал даже Пако. На плече у нее был шрам. Этот шрам был менее уродлив, чем отметины, которые он выжег сигаретами у нее на груди.

— Кто были его клиенты? — снова спросил брат Антоний.

— Я его почти не знала, — сказала Джудит.

— Ты с ним жила, — сказала Эмма.

— Это не означает, что я знала его, — сказала Джудит, что по-своему было ужасной правдой.

Она не хотела говорить, кто были клиенты Пако, потому что *его* клиенты теперь стали *ее* клиентами — по крайней мере *станут* , как только она сведет все концы воедино. Она вспомнила имена всех двенадцати потребителей наркотиков. Их вполне хватало, чтобы она смогла обеспечить себе роскошную, по ее мнению, жизнь. Их было достаточно, чтобы она решила купить пистолет, прежде чем взяться за это предприятие. Слишком много было на свете негодяев, вроде Пако. Но теперь пистолет находился в руках монаха, а Толстуха медленно поворачивала бритву в руке, так что лезвие отсвечивало. Джудит подумала, что все в жизни по-своему повторяется. Вспомнив о том, что Пако сделал с ее грудью, левой рукой она инстинктивно запахнула халат. Брат Антоний заметил ее жест.

— Кто его клиенты? — спросила Эмма.

— Не знаю. Какие *клиенты?*

— Для сладкой пудры, — сказала Эмма и приблизилась к ней с бритвой.

— Я не знаю, что означает «сладкая пудра», — сказала Джудит.

— Это такая пудра, дорогая, — сказала Эмма, поднося бритву к ее лицу, — которую *нюхают носом* . Но у тебя *носа* больше не будет, если сейчас же не скажешь кто они.

— Нет, лицо не надо, — сказал брат Антоний почти шепотом. — Только не лицо.

Он улыбнулся Джудит. И снова на какую-то секунду Джудит подумала, что он отпустит ее. Толстуха казалась угрожающей, но монах, конечно…

— Сними халат, — сказал брат Антоний.

Она поколебалась. Она убрала полотенце от носа. Казалось, кровь уже не текла так сильно. Она снова приложила полотенце. Даже боль, казалось, утихает. Может быть, и не так все плохо. Может быть, если она просто будет делать, что они хотят, поиграет с ними… Конечно же, «жирная» не станет отрезать ей нос… Неужели имена клиентов Пако так важны для них? Станут ли они так сильно рисковать из-за малого? В любом случае теперь это были ее собственные клиенты, будь они прокляты! Она отдаст им все, что они ни попросят, но только не имена, которые для нее были билетом туда, где, по ее мнению, была свобода. Она не знала, какого рода эта свобода. Просто свобода. Она никогда не скажет им их имена.

— Почему вы хотите, чтобы я сняла халат? — спросила она. — Что вы от меня хотите?

— Имена клиентов, — сказала Эмма.

— Вы хотите увидеть мое тело? — спросила она. — Так?

— Назови клиентов, — сказала Эмма.

— Ты хочешь, чтобы я отсосала? — спросила она брата Антония.

— Снимай халат, — сказал брат Антоний.

— Потому что если ты хочешь…

— Халат, — сказал он.

Она посмотрела на него. Она попробовала прочесть его намерения в его глазах. Пако говорил ей, что она работала головой лучше любой другой проститутки. Если бы она добралась до монаха…

— Можно мне встать? — спросила она.

— Встань, — сказала Эмма и сделала несколько шагов назад. Открытая бритва была по-прежнему у нее в руке.

Джудит положила полотенце. Из носа кровь больше не шла. Она сняла халат и положила на спинку стула. На ней была только светлая ночная рубашка, которая кончалась чуть ниже промежности. На ней не было трусиков, которые она купила в комплекте с ночной рубашкой. Ночная рубашка и трусики обошлись в двадцать шесть долларов. Эти деньги она легко могла возместить своим новым кокаиновым ремеслом. Она видела, куда был направлен взгляд монаха.

— Ну, что скажешь? — спросила она, поднимая бровь и пытаясь улыбнуться.

— Сними рубашку, — приказал брат Антоний. «Жирная» будет делать то, что решит монах… Так размышляла Джудит, и так и было.

— Просто сними, — сказал брат Антоний.

— Ради чего? — спросила Джудит тем же легким тоном. — Ты и так все видишь, разве нет? Я практически голая, ты можешь все видеть сквозь рубашку, ради чего снимать ее?

— Снимай проклятую ночную рубашку! — заорала Эмма. Джудит снова подумала, что страшно ошиблась, открыв дверь. Но теперь уже поздно. Толстуха приближалась, поигрывая бритвой.

— Хорошо, только не… только не… Сейчас сниму, хорошо? Только… Не волнуйтесь… Но на самом деле я не знаю, о чем вы говорите, о каких клиентах Пако?.. Клянусь Богом, я не знаю, что вы имеете в виду…

— Ты знаешь, что мы имеем в виду, — сказал брат Антоний.

Она подняла рубашку выше пояса, стянула ее с себя и, не поворачиваясь, положила на сиденье деревянного стула. Сразу у нее на груди, на руках и плечах появились мурашки. Джудит стояла голая и дрожащая посередине кухни, босыми ногами на холодном линолеуме, за ее спиной было окно, обледеневшее по краям. «Она хорошо сложена, — подумал брат Антоний. — Плечи узкие и изящно развернутые, живот слегка округлый, груди большие и плотные, довольно красивые, разве только их портят шрамы от ожогов по бокам. Очень хорошо сложена, — подумал он. — Не такая сексуальная, как Эмма, но с очень хорошими формами». Он заметил на ее левом плече небольшой шрам от удара ножом. Она была женщиной, которую оскорбляли, возможно, регулярно, это была очень запуганная женщина.

— Режь, — сказал он.

Бритва пробежала так быстро, что в первую секунду Джудит не поняла, что ее

поранили. У нее на животе появилась тоненькая полоска крови. Это было не так страшно, как кровь из носа, — просто узенькая полоска крови, которая сочилась из тела, ничего страшного. Даже боль от пореза была меньше, чем от удара в нос. Она удивленно посмотрела на свой живот. Но почему-то ей сейчас было не так страшно, как секундой ранее. Если это было то, чего следовало ожидать, если это было самое худшее, что они могли с ней сделать…

— Мы не хотим причинить тебе боль, — сказал монах. И она поняла, что это означало: они *хотят* причинить ей боль и *на самом деле* изранят ее еще больше, если она не скажет им имена, которые им нужны. Она быстро пыталась сообразить, какой найти путь, чтобы защитить собственные интересы. Может быть, дать им имена клиентов, почему нет? Но не раскрывать имя дилера. Клиентов всегда можно найти, если знать, где брать порошок. Пряча свою тайну, пряча свой страх, она спокойно переписала им все имена, которые они хотели узнать, все двенадцать, которые она держала в памяти, накарябала их вместе с адресами на листке бумаги, стараясь скрыть дрожание руки, пока писала. А затем, после того, как она передала им список имен и даже проверила написание некоторых из них, после того, как она подумала, что все уже закончилось, что они уже получили от нее все, что хотели, и оставят ее со сломанным носом и кровоточащим шрамом на животе, к ее удивлению, монах спросил:

— Где он брал порошок?

И она поколебалась, прежде чем ответить, и тотчас поняла, что ее колебание — еще одна ошибка. Ее колебание показало им, что она знает, где Пако брал порошок, знает имя дилера. И они потребовали, чтобы она сейчас же назвала его.

— Не знаю где, — сказала она.

Ее зубы начали стучать. Она, не отрываясь, смотрела на бритву в руке Толстухи.

— Отрежь ей сосок, — сказал монах, и Джудит инстинктивно закрыла руками свою грудь, изуродованную шрамами, когда Эмма с бритвой в руке сделала к ней шаг. И вдруг ей стало страшнее, чем когда-либо в жизни. И она услышала, как ее голос сообщает им имя, отдает ключ к ее тайне и свободе, снова и снова повторяет это имя, бормочет это имя, надеясь, что на этом все закончится. Но, к ее удивлению, бритва опять сверкнула. Она была безмерно удивлена, не поверила своим глазам, когда увидела, как из ее правой груди хлынула кровь, и она поняла, о *Господи Иисусе* , что ей все равно причинят боль, о *Дева Мария* , что, возможно, ее убьют, о *Матерь Божья* , бритва сверкала и резала — раз-раз, раз-раз, раз-раз, — пока Джудит не потеряла сознание.

* * *

Комната детективов в участке выглядела так же, как в любой другой день недели, включая выходные. Но утром в понедельник все *знали* , что это понедельник. Просто в понедельник — другое ощущение. Хочешь, не хочешь — это начало новой недели. Такой же или не такой же, но несколько иной.

Карелла сидел за столом уже в семь тридцать утра, за пятнадцать минут до начала дневной смены. Люди из ночной смены сворачивались, пили кофе с булочками, тихо обменивались впечатлениями о событиях, которые произошли в ночные часы. Смена была довольно спокойная. Подшучивали над Кареллой, что рано пришел, — не готовился ли он к беседе с детективом первой степени? Карелла готовился к разговору с Карлом Лоэбом, студентом медфака, другом Тимоти Мура, которому последний, по его утверждению, звонил несколько раз в течение вечера, когда застрелили Салли Андерсон.

В телефонной книге «Айсола» было три колонки Лоэбов, но только две строчки относились к мужчинам, носившим имя *Карл* Лоэб. И в одной из двух последних был указан адрес на Перри-стрит, в трех кварталах от университета Рэмси. Мур сказал Карелле, что днем его можно найти на факультете. Карелла не знал, отмечается ли в университете такой никчемный праздник, как День президентов, но он не хотел рисковать. Кроме того, если факультет сегодня закрыт, это значит, что Лоэб может отправиться на пикник или еще

куда-нибудь. Он хотел застать его дома, прежде чем тот исчезнет в неизвестном направлении. Он набрал номер.

— Алло! — сказал женский голос.

— Попросите, пожалуйста, Карла Лоэба, — сказал Карелла.

— Кто его спрашивает? — поинтересовалась женщина.

— Детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка.

— Что вы имеете в виду? — спросила женщина.

— Департамент полиции, — сказал Карелла.

— Это шутка?

— Нет.

— Э… Подождите минуту.

Он слышал, как она позвала кого-то — видимо, Лоэба. Казалось, Лоэб был озадачен.

— Алло, — сказал он.

— Мистер Лоэб?

— Да?

— Говорит детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка.

— Да?

— У вас найдется несколько минут для меня? Я хочу задать вам пару вопросов.

— О чем? — спросил Лоэб.

— Вам знаком некий Тимоти Мур?

— Да…

— Вы были дома в пятницу вечером, мистер Лоэб?

— Да…

— Мистер Мур звонил вам в пятницу вечером? Я говорю про пятницу, двенадцатое февраля, минувшую пятницу?

— Э… А вы не скажете, из-за чего все это?

— Я позвонил в неудобное время, мистер Лоэб?

— Ну, я брился, — сказал Лоэб.

— Перезвонить вам попозже?

— Нет, но… Я хотел бы знать, из-за чего все это?

— Вы разговаривали с мистером Муром хотя бы раз в минувшую пятницу вечером?

— Да.

— Вы помните, о чем говорили?

— Об экзамене. Нам предстоит серьезный экзамен. По патологии. Извините, мистер Коппола, но…

— Карелла, — сказал Карелла.

— Карелла, извините. Вы можете объяснить, по какому поводу вы звоните? Я не привык к таинственным телефонным звонкам из полиции. И вообще, как мне узнать, что вы полицейский?

— Не желаете перезвонить мне в участок? — спросил Карелла. — Номер в участке…

— Нет, нужды нет. Но в самом деле…

— Простите, мистер Лоэб, но я лучше *не* буду рассказывать, по какому поводу звоню, пока что.

— У Тимми неприятности?

— Нет, сэр.

— Тогда что? Просто не понимаю.

— Мистер Лоэб, мне требуется ваша помощь. Вы помните, когда мистер Мур звонил вам?

— Он звонил несколько раз.

— Сколько раз, по вашим подсчетам?

— Пять или шесть. Не могу сказать. Мы обменивались информацией, туда-сюда.

— А вы звонили ему?

— Да, два-три раза.

— Итак, между вами…

— Может быть, четыре раза, — перебил Лоэб. — Точно не могу сказать. Мы как бы занимались вместе по телефону.

— Так что вы звонили друг другу девять или десять раз?

— Примерно. Может быть, двенадцать раз. Не помню.

— В течение ночи?

— Ну, не всей ночи.

— Когда был первый звонок?

— Около десяти, по-моему.

— *Вы* звонили мистеру Муру или…

— Он позвонил мне.

— В десять.

— Около десяти. Я уверен в точности времени.

— А в следующий раз?

— Потом я позвонил ему через полчаса.

— Обменяться информацией?

— Задать вопрос, на самом деле.

— А потом?

— Не могу сказать точно. Мы постоянно перезванивались в тот вечер.

— Когда вы *сами* звонили ему три или четыре раза мистер Мур был дома?

— Да, конечно.

— Вы звонили ему домой?

— Да.

— Когда вы говорили с ним в последний раз?

— Около двух ночи, по-моему.

— *Вы* ему позвонили? Или он?..

— *Я* звонил.

— И он был дома?

— Да. Мистер Карелла, я хотел бы…

— Мистер Лоэб, в минувшую пятницу от одиннадцати до полуночи вы перезванивались?

— С Тимми?

— Да, с мистером Муром.

— От одиннадцати до полуночи?

— Да, сэр.

— По-моему, да.

— *Он* вам звонил или *вы* ему звонили?

— *Он* звонил.

— Вы помните точное время?

— Нет, точное время не помню.

— Но вы уверены, что перезванивались от одиннадцати до полуночи?

— Да.

— Сколько было звонков в течение этого часа?

— Два, по-моему.

— И оба раза звонил мистер Мур?

— Да.

— Вы можете вспомнить точное время?..

— Не могу сказать точно.

— Тогда примерно.

— По-моему, он звонил в… Должно быть, сразу после одиннадцати, в первый раз. Новости как раз подходили к концу. Должно быть, было пять минут двенадцатого.

— Новости?

— По радио. Я занимался с включенным радио. Как и Тимми. Я люблю заниматься с музыкальным фоном. Меня это успокаивает. Но передавали новости, когда он позвонил.

— И вы сказали, что он тоже слушал радио?

— Да, сэр.

— Откуда вы знаете?

— Было слышно. И вообще, он сказал вроде, что надо выключить.

— Вы сказали «выключить»…

— Его радио. Он сказал вроде… Я не помню в точности… «Дай-ка я выключу на минуту, Карл»… Что-то такое.

— И потом выключил радио?

— Да, сэр.

— Убрал громкость?

— Да, сэр.

— И тогда вы стали говорить?

— Да, сэр.

— Сколько времени продолжался ваш разговор? Вы сказали, разговор был в пять минут двенадцатого?

— Да, сэр, примерно. Мы разговаривали пять или десять минут, по-моему. На самом деле, когда он *отзвонил* мне, он так и не понял некоторые вещи про…

— Когда это было, мистер Лоэб? Когда он *отзвонил?*

— Может быть, через полчаса. Не могу сказать точно.

— Примерно в одиннадцать тридцать пять?

— Примерно.

— А его радио работало?

— Что?

— Его радио. Вы слышали звуки радио как фон?

— Да, сэр.

— О чем вы говорили на *этот* раз?

— О том же, о чем говорили в одиннадцать. То есть в пять минут двенадцатого. Об анализе на болезни костного мозга. Мы проходили материал по лейкемии. Какие подробности вы хотите услышать?

— Вы снова проходили тот же самый материал?

— Знаете, лейкемия не так проста, как может показаться на первый взгляд, мистер Карелла.

— Я уверен, что не проста, — сказал Карелла, услышав упрек. — И вы говорите, что в последний раз беседовали с ним в два часа ночи или около того?

— Да, сэр.

— Вы говорили с ним с одиннадцати тридцати пяти до двух ночи?

— По-моему, да.

— Кто кому звонил?

— Мы звонили друг другу.

— В какое время?

— Не помню точно. Я знаю, что телефон был занят в какой-то момент, но…

— В тот момент, когда вы позвонили?

— Да, сэр.

— В какое время это могло быть?

— Точно не могу сказать.

— Около полуночи? После полуночи?

— Не уверен.

— Но вы снова разговаривали после того звонка в одиннадцать тридцать пять?

— Да, сэр. Несколько раз.

— Звонили друг другу: вы — ему, он — вам?
— Да, сэр.
— Обсуждали экзамен?
— Да, вопросы, которые будут на экзамене.
— Его радио было все еще включено?
— По-моему, да.
— Вам было слышно радио?
— Да, сэр. Мне была слышна музыка.
— Та же музыка, что вы слышали ранее?
— Да, сэр. Он слушал классическую музыку. Она была слышна как фон каждый раз, когда он звонил.
— И последний раз вы говорили в два часа ночи?
— Да, сэр.
— Когда *вы* позвонили ему?
— Да, сэр.
— Ему домой?
— Да, сэр.
— Большое спасибо, мистер Лоэб. Вы мне очень помогли…
— Но по какому поводу все это, мистер Карелла? Я, честно говоря…
— Обыкновенная проверка, — сказал Карелла и повесил трубку.

****

Понедельник перед Великим постом.

Опасная наледь на тротуарах.

Прозрачное синее небо, раскинувшееся от горизонта к горизонту над небоскребами. Такое небо всегда казалось неожиданным в январе и феврале, хотя так же, как снег, ветер и леденящий дождь, оно не было необычным для этого города. Из заводских труб за рекой Дикс в Калмз-Пойнт поднимался темно-синий дым. В иссиня-черной форме были полицейские, стоявшие у входа в дом на авеню Эйнсли и смотревшие на изувеченную женщину на обледенелом тротуаре.

Женщина была нагая.

След крови тянулся от нее по тротуару к подъезду и в вестибюль. На внутренней двери в вестибюль остались кровавые отпечатки ладоней, кровь была на перилах и на лестнице, ведущей на верхние этажи.

Женщина истекала кровью.

Груди женщины были жестоко изрезаны.

На животе женщины был огромный кровоточащий крест.

У женщины не было носа.

— О Господи! — воскликнул патрульный.

— Помогите, — стонала женщина. Кровь пузырилась у нее во рту.

* * *

Дверь в квартиру Алана Картера открыла женщина лет тридцати пяти, на взгляд Кареллы. На ней был парчовый халат, ее длинные черные волосы были тщательно причесаны и ниспадали прямыми линиями по обеим сторонам изящного овального лица. Карие глаза были слегка раскосыми и придавали ей чуть восточный вид, из-за которого сослуживцы Кареллы находили в нем сходство с Фудживарой и шутили, что они родственники. Она была похожа на Тину Вонг — через несколько лет. Кареллу всегда удивляло, что, когда мужчина начинал обманывать жену, он часто выбирал женщину, которая была чем-то *похожа* на нее.

— Мистер Карелла? — спросила она.

— Да, мадам.

— Проходите, пожалуйста, муж ждет вас. — Она протянула руку. — Меня зовут Мелани Картер.

— Очень приятно, — сказал Карелла и пожал ей руку, которая показалась ему очень теплой. Его руки замерзли, потому что он шел без перчаток и без шляпы («Я помню, дядюшка Сальваторе») от того места, где оставил машину.

Картер появился из спальни. На нем было японское кимоно поверх темно-синей пижамы. Карелла предположил, что кимоно подарила ему Тина Вонг. Но он не стал сосредоточиваться на этой мысли.

— Извините за беспокойство в ранний час, — сказал он. Было десять утра.

— Не надо извиняться. — Картер пожал ему руку. — Будете пить кофе? Мелани, — попросил он, — мы могли бы выпить кофе?

— Конечно, — улыбнулась Мелани и вышла в кухню.

— Сегодня вы без напарника? — поинтересовался Картер.

— Нас только двое, — ответил Карелла. — А надо опросить много людей.

— Ясно, — сказал Картер. — Итак, чем могу служить?

— Я надеялся, что мы сможем поговорить один на один.

— Один на один?

— Да, сэр. Просто вы и я. — Карелла кивнул в сторону кухни.

— Пусть жена все слышит, — сказал Картер.

— Не уверен, что это правильно, сэр, — сказал Карелла. Их взгляды встретились. Картер промолчал. Мелани вышла из кухни с серебряным подносом, на котором стояли серебряный кофейник, серебряная сахарница и две чашки с блюдцами. Она опустила поднос на кофейный столик.

— Я забыла ложки, — сказала она и снова вышла в кухню. Никто из них не проронил ни слова. — Ну вот, — сказала она, вернувшись, и положила две ложки на поднос. — Не желаете еще что-нибудь, мистер Карелла? Горячие тосты?

— Нет, спасибо, мадам, — поблагодарил детектив.

— Мелани… — сказал Картер и поколебался. — Я уверен, что разобью тебе сердце, но если у тебя есть какие-нибудь дела…

— Конечно, дорогой. С вашего позволения, мистер Карелла. — Она коротко кивнула, улыбнулась и вышла в спальню, закрыв за собой дверь. Картер резко встал, подошел к стереосистеме, расположенной в книжном шкафу у дальней стены. «Он знает, о чем я собираюсь говорить, — подумал Карелла. — Он хочет заглушить звуки. Дверь защищает недостаточно». Картер включил радио. Музыка наполнила комнату. Какая-то классика. Но Карелла не узнавал произведение.

— Не слишком громко? — спросил Карелла.

— Вы сказали, что хотите поговорить один на один.

— Да, но я не хочу *кричать* один на один.

— Я сделаю потише. — Картер снова подошел к радиоприемнику. Карелла вспомнил про фон классической музыки во время телефонных разговоров между Муром и Лоэбом. Во всем городе была только одна радиостанция, передававшая классическую музыку. Очевидно, у нее было больше слушателей, чем можно было предположить.

Картер вернулся к кофейному столику и сел на стул, обитый материалом лимонного цвета. С другой стороны на диване с бледно-зеленой весенней обивкой сидел Карелла. За окнами было ярко-голубое небо, но при этом дул сильный ветер.

— Насчет Тины, так? — сразу спросил Картер.

Карелле понравилось, что тот прямо перешел к главному — как он ожидал — вопросу, но на самом деле Карелла пришел говорить не о Тине Вонг. Тина Вонг служила лишь приемом официального шантажа. В уголовном кодексе это, вероятно, называлось «принуждением». Карелла не брезговал приемом легкого принуждения — если ситуация

того требовала.

— Примерно, — ответил он.

— Значит, вы знаете, — сказал Картер. — Ну так что? На самом деле жена тоже *могла* бы послушать.

— Вот как? — удивился Карелла.

— Она не какая-нибудь святоша.

— Вот как? — снова удивился Карелла.

— Она умеет себя занять, когда меня нет. Поверьте. В любом случае, что общего у Тины с Салли Андерсон?

— Гм, — сказал Карелла, — вот это как раз *мне и хочется* выяснить.

— Отлично исполнено, — сказал Картер без улыбки. — Вы, кажется, подходите мне на роль *мужчины-простофили* . Как только будет нужда, я вам позвоню. Что вы ищете, мистер Карелла?

— Я хочу знать, почему вы думали, что Салли Андерсон рыжая.

— А разве нет? — спросил Картер.

— Отлично исполнено, — сказал Карелла. — Вы, кажется, подходите на роль *ловкого обманщика* . Как только будет нужда, я вам позвоню.

— Touche![7] — Картер похлопал в ладоши.

— Я пришел к вам не фехтованием заниматься.

— Тогда зачем вы пришли? Я запасся терпением. Но у меня также есть адвокат. Я уверен, что он с радостью…

— Давайте зовите, — сказал Карелла.

— Ладно, перестанем говорить друг другу пакости, — вздохнул Картер.

— Хорошо, — сказал Карелла.

— Значит, почему я думал, что Салли рыжая? Об этом вы спрашивали?

— Об этом.

— Неужели закон запрещает считать рыжую рыжей?

— Закон не запрещает даже считать блондинку блондинкой.

— Тогда в чем проблема?

— Мистер Картер, вы знаете, что она была блондинкой.

— Что вас заставляет так думать?

— Ну, с одной стороны, ваш хореограф любит блондинок, и каждая белая девушка в шоу — блондинка. Кстати, шоу было хорошим. Спасибо, что помогли с билетами.

— Всегда рад услужить. — Картер кивнул с кислым выражением.

— С другой стороны, вы присутствовали при заключительном отборе танцовщиц…

— Кто вам сказал?

— Вы сказали. И вы должны были знать, что в шоу нет рыжих, тем более что вы были на всех прогонах после того, как соединили все части шоу… Об этом вы *тоже* мне сказали.

— Итак?

— Итак, я думаю, что вы лгали, когда сказали мне, будто думали, что она рыжая. А когда кто-нибудь лжет, я задаюсь вопросом: почему?

— Я все еще думаю, что она рыжая.

— Нет, не думаете. Ее цветные фотографии были напечатаны в газетах за последние три дня. Ясно видно, что она блондинка, и описание свидетельствует о том же. Даже если на другой день после убийства вы думали, что она рыжая, вы наверняка так не думаете сейчас.

— Я не видел газет.

— А как насчет телевидения? Ее фотографию показывали и по телевидению. Хватит, мистер Картер. Я сказал, что пришел сюда не фехтованием заниматься.

— Давайте послушаем, что *вы* думаете, мистер Карелла.

---

[7] Touche (фр.) — «попадание», термин из фехтования.

— Я думаю, что вы знаете ее лучше, чем склонны признать. По моему мнению, вы развлекались с ней так же, как и с Тиной Вонг.
— Нет.
— Тогда зачем было лгать?
— Я не лгал. Я думал, что она рыжая.
Карелла вздохнул.
— Вот что я вам скажу, мистер Картер. Даже такой *мужчина-простофиля* , как я, считает тем не менее, что если человек продолжает лгать даже после того, как его уличили во лжи, значит, у него на самом деле есть что скрывать. Я не знаю, что это может быть. Я знаю, что девушку застрелили в минувшую пятницу, а вы лжете, что знали ее хуже, чем знали на самом деле. А что бы *вы* подумали на моем месте, мистер Картер, как продюсер вашего уровня?
— Я думаю, что вы заняли неверную позицию.
— Вы были на вечеринке в воскресенье накануне убийства? На вечеринке у танцовщицы по имени Лонни Купер? У одной из черненьких девушек в труппе?
— Был.
— А Салли Андерсон была там?
— Не помню.
— Она была там, мистер Картер. Или вы хотите сказать, что тогда тоже не узнали ее? В вашем шоу только восемь танцовщиц. Как вы могли *не* знать Салли Андерсон, если вы там с нею столкнулись?
— *Если* она там была…
— Она *была* там — и на ней определенно не было рыжего парика! — воскликнул Карелла и резко поднялся. — Мистер Картер, мне не хочется быть похожим на детектива в сериале, но я не советую вам уезжать в Филадельфию в среду. Вместо этого я рекомендую вам оставаться здесь, в городе, где мы сможем связаться с вами, чтобы задать другие вопросы. Спасибо за время, что уделили мне, мистер Картер.
Он направился к двери, когда Картер сказал:
— Присядьте.
Он обернулся.
— Пожалуйста, — попросил Картер. Карелла сел.
— Хорошо, я знал, что она блондинка, — сказал Картер.
— Прогресс! — Карелла усмехнулся.
— Я просто боялся признаться, что знаю ее, вот и все.
— Почему?
— Потому что ее убили. Мне не хотелось впутываться никоим образом.
— Каким образом вы *могли* впутаться? Вы ведь не убивали?
— Конечно, нет!
— У вас был с ней роман?
— Нет.
— Тогда чего вы боялись?
— Я не хотел, чтобы вокруг меня кто-то вынюхивал что-то. Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал про нас с Тиной.
— Но мы ведь узнали, верно? И кроме того, мистер Картер, ваша жена ведь не святоша, помните ваши слова? Так какая разница?
— Люди, бывает, ведут себя странно, когда речь идет об убийстве, — пожал плечами Картер.
— Это, наверное, цитата из пьесы, которую репетируют в Филадельфии?
— Ну, это не самое лучшее объяснение, я понимаю…
— Но оно правдивое, — сказал Карелла. — Тем не менее, как правило, странно ведут себя те, кому есть что скрывать. Я *по-прежнему* думаю, что вам есть что скрывать.
— Мне нечего скрывать, — возмутился Картер.

— Вы видели Салли на вечеринке в воскресенье?
— Видел.
— Вы говорили с ней?
— Говорил.
— О чем?
— Не помню. Мне кажется, про шоу. Когда люди заняты в шоу…
— Что-нибудь еще, кроме шоу?
— Нет.
— Вы присутствовали, когда Салли и еще несколько человек начали нюхать кокаин?
— Нет.
— А как вы узнали, что они делали это?
— Я хочу сказать, что не видел, как кто-нибудь делал нечто подобное. Пока был там.
— В котором часу вы ушли с вечеринка, мистер Картер?
— Около полуночи.
— С Тиной Вонг?
— Да, с Тиной.
— Куда вы отправились оттуда?
— К Тине домой.
— Сколько вы там провели времени?
— Всю ночь.
— Тина видела, как Салли Андерсон нюхала кокаин. Вместе с группой других людей, включая Майка Ролдана, который *также* занят в вашем шоу. Если их видела Тина, то почему не видели вы?
— Мы с Тиной не сиамские близнецы. Мы не срослись с ней бедрами.
— Что это значит?
— У Лонни большая старая квартира. В тот вечер у нее было шестьдесят или семьдесят человек. Вполне вероятно, что Тина находилась в одной части квартиры, а я в это время был в другой.
— Это вполне вероятно, — согласился Карелла. — И, видимо, Тина готова поклясться, что вас не было с ней, когда она видела, как Салли Андерсон употребляла кокаин.
— Я не знаю, *в чем* готова поклясться Тина.
— А вы употребляете кокаин, мистер Картер?
— Конечно, нет!
— Вы знаете, кто снабжал Салли?
— Нет.
— Вы знаете человека по имени Пако Лопес?
— Нет.
— Где вы были вечером в минувшую пятницу от одиннадцати до полуночи?
— Я сказал вам: в Филадельфии.
— Где вы были вечером во вторник примерно в то же самое время?
— В Филадельфии.
— Видимо, найдется сколько угодно человек…
— Сколько угодно.
— Что вы стараетесь скрыть, мистер Картер?
— Ничего, — сказал Картер.

* * *

В больницу Сент-Джуд днем и ночью привозят пациентов с ножевыми ранениями. В этой больнице призывала к себе священника Джудит Квадрадо. Во всяком случае, так все думали. Все думали, что она умирает и хочет исповедоваться. На самом деле она пыталась рассказать, что к ней в дом приходил священник или монах вместе с одной жирной бабой и

эти двое искалечили ее.

Джудит находилась в реанимации. От ее носа, рта и рук бежали трубки к аппаратам с электронными огоньками, которые то и дело попискивали. Ей было трудно говорить с трубкой во рту. Когда она попробовала сказать «брат Антоний», как представился священник или монах, у нее получилось «Бранни». Когда она попыталась сказать «Эмма Форбс», как представилась жирная баба, у нее получился звук, похожий на «крест». Она опять попробовала сказать «священник» — это слово они как будто понимали.

Священник пришел в одиннадцать часов семь минут утра. Это был понедельник.

Он немного опоздал.

Джудит Квадрадо умерла за шесть минут до его прихода.

* * *

У полицейских и преступников есть общее чутье: они чуют чужой страх. Как только те или другие ощущают испуг, они превращаются в хищных зверей, готовых перегрызть горло и вырвать внутренности. Мигель Ролдан и Антонио Асенсио были смертельно напуганы, и Мейер тотчас почуял их страх в ту минуту, когда Ролдан добровольно рассказал, что они с Асенсио в течение трех лет живут как муж и жена. Мейеру было все равно, какого они пола. Но тот факт, что они рассказали о себе без нажима с его стороны, говорил о том, что они напуганы. Он знал, что они не боятся ареста за гомосексуализм — в этом городе это не опасно. Тогда чего они боятся? До последней минуты он обращался к ним уважительно — «мистер Ролдан» и «мистер Асенсио». Теперь он перешел на «Майк» и «Тони» — это старый прием у полицейских, при помощи которого подозреваемого ставят в невыгодное положение. Тот же самый прием используют медсестры в больницах.

«Привет, Джимми! Как у нас дела сегодня утром?» — говорят медсестры председателю совета директоров крупнейшей корпорации и таким образом сразу дают ему понять, что начальник здесь тот, кто ему в задницу вставит термометр. Но у полицейских это получается еще лучше. Назвать кого-нибудь «Джонни» вместо «мистер Фуллер» — это все равно что сказать «мальчик». Этот прием сразу ставит человека на место, заставляет чувствовать себя: а) подчиненным; б) оправдывающимся; в) странным образом зависимым.

— Майк, — сказал Мейер, — почему, ты думаешь, я здесь?

Они сидели в гостиной особняка, который делили между собой Ролдан с Асенсио. Комната была красиво обставлена антиквариатом — такие вещицы Мейер не мог себе позволить. В камине потрескивали дрова. Искры вылетали в комнату.

— Вы насчет Салли, конечно, — сказал Ролдан.

— А *ты* тоже так думаешь, Тони?

— Да, конечно, — запинаясь, проговорил Асенсио.

Мейер не хотел терять время.

— Вы знаете, что она употребляла кокаин, верно? — спросил он.

— Ну… нет, — сказал Ролдан. — Откуда нам знать?

— Ладно, довольно, Майк. — Мейер улыбнулся со знающим видом. — Вы с ней были на вечеринке неделю назад, в воскресенье, и она нюхала кокаин. Ты должен знать, что она употребляла кокаин, так?

Ролдан посмотрел на Асенсио.

— Ты ведь тогда употреблял тоже, Майк, так?

— Ну…

— Я знаю, что употреблял, — сказал Мейер.

— Ну…

— А ты, Тони? Нюхнул щепотку-другую в прошлое воскресенье?

Асенсио поглядел на Ролдана.

— От кого вы с Салли получали порошок? — спросил Манер.

— Послушайте… — сказал Ролдан.

— Я слушаю.

— Мы не имеем отношения к убийству.

— Не имеете? — спросил Мейер.

— Нет, — сказал Асенсио, покачивая головой, и затем поглядел на Ролдана. «Кто из них муж и кто жена?» — подумал Мейер. Оба казались очень скромными. Однако убийства в среде гомосексуалистов бывали исключительно зверскими. Мейеру приходилось расследовать такие.

— Вы знаете, кто мог убить ее? — спросил он.

— Нет, не знаем, — сказал Ролдан.

— Не знаем, — подтвердил Асенсио.

— Так от кого вы получаете порошок? — снова спросил Мейер.

— Почему это важно? — спросил Ролдан.

— Это если мы употребляем, — быстро сказал Асенсио.

— Да, — сказал Ролдан. — Если бы мы употребляли…

— Вы употребляете, — сказал Мейер со всезнающей улыбкой.

— Ну, если мы употребляем, тогда какое имеет значение, от кого мы получали порошок?

— *Получали? —* тотчас спросил Мейер.

— *Получаем, —* поправился Ролдан.

— Если употребляем, — добавил Асенсио.

— Что-нибудь случилось с вашим дилером? — поинтересовался Мейер.

— Нет-нет, — сказал Ролдан.

— В том случае, если бы нам *был нужен* дилер, — опять добавил Асенсио.

— *Был нужен? —* спросил Мейер.

— *Был бы нужен — я* имел в виду, — сказал Асенсио и поглядел на Ролдана.

— Ну, Тони, — сказал Мейер, — Майк… Если вы *употребляете* , если у вас *есть* дилер или *был* дилер, кто тогда этот дилер? Или кто *был* этот дилер?

— Кокаин не вырабатывает привычку, — сказал Ролдан.

— Щепотка от раза к разу еще никому не повредила, — сказал Асенсио.

— Я знаю, — сказал Мейер. — Просто безобразие, что это противозаконно. Но что мы можем поделать? От кого вы получаете порошок?

Оба переглянулись.

— Что-то случилось с вашим дилером, так? — спросил Мейер.

Они промолчали.

— Вы получали порошок от Салли Андерсон? — спросил Мейер наугад. К его удивлению, оба одновременно кивнули. — От *Салли? —* спросил он снова. Оба опять кивнули. — *Салли* торговала кокаином?

— Ну, не торговала, — сказал Ролдан. — Ведь это не назовешь торговлей, Тони?

— Нет, я бы не стал называть это торговлей, — сказал Асенсио. — Кроме того, кокаин не имел никакого отношения к ее убийству.

— Откуда вы знаете? — спросил Мейер.

— Ну, не такое там было большое количество.

— Какое было количество?

— Я хочу сказать, что она не зарабатывала на этом, если вы об этом, — пояснил Ролдан.

— Что она делала? — спросил Мейер.

— Просто приносила несколько граммов в неделю, вот и все.

— Сколько граммов?

— Ну, не знаю. Сколько граммов, Тони?

— Ну, не знаю, — отозвался Асенсио.

— Приносила просто…

— В театр. Тем, кому было нужно.

— Ну, я бы не стал: говорить «было нужно», — перебил Ролдан. — Кокаин не вырабатывает привычки.

— Тем, кто *хотел* , правильнее говорить, — кивнул Асенсио.

— Сколько людей *хотели?* — спросил Мейер.

— Ну… Тони и я, — ответил Ролдан. — И еще несколько ребят.

— Сколько ребят?

— Немного, — сказал Асенсио. — Шестеро или семеро. Шестеро или семеро, Майк?

— По-моему, шестеро или семеро, — сказал Ролдан. — Помимо самой Салли.

— Так о чем идет речь? — сказал Мейер. — О дюжине граммов в неделю, примерно так?

— Примерно так. Может быть, о двух дюжинах.

— Две дюжины граммов, — кивнул Мейер. — Какую цену она называла?

— Текущую уличную цену. То есть Салли не имела дохода от торговли, поверьте. Она просто брала порошок для себя и заодно для нас. Возможно, ей давали скидку за большую покупку, кто знает?

— Я думаю, — сказал Ролдан, обращаясь к Асенсио, — что на самом деле мы получали порошок по цене ниже уличной.

— Вполне вероятно, — согласился Асенсио.

— Сколько вы платили? — спросил Мейер.

— Восемьдесят долларов за грамм.

Мейер кивнул. Грамм кокаина примерно соответствовал одной двадцать восьмой унции. Текущая уличная цена колебалась от ста до ста двадцати пяти долларов за грамм в зависимости от чистоты кокаина.

— От кого она получала порошок? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Ролдан.

— Не знаю, — сказал Асенсио.

— Кто такой Пако Лопес? — спросил Мейер.

— Кто это? — спросил Ролдан. Асенсио пожал плечами.

— Мы должны его знать? — спросил Ролдан.

— Вы не знаете его, нет?

— Никогда не слыхал о таком.

— А ты. Тони?

— Никогда не слыхал о таком.

— Он танцор? — спросил Ролдан.

— Он «голубой»? — спросил Асенсио.

— Он в морге, — ответил Мейер.

* * *

Ребекке Эдельман было около пятидесяти. Она сияла чудесным загаром и была решительно подавлена горем. Детективы позвонили ей рано утром: хотели поговорить с ней после того, как она прилетела с островов Антигуа накануне вечером. Однако ее падчерица сказала, что похороны Марвина Эдельмана состоятся в одиннадцать утра. Еврейский обычай требует хоронить в течение двадцати четырех часов после смерти. Все равно похороны пришлось перенести: когда смерть наступает от травмы, обязательно делают вскрытие.

Ни Клинг, ни Браун никогда не видели прежде, как принято выражать скорбь в еврейском доме. Окна в гостиной Эдельмана выходили на реку Харб. Небо все еще было ярко-голубым и ясным. Браун отчетливо видел дома-башни, возвышающиеся на другом берегу на холмах, в соседнем штате. Ему видны были благородные очертания моста Гамильтон-бридж. В гостиной родные и близкие Марвина Эдельмана сидели на полу и разговаривали друг с другом приглушенными голосами.

Ребекка проводила детективов в маленькую комнатку, которую, по всей видимости,

использовала как мастерскую для шитья. В углу стояла швейная машина, слева от педали — корзина с обрезками ярких тканей. Она села на стул перед машиной. Детективы сели на небольшой диван. Ее карие глаза были влажными. То и дело она сжимала руки. Лицо и руки ее были морщинистые, а губы — потрескавшиеся. Говоря, она обращалась к Клингу, хотя вопросы задавал в основном Браун. Браун привык к этому: иногда даже *черные* обращались к белому полицейскому, словно сам он был невидимым.

— Я просила его поехать со мной, — сказала миссис Эдельман. — Я говорила ему, пусть возьмет отпуск, устроит себе праздник, будет только польза. Но нет, он отвечал, как раз сейчас слишком много работы, в следующем месяце он планирует поездку в Европу. Он сказал, что устроит себе отдых, когда вернется, — в апреле. Кому нужен отдых в апреле? В апреле появляются цветы даже здесь, в городе. В общем, он отказался ехать со мной. А другого отпуска у него никогда теперь не будет, — сказала она и отвернулась. Слезы опять наполнили ее глаза.

— В чем состояла его работа, мадам? — спросил Браун. — Он торговал ювелирными изделиями?

— Ну, он был не совсем обычным ювелиром, — сказала миссис Эдельман, извлекла платок из кармана и приложила к глазам.

— Поскольку он носил этот жилет… — начал Браун.

— Да, — сказала миссис Эдельман. — Он покупал и продавал драгоценные камни. Этим он зарабатывал на жизнь.

— Бриллианты?

— Не только бриллианты. Он занимался любыми драгоценными камнями. Изумрудами, рубинами, сапфирами и, конечно, алмазами. Драгоценными камнями. Но он пренебрег самым драгоценным — жизнью. Если бы он поехал со мной… — Она покачала головой. — Упрямец, — сказала она. — Да простит меня Бог, но он был упрямец.

— Была ли какая особая причина, почему он хотел остаться в городе, — спросил Браун, — вместо того, чтобы ехать с вами на Антигуа?

— Самая обычная причина. Ничего такого, что бы он не мог отложить на неделю. И вот результат, — сказала она и снова приложила платок к глазам.

— Но обычная… — сказал Браун.

— Его обычная работа. Покупка и продажа. — Она по-прежнему говорила, обращаясь к Клингу. Браун кашлянул, чтобы напомнить о себе. Но кашель не возымел действия.

— Он часто ездил в Европу? — спросил Клинг.

— Когда была необходимость. Это центр алмазов всего мира, сами знаете: Амстердам. А если взять изумруды, то это Южная Америка. Объездить весь мир ради дела — это он мог, — произнесла она. — Но когда речь шла о том, чтобы перенестись на четыре-пять часов лету и провести недельку на солнышке, — этого он не мог. Ему надо было остаться, чтобы кто-то смог его застрелить!

— У вас есть какие-нибудь догадки, кто мог…

— Нет, — сказала миссис Эдельман.

— Никаких врагов? — спросил Браун.

— Никого.

— Никаких сотрудников, которых он…

— Он работал один, мой муж. Вот почему он никогда не мог взять отпуск. Он только хотел зарабатывать деньги. Он сказал мне, что не будет счастлив, пока не станет мультимиллионером.

— А существовала такая возможность в его деле? — спросил Браун. — Заработать миллионы долларов?

— Кто знает! Вероятно. Мы жили комфортно. Он всегда был хорошим добытчиком, мой муж.

— Но когда вы говорите про миллионы долларов…

— Да, было возможно заработать такие деньги, — сказала миссис Эдельман. — У него

был очень острый глаз на качественные камни. Он получал хорошую прибыль на всем, что покупал. Он знал, *что* покупает, и всегда много запрашивал. Если бы он только поехал со мной, как я уговаривала…

Она в который раз принялась плакать.

— Миссис Эдельман, — сказал Клинг, — где располагалось рабочее место вашего мужа?

— В деловой части города. На Норт-Гринфилд, рядом с авеню Хэлл. Там проходит улица, которую называют Даймонд-Март.

— И он работал там один, вы сказали?

— Совсем один.

— На цокольном этаже?

— Нет, на втором этаже.

— На него нападали грабители когда-нибудь?

Она изумленно посмотрела на него.

— Да, — сказала она. — Откуда вы знаете?

— Ну, торговать алмазами…

— Да, в прошлом году, — сказала она.

— Когда именно в прошлом году? — спросил Браун.

— В августе. Кажется, так. В конце июля или в начале августа. Примерно так.

— Был ли преступник арестован? — спросил Браун.

— Да.

— В самом деле?

— Да. Два дня спустя. Он пытался заложить камни в магазине через три дома от нас, представляете?

— Не помните, как звали преступника?

— Нет, не помню. Он был черным, — сказала она и впервые за все время бросила взгляд на Брауна, но только мимолетный. И тотчас снова обернулась к Клингу.

— Вы могли бы точнее назвать дату кражи? — спросил Клинг. Он вынул записную книжку и начал писать.

— Зачем вам? Вы думаете, что это тот же человек? Мне сказали, что ничего не украдено. У него были алмазы в жилете, никто их не тронул. Значит, это не мог быть грабитель, верно?

— Ну, мы не знаем, как было на самом деле, — сказал Клинг. — Но мы постараемся узнать побольше о том ограблении, если вы расскажете нам какие-нибудь подробности.

— Я только знаю, что он работал в тот вечер допоздна, и вдруг явился этот черный с пистолетом и забрал все с рабочего стола. Он не стал требовать ничего из сейфа. Он просто сказал мужу, чтобы он с рабочего стола все смел в мешок. А самое ценное осталось в сейфе, и муж смеялся до коликов…

Она осеклась. Снова полились слезы. Она начала искать другой платок. Детективы ждали.

— Вы сказали, это было ближе к концу июля — началу августа? — наконец проговорил Клинг.

— Да.

— Последняя неделя июля — может быть, так? Первая неделя августа?

— Не могу сказать наверняка. Я так думаю.

— Мы можем разыскать информацию об этом преступлении по адресу, — предложил Браун Клингу. — В компьютере.

— Вы можете назвать нам адрес? — спросил Клинг.

— Норт-Гринфилд, шестьсот двадцать один, — сказала миссис Эдельман. — Комната двести семь.

— Преступника осудили, не знаете? — спросил Браун.

— По-моему, да. Не помню. Муж ходил в суд опознавать его. Но я не знаю, посадили

его в тюрьму или нет.

— Мы можем выяснить это в управлении исправительных учреждений, — сказал Браун Клингу. — Миссис Эдельман, вы разговаривали с мужем с тех пор, как уехали на Антигуа?

— Нет. Вы спрашиваете, не звонили ли мы друг другу? Нет. Антигуа, как вы знаете, не за углом.

— До вашего отъезда он не говорил о чем-нибудь, что его тревожит? Об угрожающих телефонных звонках, письмах, ссорах с клиентами, о чем-нибудь подобном? Его вообще что-нибудь тревожило, о чем вы знаете?

— Да, — сказала миссис Эдельман.

— И что же это было?

— Его постоянно тревожил вопрос, как заработать побольше миллионов, — сказала Клингу миссис Эдельман.

* * *

На этот раз ему позвонил сам Дорфсман. Он позвонил в двадцать минут пятого в понедельник, на следующий день после Дня святого Валентина, но Дорфсман, по всей видимости, все еще пребывал под влиянием короткого праздника влюбленных. Он приветствовал Кареллу словами:

— Ваш любимый свинопас вам подарочек припас!

Карелла было подумал, что Дорфсман стал чудить. Такое частенько случалось в департаменте полиции. Но Карелла никогда не слыхал о подобном явлении в отделе баллистики.

— Что ты мне припас? — осторожно спросил он.

— Еще один подарочек, — сказал Дорфсман.

— Какой подарочек?

— Еще один труп.

Карелла молчал. Казалось, Дорфсман наслаждался самим собой. Карелла не желал портить ему радость.

Труп в день официального празднования дня рождения Вашингтона, даже если этот государственный праздник выпадал на неделю раньше дня рождения Вашингтона, в самом деле был очень забавным.

— Я еще не звонил Клингу, — сказал Дорфсман. — Ты первый, кому я звоню.

— Клингу? — спросил Карелла.

— Клингу, — сказал Дорфсман. — Разве вы не разговариваете там друг с другом? Клинг получил донесение об убийстве в субботу ночью. Точнее, в воскресенье утром. Или в субботу, в два часа ночи.

— О чем ты говоришь? — спросил Карелла.

— Об убийстве на Сильверман-роуд. Некто по имени Марвин Эдельман с двумя пулями в голове. — У Дорфсмана в голосе все еще звучало веселье. — Я позвонил тебе самому первому, — сказал он.

— Я так и понял. И что еще?

— Тот же самый ствол, как и в тех двух других убийствах, — радостно объявил Дорфсман. Появилось подозрение, что убийца — псих.

Глава 9

Психи затрудняют работу полиции.

Когда поймешь, что имеешь дело с психом, надо сразу отложить в сторону пособие по розыскной работе. В городе великое множество психов. Слава Богу, большинство из них просто расхаживают по Хэлл-авеню с плакатами, возвещающими о конце света, или бормочут себе под нос про мэра и погоду. В городе психи считают, что мэр должен быть в

ответе за погоду. Может быть, они правы.

Детектив лейтенант Питер Бернс, похоже, думал, что его взвод был в ответе за отсутствие информации по трем, как видно, *связанным* убийствам. Когда Бернсу передали, что Дорфсман сказал по телефону, тот сразу согласился: неужели вы, ребята, никогда не *разговариваете* друг с другом?

— Вначале убийство во вторник вечером, затем убийство в субботу вечером, затем в воскресенье утром, — сказал Бернс. — Первое убийство на авеню Калвер, следующее на Сильверман-роуд — всего через несколько кварталов! Оба осуществлялись при помощи огнестрельного оружия. Вам не приходит в голову провести перекрестную проверку? Я уже не говорю про девчушку, которую убили в деловом центре вечером в пятницу, я даже не смею вспоминать о третьем убийстве при помощи огнестрельного оружия, не смею вспоминать в присутствии легавых, обладающих особым, прославленным чутьем! — воскликнул Бернс. — Но вы вообще хотя бы просматриваете сводки по оперативной обстановке? Иначе зачем мы постоянно фиксируем оперативную обстановку? Разве не затем, чтобы каждый полицейский в участке, включая служащих в штатском, мог ознакомиться с обстановкой?

В смежном помещении — комнате детективов — толклись несколько патрульных в форме и Мисколо. Они с тревогой прислушивались к сердитому голосу Бернса, доносившемуся из его кабинета через дверь с матовым стеклом. Они понимали, что кто-то получает там хорошую встряску. На самом деле этих *кого-то* там было четверо, но подслушивавшие об этом не догадывались, потому что детективам звонили в то утро домой и велели явиться на рассвете (в 7 час. 30 мин.). А полицейские в мундирах приходили на работу только в 7.45, к перекличке, которая происходила каждое утро в дежурной комнате. Итак, эти четверо в штатском были — в алфавитном порядке — детективы Браун, Карелла, Клинг и Мейер. Все они смотрели себе под ноги.

С одной стороны, на Бернса давил старший чин из центра города, с другой стороны, сам Бернс был возмущен глупостью людей, которые за годы службы не смогли научиться выполнять свою работу хотя бы в пределах рутинных требований. Втайне он подозревал, что Клинг был виноват больше других, из-за того что после развода у него появилась манера держаться, неуловимо напоминающая повадку моллюска. Но Бернс не хотел делать Клинга козлом отпущения. Это только смутило бы его и внесло бы разлад между четырьмя детективами, которым, видимо, предстояло сотрудничать в расследовании трех отдельных убийств. Поэтому Бернс напирал на общеизвестные простые инструкции из пособия, которые — если соблюдать их педантично — должны рассеивать замешательство, ликвидировать дублирование и, вероятно, время от времени способствовать успеху того или иного дела.

— Ладно, — сказал он наконец, — это все.

— Питер… — начал Карелла.

— Я сказал «ладно», это все, — повторил Бернс. — Возьмите по конфете, — сказал он и пододвинул наполовину пустую коробку через стол к удивленным детективам. — Расскажите, что у вас есть.

— Не так много, — сказал Карелла.

— Мы имеем дело с психом?

— Не исключено, — сказал Браун.

— Нашли что-нибудь по поводу того ствола калибра 0,38?

— Нет, Питер, мы только…

— Нажмите на уличных торговцев оружием, выясните, кто мог покупать ствол, соответствующий описанию.

— Да, Питер, — сказал Карелла.

— Просматривается связь между убийством Лопеса и двумя другими?

— Мы пока не знаем.

— Кто-нибудь из жертв употреблял наркотики?

— Девушка. Про Эдельмана мы пока не знаем.

— Лопес случайно не снабжал ее наркотиками?

— Мы не знаем пока. Но мы знаем, что она приносила кокаин для нескольких человек в шоу.

— Последний из убитых был торговцем алмазов?

— Драгоценных камней, — сказал Клинг.

— Он был знаком с Лопесом или с девушкой?

— Мы пока не знаем, — сказал Клинг. — Но его задерживала полиция прошлым летом. Возможно, мы зацепим тут ниточку. Будем искать в компьютере сегодня же.

— Не надо их прощупывать, — сказал Бернс Мейеру, — это не подозреваемые лица, а конфеты. Бери любую, какая понравилась.

Мейер действительно хотел надавить пальцем на конфету, чтобы определить, мягкая она или твердая. Поэтому он ответил Бернсу обиженным взглядом.

— А как насчет ее хахаля? — спросил Бернс. — Хахаля той девушки.

— Он трепался по телефону весь вечер в пятницу, — сказал Карелла. — Тогда, когда девушка была убита.

— По телефону? С кем?

— С другим студентом. Его друг — студент медфака в Рэмси.

— Как его звать?

— Тимоти Мур.

— А друга?

— Карл Лоэб.

— Ты проверил его?

— Лоэба? Да. Они трепались почти до двух ночи.

— Кто кому звонил? — спросил Бернс.

— Они звонили друг другу.

— Что еще?

— Продюсер шоу, некто по имени Алан Картер, завел шашни с одной из танцовщиц.

— Ну и что?

— Он женат, — проговорил Мейер с набитым ртом.

— Ну и что? — снова спросил Бернс.

— Мы полагаем, что он лжет. — Мейер наконец проглотил конфету.

— Про свою малявку? — сказал Бернс, употребляя одно из тех странных устаревших словечек, которые иногда проникали в его речь и которые ему почти всегда прощали молодые полицейские.

— Нет, он прямо признался в своей связи, — ответил Карелла. — Но он утверждает, что убитую едва-едва знал. И это дурно пахнет.

— Зачем ему врать про это? — спросил Бернс.

— Мы пока не знаем, — сказал Карелла.

— Ты думаешь, они играли в «двух на одного»? — спросил Бернс, употребляя более модное словечко из тех, которые тоже иногда проникали в его речь.

— Мы пока не знаем. — Мейер пожал плечами.

— А что ты вообще знаешь? — раздраженно спросил Бернс, но снова взял себя в руки. — Возьми еще конфету, ради Христа! — воскликнул он. — А то я разжирею, как хряк.

— Питер, — сказал Карелла, — это запутанное дело.

— Не надо мне рассказывать, какое оно запутанное. Я и сам вижу.

— Может быть, это псих, — предположил Браун.

— Проще всего навесить преступление на психа, — сказал Бернс. — И вот что я вам скажу. Я глубоко убежден, что *любой* человек, совершающий убийство, является психом.

Детективы не стали с ним спорить.

— Ладно, — сказал Бернс, — начинайте пылесосить улицу. Или позовите своих стукачей. Может быть, они дадут наводку на ствол. Берт, Арти, поищите в компьютере про

то задержание… Вы побывали в магазинчике того дельца? Эдельмана?

— Еще нет, — сказал Браун.

— Отправляйтесь. Осмотрите все. Если найдете хотя бы пылинку белого порошка, забирайте на лабораторный анализ на кокаин.

— Мы сомневаемся, что искать причину надо через кокаин, — сказал Мейер.

— Тогда что же? Девушка употребляла кокаин и доставляла его для половины труппы…

— Ну, не для половины, Питер.

— Мне не важно, сколько человек она им снабжала! Мне все равно, была она звездой этого шоу или нет, но полагаю, что звездой она не была. По-моему, она доставляла дурь, то есть она была «мулом». Мы знаем, что Лопес занимался продажей кокаина. Когда он был убит, при нем нашли шесть граммов дури и тысячу сто долларов. Так что разузнайте побольше про Золушку. Где она добывала дурь, которую раздавала в труппе? Получала ли она прибыль или просто делала любезность? И прижмите этого продюсера… как его там… Картера. Я хочу знать, спал ли он с обеими — с той, другой танцовщицей и вдобавок с убитой. Да, поговорите с Дэнни Гимпом, с Фэтсом Доннером, со всеми стукачами у нас в городе. Во Флориде со стукачами разговаривать не надо, там буду я. Я хочу, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, понятно? В следующий раз, когда позвонит шеф, я хочу доложить ему что-нибудь конкретное.

— Да, Питер, — сказал Карелла.

— Не «да, Питер», а *делайте.*

— Да, Питер.

— И еще одно. Я не приму вариант с психом, пока вы меня не убедите, что между тремя убийствами нет никакой связи.

Бернс помолчал.

— Найдите эту связь, — сказал он.

* * *

Они договорились встретиться на скамейке в Гроув-парке, неподалеку от катка и от статуи генерала Рональда Кинга. Этот генерал в испанско-американскую войну взял стратегическую высоту, приблизив тем самым конец владычества чужеземных тиранов, которые (как писали Вильям Херст и Джозеф Пулитцер) эксплуатировали честных сборщиков тростника и рыбаков на Кубе. Бывший мэр приказал воздвигнуть памятник генералу не за его доблесть. Памятник он поставил генералу за то, что Кинг (как и сам мэр) был известным игроком в карты и специальностью его был покер, а точнее — разновидность последнего под названием *«совок»* , и этот *«совок»* был любимой игрой мэра. Своей выносливостью — ведь в любую погоду бронзовый генерал продолжал гордо сидеть верхом — он завоевал уважение *«латиносов»* (хотя и не выходцев с Кубы), которые выводили аэрозольной краской на его широкой груди свои имена и мочились на ноги коня.

Уроки в школе сегодня отменили из-за неблагоприятной ситуации на дорогах. Сидя на скамейке неподалеку от статуи генерала и ожидая Дэнни Гимпа, Карелла слышал голоса мальчишек, которые играли в хоккей на катке. Он продрог до костей. Он не был философом, но, дрожа от холода в своем самом толстом пальто, надетом на пиджак, да на свитер, да на фланелевую рубашку, да на шерстяное белье, он думал, что зима очень напоминает работу полиции. Зима изматывает. Снег, слякоть, холодный моросящий дождь и лед преследуют тебя, пока не вскинешь руки вверх с криком «сдаюсь!». Но как-то удается перетерпеть, а затем приходит оттепель, и снова все налаживается — до следующей зимы.

Но где же Дэнни?

Наконец он увидел его: тот медленно ковылял по дорожке, поворачивая голову то налево, то направо, как разведчик на задании. Если говорить правду, то таким и мнил себя Дэнни. На нем была красно-синяя куртка с поясом, надвинутая на уши красная вязаная

шапочка, синие шерстяные перчатки и зеленые вельветовые брюки, заправленные в черные боты. В целом достаточно яркий костюм для того, кто хочет выглядеть неприметным. Он прошел мимо скамейки, на которой замерзал Карелла (случалось, играя в шпионов, он заходил слишком далеко), дошел почти до статуи генерала, осторожно огляделся, снова вернулся к скамейке, присел рядом с Кареллой, извлек газету из бокового кармана, развернул, пряча за ней лицо, и произнес:

— Привет, Стив. Холодновато, а?

Карелла снял перчатку и протянул руку Дэнни. Дэнни опустил пониже газету и тоже снял перчатку. Они быстро пожали друг другу руки и снова надели перчатки. Очень немногие детективы пожимают руки своим информаторам. Большинство полицейских и осведомителей — деловые партнеры, но рук друг другу не жмут. Полицейские очень редко уважают стукачей. Стукач — это всегда человечек, который «задолжал что-то» полиции. В благодарность за информацию полицейские обделяют своим вниманием таких. Некоторые из осведомителей — это самые дурные людишки в городе. Любимым осведомителем Хэла Уиллиса был человечек по имени Фэтс Доннер — к нему испытывали отвращение все окружающие за его слабость к двенадцатилетним девочкам. Но он был ценным информатором. Из всех стукачей, с кем Карелла работал, Дэнни Гимп нравился ему больше других. И он никогда не забудет, как однажды много лет назад Дэнни пришел навестить его в больницу, где он залечивал пулевое ранение. С тех пор он всегда пожимал руку Дэнни Гимпу. Он пожал бы руку Дэнни Гимпу, даже если бы за ними наблюдал комиссар полиции.

— Как нога? — спросил Карелла.

— Ноет в холод. — Дэнни похлопал себя по колену.

— Хоть раз хотелось бы встретиться в тепле. Без русской зимы.

— Я должен быть осторожным, — возразил Дэнни.

— Ты можешь быть осторожным в теплом помещении.

— В помещении всегда есть уши, — сказал Дэнни.

— Ну хорошо, давай не будем затягивать нашу встречу. Я хочу найти «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, который был использован в трех убийствах, — сказал Карелла.

— Когда они произошли? — спросил Дэнни.

— Первое было неделю назад, девятого. Второе — в прошлую пятницу, двенадцатого. Последнее случилось в субботний вечер, тринадцатого.

— И все здесь?

— Два.

— Какие два?

— Торговец кокаином Пако Лопес — слыхал о таком?

— Кажется.

— И торговец алмазами по имени Марвин Эдельман.

— Работал здесь?

— Нет, в деловой части города. Он жил на Сильверман-роуд.

— Лакомый кусочек, — сказал Дэнни. — А третье?

— Девушка по имени Салли Андерсон. Танцовщица в мюзикле в деловом центре.

— Так где же связь? — спросил Дэнни.

— Это мы и пытаемся выяснить.

— Гм, — сказал Дэнни. — Значит, Лопес?

— Пако, — сказал Карелла.

— Пако Лопес, — сказал Дэнни.

— Что-нибудь вспоминается?

— Не прижигал ли он сигаретой грудь одной бабенки?

— Тот самый хмырь.

— Да, — сказал Дэнни.

— Знаешь его?

— Видел как-то. Несколько месяцев назад. Он, должно быть, жил с той бабенкой, они

были неразлучны. Значит, окочурился? Ну, слезы лить не будем. Он кругом поганец.

— Каким образом?

— Поганец, — сказал Дэнни. — Я не люблю поганых, а ты? Ты с бабенкой уже говорил?

— На другой день после убийства Лопеса.

— И?..

— Ничего. Она рассказала нам, что он с ней сделал…

— Пакость, да? — сказал Дэнни и покачал головой.

— Но они перестали жить вместе два месяца назад. Она ничего не знала.

— Никто никогда ничего не знает, когда за дело берется полиция. Может быть, она-то и сделала это. За то, что он оставил у нее на груди отметины.

— Сомневаюсь, Дэнни, но ты вправе высказывать догадки. Если честно, то меня больше интересует, не переходил ли из рук в руки ствол, тридцать восьмого калибра за последнюю неделю?

— У нас в городе много тридцать восьмых, Стив.

— Я знаю.

— Все время переходят из рук в руки. — Дэнни помолчал. — Первое убийство произошло во вторник, так? В какое время?

— В одиннадцать.

— Вечера?

— Вечера.

— Где?

— На авеню Калвер.

— В доме или на улице?

— На улице.

— Не так уж много лиходеев выходит на улицу в такую погоду, — сказал Дэнни. — Холод заставляет их сидеть дома. Убийцы и воры предпочитают домашний комфорт, — философски заметил он. — Никто не видел убийцу?

— Стал бы я отмораживать задницу, если бы у меня был свидетель? — воскликнул Карелла.

— Я тоже мерзну, — с упреком сказал Дэнни. — Хорошо, я постараюсь узнать что-нибудь. Насколько срочно тебе надо?

— Срочно, — сказал Карелла.

— Потому что я хочу сделать ставку, прежде чем приступлю к работе.

— Что-нибудь стоящее? — спросил Карелла.

— Только если он победит, — сказал Дэнни и пожал плечами.

* * *

Брат Антоний с Эммой курили марихуану, потягивали вино и изучали список с фамилиями и адресами, который два дня назад составила для них Джудит Квадрадо. В углу комнаты горел керосиновый калорифер, а радиаторы были лишь едва теплыми, и оконное стекло обледенело по краям. Брат Антоний с Эммой сидели очень близко от калорифера, хотя оба утверждали, что холод им нипочем. Оба сидели в белье.

Они покурили час назад, потом занимались любовью на огромной постели в спальне брата Антония. Затем он и она надели белье и перешли в гостиную, где откупорили новую бутылку вина, запалили по закрутке и снова принялись изучать список потенциальных клиентов. На брате Антонии были полосатые трусы на резинке, а на Эмме — черные трусики от бикини. По мнению брата Антония, она выглядела очаровательно после их занятий любовью.

— Похоже, — сказала Эмма, — он обслуживал двенадцать человек.

— Не так уж много, — заворчал брат Антоний. — Я надеялся на что-то большее, Эмма,

сказать по правде. Двенадцать поганых фамилий — это слишком мелкий улов для такой тяжелой рыбалки, как наша. — Он снова взглянул на список. — Особенно при таких крохотных порциях. Посмотри, какие порции, Эмма.

— Ты знаешь анекдот по этому поводу? — спросила она, ухмыляясь.

— Нет. Какой анекдот? — Он любил, когда она рассказывала анекдоты. И еще он любил, когда она набрасывалась на него. Глядя на ее огромные груди, он почувствовал, как снова зашевелилось обновленное желание. Пусть расскажет свой анекдот, решил он, и потом они забудут про список клиентов Лопеса и опять предадутся утехам любви. И это было тем более привлекательно в такой холодный день.

— Это анекдот про женщину, которая остановилась в гостинице на побережье Майами. Не слышал? — спросила Эмма, по-прежнему ухмыляясь.

— Я и сам не прочь остановиться в гостинице на побережье Майами, — сказал брат Антоний.

— Ты будешь слушать анекдот или нет?

— Рассказывай, — сказал он.

— Значит, она обедает там раз, обедает два, а потом идет к столику администратора и начинает жаловаться.

— На что? — сказал брат Антоний.

— Ты дашь мне рассказать?

— Ну, рассказывай.

— Она говорит администратору, что еда в ресторане — совершенная отрава. Яйца — отрава, говядина — отрава, картошка — отрава, салаты — отрава, кофе — отрава, все — отрава, отрава, отрава, говорит она. И знаешь, что *еще?*

— Что еще? — спросил брат Антоний.

— Слишком маленькие *порции!* — воскликнула Эмма и расхохоталась.

— Я не понял, — сказал брат Антоний.

— Эта женщина жалуется, что еда — *отрава…*

— Ну?

— Но она также жалуется, что порции — малы.

— Ну так что?

— Если это отрава, то почему она хочет большие порции?

— Может быть, она психованная, — сказал брат Антоний.

— Нет, она не психованная, — сказала Эмма. — Она жалуется на еду, но она *также* говорит администратору, что порции…

— Теперь понятно, — сказал брат Антоний. Смысл до него так и не дошел. — Не пойти ли нам снова в соседнюю комнату?

— Ты еще не готов, — сказала Эмма, взглянув на его пах.

— Ты можешь меня «подготовить».

— Я знаю. Но мне больше нравится, когда ты уже созрел и тебе не нужна «подготовка».

— Сладенький ротик, — понизив голос, сказал брат Антоний.

— Мм… — промычала Эмма.

— Ну, что ты скажешь?

— Я скажу: вначале дело, а потом утехи.

— И все-таки почему ты вспомнила этот анекдот? — спросил он.

— Ты сказал что-то про маленькие порции.

— Они очень маленькие, — сказал брат Антоний. — Посмотри, — сказал он и протянул ей список. — Два-три грамма в неделю, и это большинство из них. Мы не разбогатеем с двух-трех граммов в неделю.

— Мы не должны разбогатеть сразу, браток, — сказала Эмма. — Мы начнем работать неторопливо, начнем с этих людей, бывших клиентов Лопеса, будем строить наше дело, начав с них.

— Как?

— Может быть, эта женщина даст нам еще других клиентов.

— Какая женщина? Та, что ест отраву?

— Та, что снабжала Лопеса. Его дилер.

— С какой стати она будет нам помогать?

— Почему нет? Нужна цепочка поставок, святой брат. Дилеру унций нужен дилер граммов. Эта женщина соединяет нас с некоторыми потребителями, мы покупаем у нее наш товар, и все счастливы.

— Мне кажется, ты размечталась.

— Разве опасно просто спросить? — сказала Эмма.

— Она скажет, чтобы мы шли куда подальше.

— Кто знает! В любом случае давай начнем с начала. Прежде всего надо дать ей знать, что мы приняли дело после Лопеса и хотим продолжать его с ней. Это прежде всего.

— Это прежде всего, конечно.

— Так что, я думаю, тебе надо сделать следующее, — сказала Эмма. — Одеться и нанести Салли Андерсон небольшой визит.

— Позже, — сказал брат Антоний и обнял ее.

— Мм… — промычала Эмма, прижалась к нему и облизнула губы.

* * *

Эйлин Берк вошла в комнату детективов, пока Клинг еще разговаривал по телефону с дивизионом связи. Браун попросил ее обождать и затем положил записку на стол Клинга, что детектив Берк на шестой линии. Клинг кивнул. Он не сразу сообразил, кто такой Берк.

— У меня в руках распечатка, — сказал инспектор в комнате курьеров. — Это относится к двадцать восьмому июля, двадцать часов ноль две минуты, 621, Норт-Гринфилд, комната 207. Донесение принял Адам Кар в двадцать часов двенадцать минут.

— Что нашли?

— Передали по радио «Ю-20». Это означает: «произошло ограбление».

Клинг знал, что означает «10–20».

— Какой это был участок?

— Мидтаун-Ист, — сказал инспектор.

— Вы знаете, кто тогда занялся этим делом?

— Этого нет в распечатке.

— Хорошо, спасибо, — сказал Клинг и нажал светящуюся кнопку «б» у основания аппарата. — Клинг слушает, — сказал он.

— Берт, это Эйлин.

— Я пока не искал сережку, — сказал он.

— В комнате детективов ее не находили?

— Ну, у нас там есть ящик для находок, но он пуст.

— Как насчет машины?

— Я еще не искал в машине, — сказал он. — На этой машине я не ездил с субботы.

— Но если будет возможность…

— Конечно, — сказал он.

— Просто… эти серьги словно приносят удачу. Это «счастливые» сережки.

Клинг промолчал.

— Без них я как голая.

Он опять промолчал.

— Не могу же я носить только одну серьгу на счастье! — сказала она.

— Понимаю, — сказал он.

— Тогда мне выпадет лишь половинка счастья.

— Да, — сказал он.

— Как там погода? — спросила она.

— Холод.

— Здесь тоже холодно, — сказала она. — Ну хорошо, дай мне знать, если найдешь, ладно?

— Непременно.

— Спасибо, — сказала она и повесила трубку.

На том же клочке бумаги, который Браун положил ему на стол, Клинг накарябал: *«Серьга Эйлин»* — и сунул листок в карман пиджака. Он пролистал полицейский телефонный справочник, нашел номер участка Мидтаун-Ист, набрал, объяснил дежурному сержанту цель звонка, тот соединил его с детективом по имени Гарридо, в голосе которого звучал испанский выговор и который сразу вспомнил это дело: он сам находился в засаде в ломбарде на Гринфилд-стрит, когда вошел вооруженный грабитель, желавший заложить все, что похитил у Эдельмана два дня назад по соседству, через три двери.

— Все по списку похищенного, без исключения, — сказал Гарридо. — Взяли тепленьким.

— И что было дальше? — спросил Клинг.

— Угадай, кто у нас был судьей? — спросил Гарридо.

— Кто? — спросил Клинг.

— Харрис.

Клинг знал достопочтенного [8] Уилбора Харриса. Достопочтенный Уилбор Харрис получил прозвище Певца свободы. Он имел обыкновение отпускать преступников прямо из зала суда.

— Что было дальше? — спросил Клинг.

— Ну, парнишка тот был наркоманом. Это было его первым преступлением. Он чуть не плакал в зале суда. И Харрис отпустил его «условно».

— Даже при том, что ты взял его с награбленным?

— Да. С полным списком. Какой был смысл?

— Как звали парнишку?

— Эндрю. Фамилию не помню. Найти досье?

— Если не трудно.

— Сейчас, — сказал Гарридо. — Одну минуту.

Пять минут спустя он назвал фамилию и последний известный адрес семнадцатилетнего паренька, который ограбил Марвина Эдельмана летом прошлого года.

* * *

Квартира, про которую Алан Картер сказал, что это «одна из тех больших старых квартир у парка», и в самом деле была у парка и, несомненно, была старой, но *большой* она могла представиться разве гному. Лонни Купер, одна из двух черных танцовщиц в «Жирной заднице», была почти такого же высокого роста, как и два детектива, которых она впустила к себе поздним утром во вторник. От присутствия трех человек высокого роста крохотная квартирка стала похожей на платяной шкаф. К тому же мисс Купер до того набила свое жилище мебелью, безделушками, скульптурами и картинами, что практически нельзя было найти свободную часть стены или пола. Мейеру с Кареллой представилось, что они попали в контору по продаже краденых вещей.

— Люблю загроможденные помещения, — объяснила танцовщица. — Большинство танцоров не любят, а я люблю. На сцене я летаю. А дома мне приятно складывать крылышки.

Она была еще краше, чем Карелла помнил ее на сцене. Гибкая, с кожей цвета пробки, с

---

[8] Достопочтенный — титул судьи.

высокими скулами, профилем Нефертити, большим ртом и ослепительной улыбкой. На ней был красный мужской свитер поверх черного трико и черных колготок. Она была без туфель на ногах, но в полосатых гетрах. Она спросила у детективов, не желают ли они кофе или что-нибудь еще, и, когда они отказались, предложила им устраиваться поудобнее. Карелла и Мейер сели на диван, заваленный подушками. Лонни Купер села напротив в мягкое кресло с противомоскитными сетками, пришпиленными к подлокотникам и к спинке. Кофейный столик между ними заполняли стеклянные пресс-папье, крохотные куколки, ножи для бумаги, значки с эмблемами кандидатов на выборах и сувенирная пепельница с Всемирной ярмарки в Нью-Йорке 1939 года. Перехватив взгляд Кареллы, она объяснила:

— Я коллекционирую вещи.

— Мисс Купер, — начал он, — я хотел…

— Лонни, — перебила она.

— Хорошо, — сказал он. — Лонни, я…

— А вас как зовут? — спросила она.

— Стив, — сказал он.

— А вас? — спросила она Мейера.

— Мейер, — ответил он.

— Я думала, это ваша фамилия.

— Да. А также имя.

— Класс! — воскликнула она.

Мейер пожал плечами. Он не считал свое имя «классным». Правда, однажды одна писательница использовала его имя в качестве названия для своего романа про профессора колледжа. Он позвонил окружному прокурору Ролли Шабриеру с вопросом, может ли он направить иск. Шабриер сказал, что он должен чувствовать себя польщенным. Мейер и в самом деле чувствовал себя слегка польщенным. Но все-таки он остался немного недоволен тем, что кто-то воспользовался именем *реального* человека в качестве имени обыкновенного героя в выдуманном произведении.

Даже если такой герой был на уровне профессора колледжа.

— Вы уверены, что не хотите кофе? — спросила Лонни.

— Абсолютно, спасибо, — поблагодарил Карелла.

— Мы перепили кофе, — сказал Мейер. — Из-за этой погоды.

— И вы тоже считаете, что пьете слишком много кофе? — спросила Лонни.

— Да, — сказал Мейер.

— И я тоже, — вздохнула она.

Чем-то она похожа на совсем молоденькую девушку, подумал Карелла. На вид ей было двадцать шесть или двадцать семь, но движения ее, мимика и высокий голос напоминали девушку семнадцати лет. Она устроилась в мягком кресле, подложив под себя ноги — так могла сидеть его дочь Эйприл.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы пришли по поводу Салли Андерсон, — попытался перейти к делу Карелла.

— Да, конечно, — сказала она, и на ее лице появилось выражение, как у ребенка, который хочет разобраться в проблемах взрослых.

— Мисс Купер…

— Лонни, — сказала она.

— Лонни…

— Да, Стив?

Карелла прочистил горло.

— Лонни, мы знаем, что у вас здесь была вечеринка неделю назад, в воскресенье, седьмого февраля. Вы помните эту вечеринку?

— Да, — вздохнула она, — это была *классная* вечеринка!

— Салли Андерсон присутствовала?

— Да, конечно.

— И Тина Вонг?

— Да.

— Алан Картер?

— Да, было много народу, — сказала Лонни.

— А как насчет Майка Ролдана и Тони Асенсио? — спросил Мейер.

— Я погляжу, вы взялись за свою домашнюю работу? — сказала Лонни.

Мейер никогда не думал о своей работе как о «домашней». Он слабо улыбнулся.

— Они здесь тоже были, Мейер. — Лонни ослепительно улыбнулась в ответ.

— Нам удалось прийти к заключению, — сказал Карелла, — что эта вечеринка у вас не обошлась без кокаина.

— Да? — сказала она, и улыбка слетела с ее губ.

— Так был кокаин?

— Кто вам сказал?

— Несколько человек.

— Кто?

— Это не важно, мисс Купер.

— Это важно для меня, Стив. И, пожалуйста, называйте меня Лонни.

— Мы узнали об этом из трех различных источников, — сказал Мейер.

— Из каких?

Он посмотрел на Кареллу. Карелла кивнул.

— От Тины Вонг, Майка Ролдана и Тони Асенсио.

— О Господи! — сказала Лонни и покачала головой.

— Это правда? — спросил Карелла.

— Послушайте, зачем мне спорить с ними? — сказала Лонни, пожала плечами, скорчила рожицу и переменила положение в кресле. — Но я думала, вас интересует Салли.

— Это так.

— Или это превращается в расследование по поводу кокаина?

— Это *уже* кокаиновое расследование, — сказал Мейер. — Мы знаем, что Салли употребляла кокаин в тот вечер, и мы также знаем…

— Вы говорите про прошлое воскресенье?

— Да, про прошлое воскресенье, неделю назад. Вы ведь помните, что Салли употребляла кокаин?

— Ну да. Теперь, когда вы напомнили.

— И еще кое-кто тоже употреблял.

— Ну, и еще другие.

— Хорошо. Откуда появился порошок?

— Откуда мне знать?

— Мисс Купер…

— Лонни.

— Лонни, мы не ищем наркотики. Салли Андерсон была убита, и мы пытаемся выяснить, *почему* . Если кокаин имеет отношение к ее смерти…

— Не понимаю, каким образом?

— Почему вы так считаете?

— Потому что именно она *приносила* кокаин.

— Мы знаем об этом. Но где она брала его, не знаете?

— Где-то на окраине.

— Где именно?

— Понятия не имею.

— Как далеко? За парком или…

— Я действительно не знаю.

— Как часто она приносила порошок?

— Обыкновенно раз в неделю. В понедельник вечером, перед шоу. У нас по

воскресеньям нет спектаклей. Поэтому она обычно добывала порошок в воскресенье, как я себе представляю, ездила за ним на окраину в воскресенье или ей доставляли его как-то иначе. Я не знаю, как было на самом деле. Во всяком случае, в понедельник вечером она приносила порошок в театр.

— И распространяла в труппе.

— Да, отдавала тем, кто хотел.

— И сколько было таких?

— Полдюжины… Семеро… Примерно так.

— Сколько денег было в обороте, по-вашему?

— Вы ведь не думаете, что она делала это из-за денег?

— Почему она это делала?

— Она оказывала нам любезность, вот и все. То есть зачем дублировать усилия и идти на двойную трату? Если у вас хороший контакт и он доставляет хороший порошок, почему не делать одну *большую* покупку каждую неделю вместо шести-семи *мелких* покупок у дилеров, которым не особенно доверяешь? Это называется разумный подход.

— Угу, — сказал Карелла.

— Разве нет?

— Так о чем мы здесь говорим? — сказал Мейер. — Если речь идет о шести-семи граммах…

— Ну, иногда больше. Но она брала с нас только то, что платила сама. Уж поверьте. Я знаю уличные цены, и больше она не получала.

— Ничего за свой труд, когда ездила на окраину города?

— Да какой труд! Все равно она бы ездила туда, разве нет? А может быть, ей приносили. Как знать! Вы и в самом деле выбрали ошибочный путь, если думаете, что *именно так* Салли…

Она вдруг осеклась.

— Что Салли именно так? — тотчас спросил Карелла.

— Как она… гм…

Лонни скорчила рожицу, пожала плечами, словно совершенно запуталась и не знала, как закончить фразу.

— Да? — спросил Карелла. — Что она *именно так?*

— Зарабатывала себе на жизнь, — сказала Лонни и улыбнулась.

— Ладно, мы знаем, как она зарабатывала себе на жизнь, разве нет? — сказал Мейер. — Она была танцовщицей.

— Ну да.

— Почему мы должны думать, что она зарабатывала на жизнь каким-то другим путем?

— Ну, вы говорили про кокаин и спрашивали, сколько денег было в обороте…

— Да, но вы сказали, что она не получала прибыли от кокаина.

— Это верно.

— У нее был побочный заработок где-нибудь еще? — спросил Карелла.

— Мне ничего не известно про побочный заработок.

— Но как-то *возникал* побочный заработок, ведь так?

— Я такого не говорила, — округлила глаза Лонни.

— Вы словно дали понять…

— Вы неправильно поняли, Стив.

— Откуда у нее был побочный заработок? — спросил Карелла.

— Какой побочный заработок? — сказала Лонни.

— Давайте с начала, — сказал Карелла. — Что вы имели в виду, когда сказали: «как она зарабатывала себе на жизнь?»

— На сцене, — сказала Лонни.

— Я не об этом вас спрашиваю.

— Я не знаю, о чем вы спрашиваете.

— Я спрашиваю, как она зарабатывала дополнительные деньги?

— Кто говорил про это?

— Мне показалось, что вы подразумевали это.

— Случается, — сказала Лонни, — что артисты иногда танцуют в ночных клубах или еще где-нибудь. Одновременно танцуя в шоу.

— Угу, — сказал Карелла. — А Салли танцевала в ночных клубах?

— Нет. Мне неизвестно об этом.

— Тогда что же она делала?

— Я только сказала…

Лонни покачала головой.

— Вы сказали, что она делала что-то, зарабатывая тем самым себе на жизнь. Что же это было?

— Это очень распространено у нас в городе, — сказала Лонни.

— Что распространено?

— Если Салли в этом везло, тем лучше.

— Везло в чем?

— Это даже не противозаконно, насколько мне известно, — сказала Лонни. — Никто от этого еще не пострадал.

— О чем мы говорим? — спросил Мейер. Можно было подумать, что она имела в виду проституцию, но она наверняка знала, что проституция противозаконна. Да и кто *сказал* , что от нее никто не пострадал?

— Объясните нам, что вы имеете в виду, — сказал Карелла.

— Я ничего не должна вам объяснять, — сказала она и сложила руки на груди, как надувшая губы шестилетняя девочка.

— Мы можем вызвать вас повесткой и заставить отвечать на вопросы перед большим жюри, — сказал Карелла. Он предположил, что если эта уловка срабатывала тысячу раз прежде, то и теперь подействует.

— Присылайте повестку, — сказала Лонни.

* * *

Когда Браун спустился к месту стоянки полицейских автомашин, он с удивлением увидел старую машину, которую они тянули на тросе в субботу. А затем на заднем сиденье он увидел Клинга на четвереньках.

— Я сказал им, что не хочу снова садиться в эту развалину, — сказал он Клингу. — Что ты делаешь?

— Вот она, — сказал Клинг.

— Что там такое?

— Серьга Эйлин, — сказал он и показал ему золотое колечко.

Браун кивнул.

— Хочешь сесть за руль? — спросил он. — Я ненавижу эту машину.

— Да, — сказал Клинг.

Он положил серьгу в карман пальто, смахнул пыль с колен и сел за руль. Рядом расположился Браун.

— Эта дверь плохо закрывается, — сказал Браун, хлопая дверью раз за разом, пока она наконец не закрылась как положено. Потом он включил печку; печка с лязганьем зашумела. — Отлично, — сказал Браун. — Куда держим путь?

— В Даймондбэк, — сказал Клинг и завел мотор.

— Отлично, — сказал Браун.

В департаменте полиции бытовала такая присказка: самое верное место, где тебя непременно убьют, — это на углу Ландис-авеню и Портер-стрит, а самое удачное время для этого — полночь в любую субботу августа. Браун и Клинг считали удачей, что они прибыли

на тот самый угол в полдень студеного февраля, но они вовсе не были рады оказаться в Даймондбэке в принципе. Брауну место назначения нравилось еще меньше, чем Клингу. Даймондбэк, в 83-м участке, был исключительно «черным районом», и многие местные жители полагали, что черный полицейский — это самый гнусный полицейский в мире. Даже добропорядочные граждане — а таких здесь было гораздо больше, чем сводников, торговцев наркотиками, вооруженных грабителей, взломщиков, проституток и различных мелких воришек, — чувствовали, что если возникали проблемы с законом, то лучше пойти к белому, чем к любому из собратьев. Черный полицейский напоминал исправившуюся проститутку: с таким не хотелось иметь дело.

— Как звать того парнишку? — спросил Браун.

— Эндрю Флит, — сказал Клинг.

— Он белый или черный?

— Черный, — сказал Клинг.

— Отлично, — сказал Браун.

Последний адрес Флита указывал на один из хмурых многоквартирных домов на авеню Сент-Себастьян, которая начиналась у восточного края Гровер-парка и пролегала с севера на восток вдоль тринадцати кварталов между авеню Ландис и Айсола. Далее она переходила в другой проезд под названием Адамс-стрит, вероятно, в честь второго президента Соединенных Штатов или даже шестого. Сегодня, во вторник, авеню Сент-Себастьян выглядела особенно хмуро. Бедный район можно всегда отличить от других: улицы здесь чистят и посыпают песком в последнюю очередь в этом городе. Мусор, особенно в плохую погоду, накапливается, видимо, с целью поощрения свободного предпринимательства среди крысиной популяции. В Даймондбэке крысы величиной с кошку бесстрашно прогуливаются по улице при свете дня. Когда Клинг припарковал машину у сугроба перед домом Флита, было десять минут двенадцатого. Не было видно ни одной крысы, но мусорные ящики вдоль улицы были переполнены. Мусор также примерз к обледенелому тротуару. Люди в этих краях не пользовались пластиковыми мешками для мусора. Мешки тоже стоят денег.

Два чернокожих старика стояли у огня, который они разожгли в отпиленной половинке бочки от бензина, и грели руки. Браун и Клинг прошли мимо них к парадному здания. Старики тотчас догадались, что они детективы. Старики даже не подняли глаз, когда Браун и Клинг поднимались по ступенькам парадного. А Браун и Клинг не стали смотреть на двух стариков. Негласное правило звучало так: если ты нарушил закон, то между тобой и полицией доверия быть не может.

В небольшом вестибюле они осмотрели почтовые ящики. Только на двух из них были таблички с фамилиями.

— У нас есть его номер квартиры? — спросил Браун.

— 3 «В», — сказал Клинг.

Замок внутренней двери вестибюля был сломан. Естественно. В патроне, свисавшем с потолка, не было лампочки. Естественно. Коридор был темным, а ступеньки, ведущие наверх, были еще темнее.

— Надо было взять фонарик из машины, — сказал Браун.

— Да, — сказал Клинг.

Они поднялись по ступенькам на третий этаж.

Они прислушались, стоя перед дверью в квартиру Флита.

Тишина.

Они еще прислушались.

По-прежнему тишина.

Браун постучал.

— Джонни? — послышался голос.

— Полиция, — сказал Браун.

— Ах!

— Откройте, — сказал Браун.

— Сейчас, секунду.

Браун посмотрел на Клинга. Оба пожали плечами. Они услышали шаги, приближающиеся к дверям, затем — как кто-то возится с дверной цепочкой. Затем услышали, как отперли замок. Дверь открылась. Перед ними стоял худой чернокожий парень в синих джинсах и светло-коричневом свитере.

— Да? — сказал он.

— Эндрю Флит? — сказал Браун и показал ему свой значок и удостоверение.

— Да?

— Вы Эндрю Флит?

— Да?

— Мы хотим задать вам несколько вопросов. Можно войти?

— Да, конечно, — сказал Флит и посмотрел мимо них в сторону лестничной клетки.

— Или вы ждете кого-то?

— Нет-нет, заходите.

Он отступил в сторону, давая им пройти. Они стояли в небольшой кухоньке. Единственное окно, обледенелое по краям, выходило на кирпичную стену дома напротив. В мойке лежала груда немытых тарелок. На столике стояла пустая бутылка от вина. Над головой от стены к стене была натянута бельевая веревка. На ней сушились спортивные шорты.

— Здесь холодновато, — сказал Флит. — Отопление сегодня почти не доходит до нас. Мы уже звонили в мэрию.

— Кто это «мы»? — спросил Браун.

— Ну, один парень из комитета жильцов. Через открытую дверь кухни они могли видеть неубранную постель. На полу у постели лежала куча грязной одежды. На стене над кроватью висела обрамленная картина с Иисусом, воздевшим руку для благословения.

— Вы живете один? — спросил Браун.

— Да, сэр, — сказал Флит.

— У вас всего две комнаты?

— Да, сэр.

Он вдруг стал обращаться к ним «сэр». Они переглянулись: видимо, он боялся чего-то.

— Можно вам задать несколько вопросов? — спросил Браун.

— Конечно. Но… гм… вы знаете, как вы сказали, я как бы кое-кого жду.

— Кого? — спросил Клинг. — Джонни?

— Да, на самом деле, да.

— Кто такой Джонни?

— Мой друг.

— Вы все еще употребляете героин? — спросил Браун.

— Нет-нет. Кто вам сказал?

— Ваш «послужной список», во всяком случае, — сказал Клинг.

— У меня нет «послужного списка». Я в тюрьме не сидел.

— Никто и не говорил, что вы сидели.

— Вас арестовали в июле, — сказал Браун. — Вам было предъявлено обвинение в ограблении первой степени.

— Да, но…

— Вас отпустили, мы знаем.

— Это был условный приговор.

— Потому что вы были несчастным затюканным наркоманом, так?

— Да, мне в ту пору очень не везло, это правда.

— Но больше вы не употребляли?

— Нет. Надо быть психом, чтобы баловаться этим.

— Угу, — сказал Браун. — Так кто этот ваш друг Джонни?

— Просто друг.

— Не дилер случайно?
— Нет-нет. Ладно вам, хватит.
— Где вы были в субботу вечером, Эндрю? — спросил Клинг.
— В прошлую субботу вечером?
— Вернее, в ночь на воскресенье. В два часа ночи. А воскресенье было четырнадцатое число.
— Да, — сказал Флит.
— Что «да»?
— Пытаюсь вспомнить. Почему вы спрашиваете? Что случилось в прошлую субботу вечером?
— Расскажите нам, — сказал Браун.
— В субботу вечером, то есть ночью… — сказал Флит.
— Или в воскресенье утром, если вам так больше нравится.
— В два часа утра… — сказал Флит.
— Ну, вы поняли, — сказал Клинг.
— Я был здесь, по-моему.
— Кто-нибудь был с вами?
— Это статья 220? — спросил Флит, имея в виду раздел уголовного кодекса, определяющий обращение с наркотиками.
— Кто-нибудь был с вами? — повторил Клинг.
— Разве вспомнишь? Это было… Когда? Три дня назад? Четыре?
— Попытайтесь вспомнить, Эндрю, — сказал Браун.
— Пытаюсь.
— Вы помните, как звали того человека, которого вы ограбили?
— Да.
— Как его звали?
— Эдельбаум.
— Вы уверены?
— Да, его звали так.
— Вы видели его с тех пор?
— Да, на суде.
— И, по-вашему, его зовут Эдельбаум, а?
— Да, его зовут Эдельбаум.
— Вы знаете, где он живет?
— Понятия не имеете, где он живет, а?
— Откуда мне знать, где он живет?
— Вы не помните, где его магазин?
— Помню, конечно. На Норт-Гринфилд.
— Но не *помните* , где он живет, а?
— Да я и не знал никогда. Как же я могу *помнить?*
— Но если бы вы захотели узнать его адрес, то заглянули бы в телефонную книгу, верно? — спросил Браун.
— Ну конечно, но зачем бы мне это делать?
— Где вы были четырнадцатого февраля в два часа утра? — спросил Клинг.
— Я сказал: я был здесь.
— Кто-нибудь был с вами?
— Если это статья… Хорошо, мы подкуривали, — сказал Флит. — Вы об этом хотели узнать? Отлично, теперь вы знаете. Мы курили травку, и я по-прежнему наркоман. Большое дело! Обыщите квартиру, если желаете. Найдете разве чуток. Слишком мало для ареста, уж это точно. Ну, вперед! Ищите.
— Кто это «мы»? — спросил Браун.
— Что?

— Кто был с вами в субботний вечер?

— Ну, Джонни… Теперь вы довольны? Что же мы тут такое делали, от чего весь мир мог пострадать?

— Джонни… как по фамилии?

Раздался стук в дверь. Флит поглядел на двух полицейских.

— Открой, — сказал Браун.

— Послушайте…

— Открой.

Флит вздохнул и подошел к двери. Он повернул замок и открыл дверь.

— Привет, — сказал он.

Черная девушка, которая стояла в дверях, не могла быть старше шестнадцати. На ней была красная лыжная куртка поверх синих джинсов и сапоги на высоких каблуках. Она была привлекательной, но помада у нее на губах была слишком яркой, щеки ее были густо нарумянены, а глаза были оттенены и подведены по вечернему, хотя был полдень — двадцать минут первого.

— Заходите, барышня, — сказал Браун.

— Что стряслось? — спросила она, сразу узнав в них полицейских.

— Ничего не стряслось, — сказал Клинг. — Не желаете поведать нам, кто вы?

— Эндрю?.. — Она повернулась к Флиту.

— Не знаю, что им нужно, — сказал Флит и пожал плечами.

— У вас есть ордер? — спросила девушка.

— Нам не нужен ордер. Это обычное расследование, и ваш друг пригласил нас в дом, — сказал Браун. — Почему вы спрашиваете про ордер? Вам есть что скрывать?

— Это статья 220? — спросила она.

— Вы оба, кажется, хорошо выучили статью 220, — сказал Браун.

— Век живи — век учись, — пожала плечами девушка.

— Как вас зовут? — спросил Клинг.

Она снова посмотрела на Флита. Флит кивнул.

— Корина, — сказала она.

— А фамилия?

— Джонсон.

Постепенно до них дошло. Вначале просветлело лицо Брауна, а следом за ним — физиономия Клинга.

— Джонни, так?

— Да, Джонни, — сказала девушка.

— Вы *сами* себя так зовете?

— Если вас зовут Кориной, вы станете себя называть Кориной?

— Сколько вам лет, Джонни?

— Двадцать один, — сказала она.

— Даю вам еще одну попытку, — сказал Клинг.

— Восемнадцать, годится?

— А не шестнадцать? — спросил Браун. — Или еще меньше?

— Я достаточно взрослая, — сказала Джонни.

— Для чего? — спросил Браун.

— Для всего, что мне нужно делать.

— Сколько времени вы работаете на улице? — спросил Клинг.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы проститутка, верно, Джонни? — спросил Браун.

— Кто вам это сказал?

Ее глаза стали холодными и матовыми, как лед на оконном стекле. Руки она теперь держала в карманах лыжной куртки. Клинг с Брауном готовы были поспорить, что она сжимала кулаки.

— Где вы были в прошлую субботу вечером? — спросил Клинг.

— Джонни, они…

— Замолчите, Эндрю! — сказал Браун. — Где вы были, барышня?

— *Когда* именно?

— Джонни…

— Я велел вам молчать! — воскликнул Браун.

— В прошлую субботу ночью. В два часа ночи, — сказал Клинг.

— Здесь, — сказала девушка.

— Что вы делали?

— Подкуривали.

— С какой стати? На улице плохо шли дела?

— Шел *снег,* — со злобой сказала Джонни. — Все хряки попрятались в собственные постельки.

— В котором часу вы пришли сюда? — спросил Браун.

— Я здесь *живу* , дядя, — сказала она.

— А мы думали, что вы живете здесь один, Эндрю, — сказал Клинг.

— Да, я не хотел никого больше вовлекать. Понимаете?

— Так что вы были здесь всю ночь, а? — спросил Браун.

— Ну, я так не говорила, — ответила девушка. — Я вышла примерно… когда, Эндрю?

— Оставьте в покое Эндрю. Рассказывайте нам.

— Примерно в десять. Приблизительно в это время начинается работа. Но улицы были пусты, как сердце путаны.

— Когда вы вернулись?

— Примерно в полночь. Мы сели за стол около полуночи, верно, Эндрю?

Флит хотел ответить, но Браун остановил его взглядом.

— И вы находились здесь с полуночи до двух? — спросил Клинг.

— Я была здесь с полуночи до следующего *утра* . Я сказала вам, дядя: я здесь *живу.*

— А Эндрю не выходил из квартиры в эту ночь?

— Нет, *сэр,* — сказала Джонни.

— Нет, сэр, — повторил Флит, выразительно кивая.

— Куда вы пошли на следующее утро?

— На улицу. Посмотреть, смогу ли отыграться.

— В какое время?

— Рано. Около одиннадцати часов. Примерно так.

— Удалось отыграться?

— Снег затрудняет всякое движение. — Она говорила не про дорожное движение. — Клиенты приезжают из Флориды. Как только они оказываются в Северной Каролине, они уже по колено в снегу. В такую погоду не везет в двух ремеслах: путанам и торговцам травкой.

Браун мог назвать еще пару-другую профессий, кому не везет в такую погоду.

— Берт, — сказал он.

Клинг глянул на парня с девушкой.

— Поехали отсюда, — сказал он.

Они прошли по улице молча. Два старика по-прежнему грели руки у огня. Когда Клинг завел мотор, печка снова залязгала.

— Похоже, они чистые, ты как думаешь? — спросил Браун.

— Да, — сказал Клинг.

— Он даже перепутал *фамилию* того человека, — сказал Браун.

Они ехали в сторону центра молча. Приближаясь к участку, Браун пробормотал:

— Просто плакать хочется.

Клинг понял, что тот говорит вовсе не о том, что в расследовании убийства Эдельмана они не продвинулись ни на йоту.

Глава 10

Смотрителя здания, в котором жила Салли Андерсон, после ее убийства постоянно донимали полицейские. А теперь еще и монах явился. Смотритель не был религиозным человеком. Ни небеса, ни преисподняя его не интересовали, и с монахом ему говорить было не о чем. Он был занят важным делом — сыпал соль на тротуар, чтобы растопить наледь.

— Что вам нужно от нее? — спросил он брата Антония.

— Она заказала Библию, — сказал брат Антоний.

— Что?

— Библию. От «Ордена благочестивых братьев», — сказал он, полагая, что это звучит достаточно свято и торжественно.

— Ну и что дальше?

— Я из этого ордена, — торжественно произнес брат Антоний.

— И что дальше?

— Я хочу отдать ей Библию. Я поднимался наверх, но в ее квартире, если номер правильно указан на почтовом ящике, никто не отзывается. Мне подумалось, не сможете ли вы…

— Вы убедились, что никто не отзывается, — сказал смотритель.

— Верно, — сказал брат Антоний.

— И никогда никто не отзовется. Во всяком случае, она сама.

— Ах, мисс Андерсон переехала?

— Разве у вас нет контакта?

— Какого контакта?

— С Богом.

— С Богом?

— Разве Бог не посылает вам с неба ежедневную сводку новостей?

— Не понимаю, о чем вы говорите, сэр, — состроил обиженную гримасу брат Антоний.

— Разве Бог не посылает вашему брату стандартный перечень по всей форме, как полагается? Ну, кто отдал концы и куда отправился? — воскликнул смотритель, с рвением атеиста разбрасывая соль по тротуару. — В какое место назначения: в рай, в ад или в чистилище?

Брат Антоний молча глядел на него.

— Салли Андерсон умерла, — сказал смотритель.

— Очень прискорбно это слышать, — произнес брат Антоний. — Dominus vobiscum.

— Et cum spiritu tuo[9], — сказал смотритель — он воспитывался в католической семье.

— Да будет Господь милосерден к ее вечной душе, — сказал брат Антоний. — Когда она умерла?

— В прошлую пятницу вечером.

— Что явилось причиной смерти?

— Три дырки от трех пуль — это три причины для смерти.

Брат Антоний широко раскрыл глаза.

— Прямо здесь, на тротуаре, — сказал смотритель.

— А полиция знает, кто это сделал? — спросил брат Антоний.

— Полиция не знает, как правильно сморкаться, — сказал смотритель. — Вы газет не читаете? Об этом писали все газеты.

— Я не знал.

— Латынь отнимает у вас слишком много времени, как мне кажется, — сказал

---

[9] Et cum spiritu tuo (лат.) — И в душе твоей.

смотритель, разбрасывая соль. — Ваши kyrie eleison[10].

— Да, — сказал брат Антоний. Он никогда не слышал этих слов. Они хорошо звучали. Он решил использовать их в будущем. Употреблять kyrie eleison поочередно с Dominus vobiscum. Et cum spiritu tuo. *Эта присказка —* тоже очень хороша. И затем ему пришло в голову, что здесь наблюдается удивительное совпадение. Во вторник две пули получает Пако Лопес, а в пятницу три пули получает его поставщик.

И вдруг все это перестало выглядеть как мелочь. Два убийства были похожи на почерк крупных наркодельцов — «латиносов». Он даже спросил себя, надо ли ему ввязываться в такие разборки. Конечно, ему не хотелось лежать убитым в багажнике автомашины на стоянке у аэропорта Спиндрифт. Тем не менее он чувствовал, что натолкнулся на что-то такое, что может дать ему с Эммой *по-настоящему* большие деньги. Если они будут вести правильную игру. Поначалу, во всяком случае. У них будет достаточно времени для того, чтобы вступить в игру, как только они поймут, как это все происходит.

— Как она зарабатывала на жизнь? — спросил он смотрителя.

— Она была танцовщицей, — ответил тот.

Танцовщица, подумал брат Антоний. Ему тотчас представилось, как обучают танцам в школе Артура Марри. Когда-то, много лет назад, он был женат на одной даме, хозяйке закусочной. Она уговорила его ходить вместе на уроки танцев. Не в школу Артура Марри. И не в школу Фрэда Астора. Заведение называлось… Нет, не вспомнить. В общем, учиться танцевать «Ча-ча-ча». Она обожала «Ча-ча-ча». Когда брат Антоний в первый раз оказался в зале наедине с инструктором — хорошенькой брюнеточкой в облегающем платье, похожей скорее на шлюху, чем на учительницу танцев, он возжелал ее. Девушка сказала ему, что у него легкие ноги, что он знал и без нее. Он облепил руками ее маленькую атласную попку, и так они отрабатывали приемы. Но тут вошла жена, увидела их и решила прекратить уроки «Ча-ча-ча». «Легкий шаг» — вот как называлось то заведение. Но это было очень давно, еще до того, как с его женой произошел несчастный случай. В связи с этим случаем он отсидел год в тюрьме Кастлвью, по статье за убийство. Сколько воды утекло, подумал брат Антоний, kyrie eleison.

— В этом известном мюзикле, который идет в деловом центре города, — сказал смотритель.

— Что вы имеете в виду? — спросил брат Антоний.

— «Жирную задницу».

Брат Антоний никак не мог понять, о чем идет речь.

— Представление, — сказал смотритель. — В театре.

— Где именно? — спросил брат Антоний.

— Я не знаю, как называется театр. Купите газету. Может быть, найдете какую-нибудь на латинском языке.

— Благослови вас Господь, — сказал брат Антоний.

* * *

Телефон на столе Клинга зазвонил, как раз когда они с Брауном выходили из комнаты детективов. Он наклонился через перила и взял трубку.

— Клинг слушает, — сказал он.

— Берт, это Эйлин.

— А, привет, — сказал он. — Я собирался позвонить тебе попозже.

— Ты нашел ее?

— Там, где ты сказала. На заднем сиденье машины.

— Знаешь, сколько сережек я растеряла на задних сиденьях машин? — спросила

---

10 Kyrie eleison (лат.). — «Господи, помилуй!» — короткая литургическая молитва.

Эйлин.

Клинг промолчал.

— Много лет назад, конечно, — сказала она.

Клинг опять промолчал.

— Когда была подростком, — сказала она.

Тишина затягивалась.

— Ну, — сказала она, — я рада, что ты нашел ее.

— Что мне с ней делать? — спросил Клинг.

— По-моему, ты не собираешься в мою сторону?

— Ну…

— В суд? В лабораторию? К окружному прокурору?

— Нет, но…

Она ждала.

— Вообще я живу рядом с мостом.

— Рядом с мостом Калм-Пойнт-бридж?

— Да.

— Ах, очень хорошо! Ты знаешь «Вид с моста»? На самом деле это *под* мостом. Маленький винный бар.

— А-а…

— Просто я не хочу нарушать твоих планов.

— Ну…

— Пять часов тебе подойдет? — спросила Эйлин.

— Я как раз ухожу из конторы, не знаю, когда…

— Этот бар находится в конце Лэмб-стрит, под мостом, прямо над рекой, его с другим не спутаешь. Итак, в пять часов. Хорошо? Я угощаю в награду за находку, скажем так.

— Ну…

— Или у тебя другие планы? — спросила Эйлин.

— Нет, других планов нет.

— Итак, в пять часов?

— Хорошо, — сказал он.

У Клинга было смущенное лицо.

— Что это было? — спросил Браун.

— Серьга Эйлин, — сказал Клинг.

— Что? — спросил Браун.

— Не важно, — ответил Клинг.

* * *

К трем часам дня они уже трижды обыскали маленькую контору Эдельмана на втором этаже, а может быть, и четырежды, если учитывать дополнительные полчаса, в течение которых они снова рылись в письменном столе. Браун хотел заканчивать. Клинг напомнил, что они еще не заглядывали в сейф. Браун заметил, что сейф заперт. Клинг позвонил в отряд «Сейфы и замки». Детектив, который взял трубку, сказал, что пришлют кого-нибудь в течение получаса. Браун закурил, и они снова принялись осматривать контору.

Контора была первой по коридору от лестницы. Возможно, это объясняло, почему Эндрю Флит выбрал ее для ограбления в июле. Грабитель-наркоман беспокоился только о быстроте операции и о конкретной цели. На матовом стекле входной двери было выведено золотом «Братья Эдельманы» и ниже — «Драгоценные камни». Миссис Эдельман сказала им, что муж работал один. Браун с Клингом заключили, что фирма получила название, когда еще *был* брат-партнер. Может быть, брат умер, а может быть, больше не участвовал в деле. Каждый сделал себе пометку, каждый — в своем блокноте: позвонить миссис Эдельман и уточнить этот факт.

Сразу за входной дверью была как бы прихожая шириной четыре фута, упиравшаяся в прилавок высотой до уровня груди. За прилавком была решетка — такая же стальная сетка, как и в клетке для содержания преступников в комнате детективов. Слева от прилавка находилась стеклянная дверь, укрепленная такой же защитной сеткой. Кнопка с обратной стороны прилавка при нажатии отпирала замок двери во внутреннее помещение. Но сетка не могла помешать грабителю просунуть дуло пистолета через любое отверстие, имевшее форму граненого алмаза, и потребовать, чтобы нажали кнопку, освобождающую дверной запор. Вероятно, так все и происходило в тот июльский вечер. Эндрю Флит ворвался в контору, наставил пистолет на Эдельмана и приказал ему отпереть дверь. Стальная сетка была столь же бесполезна, как и купальный костюм в метель.

Обратная сторона разделительного прилавка напоминала аптекарский шкаф: в нем было множество крохотных ящичков, и на каждом — наклейки с названиями камней. Никто не был в конторе Эдельмана с тех пор, как его убили, но удивительным образом все ящички были пусты. Из чего Клинг с Брауном заключили, что Эдельман положил свое добро в сейф и лишь потом отправился домой. Оба детектива с самого начала перед осмотром надели хлопчатобумажные перчатки и работали в них. Было непохоже, чтобы убийца побывал здесь, прежде чем отправиться на окраину и устроить засаду на Эдельмана в гараже под его домом, но ребята из криминального отдела еще не осматривали помещение, и детективы не хотели рисковать. Если бы они нашли остатки чего-нибудь, отдаленно напоминающего кокаин, они бы тотчас позвонили в центр. Они работали строго по правилам. Криминальный отдел не вызывали на место, которое *не являлось* местом преступления, если только у вас не было слишком серьезных оснований подозревать, что это место как-то *связано с* преступлением. Но пока у них не было оснований для таких подозрений.

Детектив из отряда «Сейфы и замки» приехал сорок минут спустя, то есть довольно быстро, учитывая состояние дорог. На нем был шоферский овчинный полушубок, ушанка, перчатки с начесом, толстые шерстяные брюки, пуловер с воротником под горло и черные резиновые сапоги. В руке он держал черный чемоданчик. Он поставил чемоданчик на пол, снял перчатки и потер ладони одну о другую.

— Ну и погодка! — сказал он и протянул правую руку. — Меня зовут Турбо, — сказал он и пожал руку вначале Брауну, а затем Клингу, которые, в свою очередь, представились ему.

Брауну показалось, что Турбо похож на изображение Санта Клауса в иллюстрированном издании «Ночь перед Рождеством», которое он ритуально читал своему ребенку в каждый сочельник. У Турбо не было бороды, но он был кругленьким человечком с ярко-румяными щечками, ростом не выше Хэла Уиллиса, но по крайней мере на ярд шире. Он снова стал быстро-быстро потирать ладони. Браун подумал, что он будет подбирать комбинацию, как это делал бы Джимми Валентайн.

— Где он? — спросил Турбо.

— В углу, — указал рукой Клинг.

Турбо поглядел.

— Я надеялся, что это старый сейф, — сказал он. — А этот ящик как новый.

Он подошел к сейфу.

— Старый сейф я бы раздолбал за три секунды. А на такой придется потратить время.

Он принялся изучать сейф.

— Знаете, с чем скорее всего придется столкнуться? — сказал он. — Главный шпиндель с контргайками *отдельно* от шпинделя, так что я не смогу пробить его через паз и разбить таким путем гайки.

Браун и Клинг переглянулись. Турбо словно говорил на иностранном языке.

— Ладно, поглядим, — сказал Турбо. — Вы не думаете, что он мог запереть сейф на дневную комбинацию? Напрасная надежда? — Он потянулся к номерному диску и остановился. — Криминальный отдел здесь был? — спросил он.

— Нет, — сказал Клинг.

— Вы поэтому носите перчатки Микки Мауса?

Оба посмотрели на свои руки. Они не снимали перчаток перед тем, как пожать руку Турбо. Кажется, это небольшое нарушение этикета не вызвало у него раздражения.

— С чем связано расследование? — спросил он.

— С убийством, — сказал Клинг.

— И без криминального отдела?

— Его убили на другой стороне города.

— Значит, здесь было его место работы?

— Точно, — сказал Браун.

— Кто уполномочивает меня открыть ящик?

— Это дело в нашем ведении, — сказал Клинг.

— Что это должно означать? — спросил Турбо.

— Означает, что вы можете приступать, — сказал Браун.

— Вот как? Попробуй расскажи моему лейтенанту о том, как я вскрыл сейф по наущению двух легавых из глухомани, — сказал Турбо и пошел к телефону. Помня о том, что криминальный отдел еще здесь не был, он открыл черный чемоданчик, извлек пару белых хлопчатобумажных перчаток и натянул их на руки. Три детектива стали похожи на официантов в модном ресторане. Браун представил себе, что сейчас один из них начнет разносить вазочки для ополаскивания пальцев. Турбо взял трубку, набрал номер и принялся ждать.

— Да, — сказал он. — Это Турбо. Попросите лейтенанта. — Он подождал. — Майк, — сказал он, — это Доминик. Я звоню с Норт-Гринфилд. Здесь два парня с окраины просят, чтобы я для них вскрыл сейф. — Он посмотрел на Клинга с Брауном. — Повторите, пожалуйста, как вас зовут.

— Клинг, — сказал Клинг.

— Браун, — сказал Браун.

— Клинг и Браун, — сообщил в трубку Турбо и снова принялся слушать. — Какой участок? — спросил он их.

— Восемьдесят седьмой, — сказал Клинг.

— Восемьдесят седьмой, — сказал Турбо в трубку. — Убийство. Нет, это рабочее место того парня, жертвы. Так что мне делать? Угу. Мне просто нужны гарантии от неприятностей, понимаешь, Майк? А то вдруг меня обвинят по статье об ограблении третьей степени. — Он снова слушал. — Какой еще документ об освобождении от обязательств? У кого такой есть? Нет, у меня такого нет. И что я должен сказать? Угу. Угу. Ты хочешь, чтобы они оба подписали или как? Угу. Угу. И этого будет достаточно? Ладно, Майк, ты начальник. Привет, — сказал он и повесил трубку. — Мне нужно, чтобы вы, ребята, выписали мне документ об освобождении от обязательств, — сказал он. — Который давал бы мне право открыть этот ящик. Достаточно одной подписи. А я скажу, как писать.

Он продиктовал текст Клингу, который записал все в блокноте и поставил свою подпись в конце страницы.

— Пожалуйста, проставьте дату, — сказал Турбо.

Клинг приписал число.

— А также добавьте ваше звание и номер значка.

Клинг приписал свое звание и номер значка — ниже.

— Простите за дотошность, — сказал Турбо, засовывая в карман листок бумаги, который Клинг вырвал из блокнота, — но если в этом сейфе есть что-нибудь ценное и оно пропадет…

— Правильно, вы просто хотите защитить себя от неприятностей, — сказал Браун.

— Верно, — сказал Турбо и бросил на него взгляд. — Итак, давайте посмотрим, не оставил ли он запор на дневной комбинации. — Он снова подошел к сейфу. — Очень многие, кто часто пользуется сейфами в течение дня, любят делать так: когда закрывают дверцу, поворачивают диск чуть-чуть, понимаете? Когда им нужно открыть, они просто

возвращают диск на последнюю цифру. Это большая экономия времени. — Он медленно повернул диск и потянул за ручку. — Нет, не повезло, — сказал он. — Ну, теперь попробуем старый прием «пять-десять».

Детективы посмотрели на него.

— У многих людей плохая память на числа. Когда они заказывают сейф, то просят приготовить комбинацию из трех чисел по таблице умножения. Ну, скажем: пять, десять, пятнадцать. Или: четыре, восемь, двенадцать. Или: шесть, двенадцать, восемнадцать. Примерно так. Но очень редко доходят до девятки. «Девятка» — это о-го-го! Сколько будет трижды девять? — спросил он Клинга.

— Двадцать семь, — ответил Клинг.

— Да, это исключение лишь подкрепляет правило. Ну, давайте испробуем его.

Начиная испытывать комбинации из таблицы умножения, он сказал:

— Не знаете день рождения того человека?

— Нет, — сказал Браун.

— Потому что люди иногда используют даты рождения. Все, что легко запомнить. Ну, предположим, что он родился 15 октября 1926 года. Тогда комбинация будет такая: пятнадцать влево, девятнадцать вправо и двадцать шесть снова влево. Но вы не знаете день его рождения?

— Нет, — сказал Браун.

— Поглядите на телефон вон там. Что это за цифры на нем?

— Что? — спросил Браун.

— Телефонный аппарат. По которому я сейчас говорил. На письменном столе. Какие там первые шесть цифр? Иногда они используют первые шесть цифр своего телефонного номера.

— Вы хотите, чтобы я их списал? — спросил Браун.

— Да, перепишите их. Я пока еще только проверяю «шестерку» по таблице. Обычно я дохожу только до «одиннадцати», далее таблицы становятся слишком каверзными. Кто, к черту, знает, сколько будет трижды четырнадцать? — спросил он.

— Сорок два, — сказал Клинг, и Турбо кисло посмотрел на него.

— Хорошо, дайте мне тот телефонный номер.

Браун передал ему листок бумаги, на котором записал первые шесть цифр номера. Турбо испытал их.

— И тут не повезло, — сказал он. — Ладно, теперь вступает в дело тяжелая артиллерия. — Он открыл чемоданчик, извлек молоток и пробойник. — Самые лучшие взломщики в нашем городе работают в отряде «Сейфы и замки», — гордо сказал он и одним коротким ударом сковырнул цифровой диск. — Похоже на шпиндель, — сказал он. — Выясним через минуту. — Он начал колотить по обнажившемуся шпинделю. Шпиндель стал расплющиваться под ударами молотка. — Здесь перед вами то, что называется денежным ящиком. Это означает, что он сделан из толстых стальных листов с противоударным шпинделем, с медным листом внутри дверцы, чтобы ацетиленовая горелка была бесполезна. Если бы я знал, что увижу, то притащил бы нитроглицерин. — Он вдруг улыбнулся. — Я шучу. Самые лучшие взломщики в наши дни почти никогда не применяют взрывчатые вещества. Я только должен отогнуть сталь, пока не расковыряю достаточно широкую дыру, в которую войдет лапчатый лом. Когда доберусь до замка, я смогу его освободить и открыть дверцу. Устраивайтесь поудобнее. На это уйдет какое-то время.

Клинг взглянул на часы. Было десять минут пятого, а он обещал Эйлин, что встретит ее в пять. Он подумал, не позвонить ли ей, но решил не звонить.

— Нельзя ли чем-то посветить? — спросил Турбо.

Браун нажал выключатель на стене.

Турбо принялся за работу.

Он открыл сейф через двадцать минут. Судя по всему, он был очень доволен собой. Браун и Клинг горячо его поздравили, а потом встали на корточки, чтобы заглянуть внутрь.

В сейфе было не так много драгоценных камней. Несколько мешочков с рубинами, изумрудами, сапфирами, и один — с алмазами. Но на полочке в глубине сейфа лежали аккуратные пачки купюр. Всего детективы насчитали триста тысяч долларов сотенными банкнотами.

— Мы явно ошиблись в выборе профессии, — сказал им Турбо.

* * *

Детектив Ричард Дженеро стал неохотно снимать телефонную трубку после того, как два дня назад опрометчиво накричал на капитана из центра. Никогда не угадаешь, кто на другом конце провода. В этом таинство телефона. Но это не единственное таинство в жизни. Поэтому мать постоянно советовала ему не совать нос в чужие дела. Подобный совет представляется нелепым, если он обращен к полицейскому. Ведь работа полиции заключается как раз в том, чтобы совать нос в чужие дела. Когда во вторник в шестнадцать тридцать на столе Кареллы зазвонил телефон, Дженеро не бросился к нему. Карелла находился в другой стороне комнаты детективов: он надевал пальто, собираясь выйти. А если звонит опять тот капитан? Кажется, Карелла с капитаном — добрые друзья. Карелла много смеялся, когда он разговаривал с капитаном по телефону. А если капитан опять накричит на Дженеро? Телефон продолжал звонить.

— Снимет трубку кто-нибудь наконец? — застегивая пальто, крикнул через комнату Карелла.

Поскольку, кроме Дженеро, никого в комнате не было, то он быстро снял трубку, но не прижал ее к уху, опасаясь крика капитана.

— Алло! — произнес он, не желая называть свое имя.

— Попросите, пожалуйста, детектива Кареллу, — сказал голос на другом конце провода.

— Можно узнать, кто это? — осторожно спросил Дженеро.

— Передайте ему, что это Дэнни, — сказал голос.

— Да, сэр, — сказал Дженеро. Он не знал, кто такой Дэнни: тот же капитан, что звонил в воскресенье, или еще какой-нибудь капитан. — Стив! — крикнул он. — Это Дэнни.

Карелла подошел к своему столу.

— Почему телефон звонит всегда, когда я собираюсь выходить на улицу? — воскликнул он.

— Основное свойство телефона, — сказал Дженеро и улыбнулся, изображая улыбку ангела. Он передал трубку Карелле и пошел к своему столу, за которым он решал головоломку, подбирая слово из восьми букв, означающее «свойство кошачьих».

— Привет, Дэнни, — сказал Карелла.

— Стив? Я надеюсь, что не очень отрываю тебя от дел.

— Нет, все в порядке. Я слушаю. Что ты узнал?

В комнату детективов вошел Мейер. Он открыл дверцы перегородки и подошел к вешалке. Шапка, которую ему связала жена, находилась в правом кармане пальто. Он заколебался: надеть ее или не надеть? Затем он снял с полки свою синюю шляпу, прикрыл ею лысину, влез в пальто и приблизился к Карелле.

— Что значит «интересное»? — спросил Карелла.

— Ну, я подумал, не попробовать ли поговорить с девицей… Ну, с той, что не могла правильно назвать тебе время. Понимаешь, о ком я говорю? — спросил Дэнни.

— Ну да. С Квадрадо.

— Да. С той, что жила с Лопесом. Ну вот, я подумал: наплету ей что-нибудь. Потом скажу, что ищу место, где бы раздобыть чуток порошка. Попытаюсь разговорить ее. Понимаешь?

— Ну, и что здесь интересного, Дэнни?

— Ну, может быть, ты уже знаешь, Стив, а может быть, и нет…

— Ты о чем, Дэнни? — сказал Карелла, взглянул на Мейера и пожал плечами. Мейер тоже пожал плечами.

— В субботнюю ночь ее порезали, как колбасу.

— Что?

— Да. Она умерла в больнице Сент-Джуд вчера утром около одиннадцати часов.

— Кто тебе сказал?

— Женщина, которая живет с ней на этаже.

— Дэнни, ты… уверен?

— Я всегда проверяю источник, Стив. Я позвонил в Сент-Джуд перед уходом. Она умерла, это точно. Они все еще ждут, когда кто-нибудь придет востребовать тело. У нее есть родственники?

— Двоюродный брат, — сказал Карелла.

— Да, — сказал Дэнни и помолчал. — Стив… Ты по-прежнему хочешь, чтобы я продолжал искать пистолет тридцать восьмого калибра? То есть… Ведь ее *порезали* , Стив.

— Да, продолжай поиски, Дэнни, — сказал Карелла. — Спасибо. Большое спасибо.

— Всего хорошего, — сказал Дэнни и повесил трубку. Карелла не сразу положил трубку.

— Что нового? — спросил Мейер.

Карелла глубоко вздохнул и покачал головой. Не снимая пальто, он пошел к двери лейтенанта и постучал.

— Войдите! — крикнул Бернс.

Карелла снова глубоко вздохнул.

* * *

Потолок в заведении «Вид с моста» был украшен винными бокалами: подставки бокалов были закреплены между деревянными рейками, и стеклянные чаши обращены вниз, создавая впечатление огромного канделябра от стены до стены, сияющего отраженным светом от камина в одной из стен. Эта последняя была кирпичной, в отличие от других, облицованных деревянными панелями. Исключение составляла только одна — стеклянная, через это огромное окно, выходящее на реку, были видны буксиры, которые медленно двигались в быстро густеющих сумерках. Часы над баром напротив входа показывали полшестого вечера. Он постарался приехать в деловой центр города как можно быстрее, предоставив Брауну связаться с лейтенантом и сообщить ему удивительную новость, что в сейфе Эдельмана лежали триста тысяч.

Винный бар был полон в этот час. Мужчины и женщины, толпившиеся здесь, вероятно, работали в бесчисленном количестве судов, муниципальных зданий, нотариальных контор и брокерских фирм, в которых разместились юридические, экономические, законодательные и силовые правительственные структуры в этой самой старой части города. Стоял приятный гомон голосов, время от времени звучал смех, ощущение уюта создавали свечи в рубиновых подсвечниках на каждом круглом столе и огонь в камине. Клинг никогда не был в Англии, но, по его представлениям, *паб* в Лондоне в конце рабочего дня должен был выглядеть именно так. Он узнал помощника окружного прокурора, поздоровался с ним и затем стал искать Эйлин.

Она сидела за столиком у окна и смотрела на реку. Свеча в рубиновом подсвечнике отбрасывала блики на ее волосы. Она сидела, опершись подбородком о ладонь, задумчивая… И на секунду он заколебался, смеет ли он нарушать ее мысли. Он снял пальто, повесил у входа и направился к ее столику. Заметив его приближение, она отвернулась от реки.

— Привет, — сказал он. — Извини, что опоздал. Мы кое-что нашли.

— Я сама пришла только что, — сказала она.

Он выдвинул стул напротив нее.

— Значит, — сказала она, — ты нашел сережку.

— Как раз там, где ты сказала. — Он полез в карман пиджака. — Вот она. Возьми, пока опять не потерялась, — сказал он и положил блестящее золотое колечко на столик между ними. Он сразу увидел, что у нее на правом ухе была парная серьга. Он наблюдал, как она взяла серьгу со стола, левой рукой оттянула мочку левого уха, потом правой рукой закрепила серьгу. Этот жест вдруг болезненно напомнил ему, как снимала и надевала серьги Огаста — много-много раз, с особым женственным наклоном головы, с каштановым каскадом волос.

— Ну вот, — сказала Эйлин и улыбнулась и вдруг посмотрела на него как бы смущенно, словно ее застали за каким-то интимным действием. На секунду улыбка сбежала с ее уст. Она быстро поглядела туда, где официант принимал заказ у другого столика.

— Что ты предпочитаешь? — спросила она. — Белое или красное?

— Белое, пожалуй, — сказал он. — Но, послушай, я хочу заплатить сам. Не нужно…

— Совершенно исключено, — сказала она. — После всего того, что тебе пришлось для меня сделать.

— Ну, это пустяки…

— Оставь, — сказала она и сделала знак официанту.

Клинг умолк. Она поглядела на него, как сотрудница полиции, вдруг встревоженная чем-то необычным.

— Тебя это очень волнует, да? — спросила она.

— Нет-нет.

— То, что я угощаю.

— Ну… нет, — сказал он. На самом деле его это беспокоило. Когда он был женат на Огасте, больше всего его тревожил тот факт, что все прелести жизни оплачивались из ее огромного жалованья.

Теперь официант стоял уже у самого столика, в руке у него был список вин. Учитывая, что именно *она* сделала ему знак, и более не удивляясь женщинам, которые делали заказы, он протянул ей меню в кожаном переплете.

— Слушаю вас, мисс, — сказал официант.

— Я полагаю, что этот господин желает сделать заказ, — сказала Эйлин. Клинг поднял на нее глаза. — И еще он пожелает, чтобы чек принесли ему, — добавила она.

— Как вам угодно, — сказал официант и передал список Клингу.

— Я не очень хорошо разбираюсь в этом, — сказал он.

— И я тоже, — сказала она.

— Вы думаете о красном или о белом? — спросил официант.

— О белом, — сказал Клинг.

— О *сухом* вине?

— Ну… конечно.

— Позвольте предложить «Пуйи Фюме», сэр. Это хорошее сухое вино с привкусом дымка.

— Эйлин?

— Да, звучит хорошо, — сказала она.

— Да, гм… «Пуи Фу Мей», пожалуйста, — сказал Клинг, перевирая французское название вина, и вернул меню официанту так быстро, словно оно обжигало ему руки. — Звучит как китайское блюдо, — добавил он, когда официант отошел.

— Ты не видел французский фильм, классический, — сказала она. — Я забыла, как называется. С Жераром Филиппом и… Мишель Морган, по-моему. Она старше его, а он очень молод, и он ведет ее в модный французский ресторан…

— Нет, не смотрел, — сказал Клинг.

— В любом случае он пытается произвести на нее впечатление, и, когда официант приносит вино, которое он заказал, он наливает глоток в свой бокал, для пробы, и отпивает чуть-чуть. И она, и официант внимательно наблюдают за ним. А он причмокивает языком и говорит: «Вино отдает пробкой». Официант смотрит на него — а ведь они все негодяи, эти официанты-французы, как ты знаешь, — и тоже наливает себе в серебряную чашечку для

пробы (не знаю, как такая называется), и тоже отпивает чуть-чуть, и держит какое-то время во рту, и все вокруг наблюдают за ними, потому что знают, что они любят друг друга. А больше всего на свете французы любят влюбленных. И в конце концов официант торжественно кивает и произносит; «Да, месье совершенно прав. Вино действительно отдает пробкой». И уходит за другой бутылкой. А Жерар Филипп улыбается, и Мишель Морган улыбается, и все кругом улыбаются.

Эйлин улыбнулась.

— Это очень милая сцена.

— Я не слишком люблю иностранные фильмы, — пожал плечами Клинг. — Те, что с субтитрами.

— Этот был с субтитрами, — сказала Эйлин. — Но он был великолепен.

— Эта сцена, должно быть, очень удачная, — предположил Клинг.

— *Le Diable au Corps,* вот как он назывался.

Клинг смотрел на нее, не понимая.

— Название, — сказала она, — означает «Дьявол во плоти».

— Это хорошее название, — подтвердил Клинг.

— Да, — сказала Эйлин.

— «Пуйи Фюме», — сказал официант и вытащил пробку. Он вытер горлышко бутылки салфеткой и налил немного вина Клингу в бокал. Клинг посмотрел на Эйлин, поднял бокал, поднес к губам, отпил чуть-чуть, подержал во рту, поднял брови и произнес:

— Это вино отдает пробкой.

Эйлин рассмеялась.

— Пробкой? — удивился официант.

— Я шучу, — объяснил ему Клинг. — Вино отличное.

— Потому что на самом деле, если…

— Нет-нет, вино отличное, правда.

Эйлин продолжала смеяться. Официант нахмурился, когда наливал ей, и затем наполнил бокал Клин-га. Он все еще хмурился, когда отошел от их столика. Они подняли бокалы.

— За деньки золотые и бурные ночи! — торжественно провозгласила Эйлин.

— Твое здоровье, — сказал Клинг.

— Мой дядюшка Мэтт всегда произносил этот тост, — сказала Эйлин. — Он пил как лошадь. — Она поднесла бокал к губам. — Было бы забавно, если бы вино и в самом деле отдавало пробкой, верно? — сказала она и сделала маленький глоток.

— Ну и как? — спросил Клинг.

— Нет-нет, очень вкусно. Попробуй, — сказала она. — *По-настоящему* теперь.

Он отпил.

— Хорошее?

— Да, — кивнул он.

— Вообще это была Мишелин Пресл, по-моему, — сказала она. — В главной роли.

Несколько секунд они молчали. На реке загудел буксир.

— Ну, — сказала она, — над чем вы сейчас работаете?

— Над тем убийством, о котором нам донесли, когда ты там была в субботний вечер.

— Ну и как это все выглядит?

— Загадочно, — сказал Клинг.

— Благодаря этому становится интересно, — сказала Эйлин.

— Наверное.

— Мой материал никогда не представляет собой загадку. Я всегда работаю приманкой для какого-нибудь психа в надежде, что он попадется на крючок.

— Я бы не хотел оказаться на твоем месте, — сказал Клинг.

— Да, порой становится страшно.

— Не сомневаюсь.

— Ну так вот. Угадай, как я пошла работать в полицию.

— Расскажи.

— Это все дядюшка Мэтт. В те деньки золотые и в те бурные ночи он сильно пил. Он был полицейским. Я любила его до смерти, поэтому я решила, что тоже пойду работать в полицию. Он работал в сто десятом участке в Риверхеде. Пока его не убили в баре. Он был даже не на службе. Просто сидел и потягивал виски, когда вошел какой-то негодяй с обрезом и с красным клетчатым платком на лице. Дядюшка Мэтт потянулся за своим служебным пистолетом, и тот парень пристрелил его. — Эйлин помолчала. — Тот негодяй взял из кассы пятьдесят два доллара тридцать шесть центов и ушел. Я все надеюсь, что когда-нибудь его поймают. Обрез и красный клетчатый платок. Я пристрелю его, не моргнув глазом.

Она моргнула обоими глазами.

— Жесткий разговор для женщины, а? — улыбнулась она. — А как насчет *тебя?* — спросила она. — Как *ты* в это влез?

— В свое время казалось, что это самое правильное решение, — сказал он и пожал плечами.

— А сейчас как? Это *по-прежнему* кажется самым правильным решением?

— Пожалуй, да. — Он снова пожал плечами. — Просто это несколько… изматывает.

— Угу, — сказала она.

— Ну, все вокруг, — сказал он и умолк.

Они еще глотнули вина.

— Над чем *ты* работаешь? — спросил он.

— В четверг, — сказала она. — Буду работать только вечером в четверг.

— И что это такое?

— Какой-то тип насилует медсестер у памятника Уорту. По дороге к метро, когда они пересекают парк у больницы. Знаешь этот парк? В китайском квартале?

— Да, — сказал Клинг и кивнул.

— Весьма большой парк для этой части города. Он нападает на тех, кто выходит от четырех до полуночи. Всего за последние три месяца напал на трех девушек. Он всегда насилует в безлунные вечера.

— Значит, как я понял, в этот четверг луны не будет.

— Совсем, — сказала она. — А тебе нравится эта песня?

— Какая песня?

— *«В ночь безлунную».*

— Я не знаю этой песни, — сказал Клинг. — Извини.

— Да, мы с тобой, конечно, не разыгрываем сцену «нам обоим нравятся одни и те же вещи», а?

— Я не знаю, что это за сцена, — насупился Клинг.

— Ну, как в кино. Какой твой любимый цвет? Желтый. У меня тоже! Какой твой любимый цветок? Герань. У меня тоже! Ура, нам нравятся одни и те же вещи! — Она снова рассмеялась.

— Ну, по крайней мере нам обоим нравится *вино,* — сказал Клинг, улыбнулся и снова доверху наполнил ее бокал. — Ты оденешься медсестрой? — спросил он.

— Да, конечно. По-твоему, это сексуально?

— Что?

— Медсестры. Я говорю про их форму.

— Никогда не думал об этом.

— У многих мужчин слабость к медсестрам. Возможно, они думают, что медсестры все это видели. Голых мужчин на операционных столах и так далее. Им кажется, что медсестры — опытные.

— Угу, — сказал Клинг.

— Однажды мне сказал один человек, с которым я встречалась, — он издавал книжки в мягких обложках, — он сказал мне, что если в названии книги будет слово *медсестра* , то

книга разойдется миллионным тиражом.

— Это правда?

— Он мне так сказал.

— Наверное, он знает.

— Но медсестры тебя не заводят, а?

— Я этого не говорил.

— Я покажу тебе, как я выгляжу в форме медсестры, — сказала Эйлин и встретилась с ним глазами.

Клинг промолчал.

— И надо что-то делать с белым также, — сказала Эйлин. — С тем фактом, что форма медсестры белая. Как платье невесты, не так ли?

— Возможно, — сказал Клинг.

— Спорный образ, понимаешь? *Опытная* девственница. Очень немного сегодня невест-девственниц, — сказала она и пожала плечами. — Сегодня этого даже никто не *требует* , верно? Я говорю о мужчинах. Им не надо, чтобы невеста была девственницей, ведь так?

— Так, на мой взгляд, — сказал Клинг.

— Ты не был женат? — спросила она.

— Я был женат, — сказал он.

— Я не знала.

— Да, — сказал он.

— И?..

Клинг поколебался.

— Я недавно развелся, — сказал он.

— Извини, — сказала она.

— Хорошо. — Он поднял бокал, избегая ее настойчивого взгляда. — А как насчет тебя? — спросил он. Он глядел на реку.

— Все еще надеюсь, что явится мистер Правильный, — улыбнулась она. — Во мне все еще живет такая фантазия… Нет, я не должна была рассказывать об этом.

— Почему же? Рассказывай, — сказал он, не поворачивая головы.

— Ну, на самом деле… Это очень *глупо,* — сказала она. Он был уверен, что она покраснела. Хотя это могли быть просто красные блики от свечи и от подсвечника. — Я все фантазирую про себя, что рано или поздно одному из насильников *повезет* , понимаешь? Я не смогу вовремя вытащить пистолет, он сделает со мной то, что *хочет* , и *вдруг* окажется моим принцем!

Я влюблюсь, мы будем счастливы и заживем вместе. Пожалуйста, не рассказывай о моих фантазиях ни Бетти Фридан, ни Глории Стайнем. А то меня прогонят прочь из женского движения.

— Ты пересказала классические фантазии об изнасиловании, — сказал Клинг.

— Да, но я к тому же имею дело с настоящими насильниками, — сказала Эйлин. — И я знаю, что это не игра.

— Угу, — сказал Клинг.

— Тогда зачем мне фантазировать на эту тему? Я была на волоске так много раз…

— Может быть, это объясняет твои фантазии, — сказал Клинг. — Фантазии делают ее менее пугающей. Твою работу. То, что ты должна делать. Может быть, — сказал он и пожал плечами.

— Похоже, мы с тобой сейчас разыграли сцену «рассказываю тебе, а почему — не знаю».

— Да, похоже, — улыбнулся он.

— Кто-нибудь должен написать книжку про все разновидности типичных сцен, — сказала она. — Больше всех мне нравится сцена, когда убийца с пистолетом стоит перед человеком, который за ним охотится, и говорит примерно так: «Сейчас я могу рассказать

тебе все. И мне ничего не угрожает. Потому что через пять секунд я тебя застрелю». И затем хвастливо и подробно рассказывает, скольких убил, скольких зарезал, как и почему.

— Да, если бы все было так просто! — улыбнулся Клинг.

— И еще мне нравится сцена «Ох! Ах!». Это когда нам показывают жену в постели с любовником, а затем как муж вставляет ключ в замок. И тут мы должны воскликнуть: «Ох! Ах! Сейчас начнется!» Ты, наверное, тоже обожаешь эту сцену.

Улыбка слетела с его губ.

Она заглянула ему в глаза, пытаясь прочесть что-то в них и понимая, что совершила какую-то ужасную ошибку.

— Я, пожалуй, попрошу принести счет, — сказал он.

Она знала, что в любом случае нельзя нажимать. В роли приманки она научилась терпению.

— Конечно, — согласилась она. — Мне тоже надо бежать. Ну, спасибо, что принес сережку.

— Не за что, — пробормотал Клинг, но он не глядел на нее, он подавал знаки официанту.

Они молча ожидали, когда подоспеет официант с чеком. Затем они вышли, вежливо пожали друг другу руки на тротуаре и разошлись в разные стороны.

* * *

— Я ненавижу сцены, которые играют за кулисами, — сказал Мейер.

— Тогда почему ты не пошел туда со мной? — спросил Карелла.

— Было достаточно противно слышать снаружи, как он кричит, — сказал Мейер. — Ты не хочешь рассказать, что произошло?

Они сидели рядом на переднем сиденье одной из самых новых машин полицейского участка. Каждый раз, когда они пригоняли машину, сержант Мерчисон выходил проверить, не появились ли на ней царапины и вмятины. Таким образом он хотел выяснить, кто несет ответственность за новые царапины или вмятины. Машина была уютной и теплой. Задние шины были зимние, с шипами. Хейз и Уиллис, которые пользовались машиной последними, сказали, что она уверенно бегает по льду. Карелла с Мейером ехали к дому Тимоти Мура, и у них не возникало проблем с заносами.

— Ну так рассказывай, — сказал Мейер.

— Все очень просто, — начал Карелла. — Девицу Пако Лопеса зарезали в воскресную ночь.

— Да ты что!

— Она умерла вчера утром в больнице Сент-Джуд.

— Где это случилось? — спросил Мейер.

— Очень просто. Чарли Кар нашел ее перед ее домом на Эйнсли-авеню. Все это есть в отчете об оперативной обстановке, Мейер. Сигнал «10–24» означает ножевое ранение, жертва отправлена в больницу Сент-Джуд.

— Кто принимал сигнал в воскресную ночь?

— Дело не в этом. Полиция не обнаружила ее до утра в понедельник. Ночное дежурство уже закончилось — которое от восьми до четырех.

— Как раз когда мы получили донесение! — сказал Мейер.

— Я вижу, ты начинаешь понимать.

— Так почему полиция не позвала нас?

— Они позвали.

— Тогда почему мы не получили сигнал?

— Скромность полицейских, — сказал Карелла. — Чарли Кар вызвал «Скорую помощь», санитары забрали раненую, и он поехал за ними следом в больницу. Девушка еще была жива, когда ее привезли. Так все выглядит в их донесении об оперативной обстановке,

которое они составили по возвращении с патрулирования.

— В четыре часа утра? А в котором часу умерла девушка?

— Около одиннадцати.

— Это также есть в донесении об оперативной обстановке?

— Откуда? Я узнал об этом от Дэнни Гимпа.

— Вот это да! Стукач сшивает лоскутки в одеяло!

— Питер произнес такие же слова.

— Ну и что теперь?

— Теперь мы хотим спросить Тимоти Мура про дополнительный заработок его подружки.

— А что по поводу мисс Квадрадо?

— Ее зарезали, Мейер. По-твоему, это то же самое?

— Может быть, у убийцы кончились пули?

— Может быть. А может быть, это просто еще один из сотни случаев ударов ножом, которые происходят каждый день. Я хочу поговорить с ее двоюродным братом позже — он первый указал нам на нее, когда мы узнали об убийстве Лопеса. Может быть, он сумеет рассказать что-нибудь.

— Если это связано с кокаином…

— Возможно.

— Тогда это становится похоже на работу банды, — сказал Мейер. — А возиться с бандой я бы не хотел.

— Побеседуем еще раз с Муром, — сказал Карелла.

* * *

Чем больше город, тем больше совершаешь ошибок. Даже если бы они узнали о раненой Джуди Квадрадо, не факт, что девушка перед смертью сумела бы рассказать им что-то полезное. Даже если бы они допросили ее и вырвали у нее предсмертное заявление, все это необязательно привело бы к чему-то.

Карелла очень обрадовался, например, когда лейтенант Бернс сообщил ему, что Браун с Клингом обнаружили триста тысяч долларов сотенными купюрами в сейфе Марвина Эдельмана. Они надеялись, что его кровь окажется последней в серии убийств, совершенных при помощи одного и того же революьвера тридцать восьмого калибра системы «смит-и-вессон». Наличие такой внушительной суммы денег объяснялось профессиональной деятельностью жертвы: торговец драгоценными камнями за свой товар получал, разумеется, не жетончики на метро. Но почему такую сумму денег он хранил в конторском сейфе, а не на счету в банке или даже не в банковском сейфе для ценностей, — вот что представляло загадку для детективов. Но они не стали бы слишком задумываться об этом, если бы не кокаин. Другие жертвы так или иначе были связаны с «дурью». Когда на сцену выходит кокаин, непременно возникают большие деньги. А в сейфе Эдельмана и в самом деле оказались немалые деньги.

На уличном жаргоне кокаин получил целый ряд названий: кока, снежок, цветочная пыльца, санный след, Корина, девица, хлопья, звездная пыль, белая леди, сахарный песок, сладкая пудра и, конечно, нюхательный порошок. В сочетании с героином он назывался «спидбол», хотя в последнее время стало модно говорить «коктейль Белуши». Как его ни называй, кокаин — это проблема. На территории 87-го участка кокаиновые дельцы стали придумывать для своего товара «торговые марки». К маленьким полиэтиленовым пакетикам приклеивались ярлыки с надписями: «Крутой спуск», «Убийство первой степени», «Рвать когти», «Пучина», «Текучее серебро», «Веревочка», «Кума без ума», а также «Олли Кроллет» и «Питер Пуш» в *честь* белых пушистых кроликов из известных сказок. Но поскольку люди, продававшие наркотики, *чести* были лишены, буквально через несколько часов после того, как какой-нибудь дилер выбрасывал на улицу новый товар под названием

«Дьявол», «Пророчество» или «Особый допуск», маленький грязный продавец, который находился на низшей ступени преступной иерархии, продавал точно такой же пакетик, только героина внутри почти уже не было: и наркоманы, и дилеры называли такой пакетик «отбитым». Но все-таки это был героин.

Кокаин — это немножко другое.

По самому последнему правительственному докладу, который передали в комнату детективов, за истекший год в США ввезли около шестидесяти метрических тонн кокаина на оптовую цену пятьдесят миллиардов долларов.

Кокаин был в моде.

В этом состояла самая большая проблема кокаина. Нюхали порошок не только парнишки в лохмотьях из трущоб. Легко было представить себе режиссера огромной студии в Голливуде, утром принимающего решение о том, чтобы потратить миллионы долларов на следующий фильм, а вечером отдыхающего в кресле на берегу океана, внимающего рокоту прибоя и нюхающего порошок с золотой ложечки, которую он носит на золотой цепочке на шее под сшитой у портного шелковой рубашкой. На самом деле, если у человека появляется желание начать нюхать белый порошок, то *желательно* быть одним из тех, кто зарабатывает самые большие деньги в стране. Любой работающий полицейский знал математику кокаина. Каждый работающий полицейский был также экспертом в метрической системе мер и веса. Для понимания экономики этого бизнеса необходимо знать, что унция кокаина равна 28,3 грамма, а килограмм соответствует 35,2 унции, или 2,2 фунта по английской системе мер «эвердьюпойс». Средний колумбийский фермер, производитель листьев коки, продавал их дельцу по доллару за фунт, то есть по два доллара за килограмм. К тому времени, когда сырье превращалось в гидрохлорид кокаина, а затем его снова и снова разбавляли, потом фасовали в пакетики и пускали в продажу, грамм уходил по цене от ста до ста двадцати пяти долларов в зависимости от качества. Астрономические суммы в торговле кокаином складывались из-за исключительно большого числа посредников, которые возникали между источником и потребителем, и бессовестного разбавления чистого продукта (90–98 процентов) в Южной Америке до 12 процентов при розничной продаже на улице.

Нельзя сказать, что Мейер и Карелла однозначно смотрели на связь кокаина с убийствами. С одной стороны, они стремились закрыть дело Лопеса/Андерсон/Эдельмана (и, возможно, Квадрадо). С другой стороны, если убийства имели отношение к южноамериканским гангстерам, которые базировались в Маджесте за рекой, в районе, который полиция прозвала «нашей маленькой Боготой», то у них не было уверенности, что им попалась как раз та банка с горошком, которую они особенно хотели открыть. Борьба с организованной преступностью не входила в круг их прямых обязанностей, и преступники из Колумбии были слишком крепкими орешками для парочки скромных щелкунчиков из 87-го участка. Когда они постучались в квартиру Тимоти Мура на втором этаже на улице Челси-плейс, они надеялись, что он сможет рассказать им об участии Салли Андерсон в крупной торговле наркотиками, которая давала ей «дополнительный заработок» и о чем намекала черная танцовщица Лонни, но они также надеялись, что эта версия была ошибочной. Пусть лучше они выйдут на психа, чем на наемного убийцу от колумбийской мафии.

За дверью была слышна музыка. Классическая. Струнные инструменты. Оба детектива ничего не понимали в музыке: они не узнали композитора. Музыка звучала очень громко и была хорошо слышна на лестничной площадке. Они снова постучали.

— Кто там? — раздался голос.

— Полиция! — крикнул Карелла.

— Одну минуту!

Они принялись ждать. Струнные инструменты уступили место ударным и затем тому, в чем Карелла узнал гобой. Сквозь мелодичный перезвон он услышал, как щелкнул замок. Дверь отворилась. Музыка еще громче хлынула на лестничную клетку.

— Привет, — сказал Тимоти Мур.

На нем была спортивная рубашка с гербом и названием университета Рэмси красными буквами. На нем также были коричневые вельветовые брюки и стоптанные домашние тапочки.

— Заходите, — сказал он. — Я пришел домой всего несколько минут назад.

Его квартира состояла из гостиной, спальни и кухни. В этой части города, так близко от университета, он, вероятно, платил за квартиру примерно шестьсот долларов в месяц. Входная дверь открывалась прямо в небольшую гостиную, обставленную мебелью из комиссионного магазина: здесь были диван, стулья, настольная лампа и некрашеные книжные шкафы, в которых блестели корешки толстых томов. Карелла заключил, что это были книги по медицине. В углу комнаты на вешалке висел скелет человека. На столике у дивана стоял телефон и еще маленький транзистор на батарейках, из которого громко звучала какая-то симфония, или соната, или, возможно, концерт. Приемник был одним из тех маленьких японских транзисторов, как у Дженеро. Принципиально отличался только в одном: у Дженеро он всегда был настроен на станцию, передававшую рок-н-ролл. За диваном виднелась дверь в спальню, где стояла неубранная кровать. С другой стороны еще одна дверь вела в кухню.

— Сделаю потише, — сказал Мур и сразу подошел к приемнику. Пока он возился с регулятором громкости, Карелла подумал: почему он вообще не выключит радио? Но промолчал.

— Ну вот, — сказал Мур.

Звук все еще был достаточно громким, чтобы вызывать раздражение. Может быть, Мур глуховат, подумал Карелла. Или старается скрыть волнение, А скорее всего самого Кареллу раздражала чужая привычка слушать музыку. Привычка тех, кто, возможно, был туговат на ухо.

— Нам не хотелось беспокоить вас в университете, — сказал он громко, чтобы его голос был слышен. Как раз в эту минуту вступили кларнеты. Или флейты, может быть.

— А нельзя ли сделать еще чуть потише? — сказал Мейер, явно не щадя чувств людей, которые могли страдать от физических недостатков.

— Ах, извините, — сказал Мур и сразу подошел к радиоприемнику снова. — Он у меня все время включен. Иногда я забываю, что очень громко.

— Имеются исследования, — сказал Мейер.

— Какие исследования?

— О том, как развивалась глухота у поклонников рок-н-ролла.

— В самом деле?

— В самом деле, — сказал Мейер. — От всех этих децибелов.

— Ну, я еще не оглох, — сказал Мур и улыбнулся. — Не желаете что-нибудь? Кофе? Спиртного?

— Нет, спасибо, — сказал Карелла.

— Ну, садитесь. Будьте любезны. Вы сказали, что пытались найти меня в университете…

— Нет, мы не хотели беспокоить вас в университете.

— Спасибо за это. В последнее время я несколько отстал от программы, и отрывать меня от лекций было бы нежелательно. — Он поглядел вначале на Кареллу, а потом на Мейера. — Ну, что нового? Есть хорошие новости?

— Нет, — сказал Карелла. — Мы пришли не поэтому.

— А я было подумал…

— Нет, мне очень жаль.

— Вы полагаете… есть еще шанс, что вы его найдете?

— Мы работаем над этим, — сказал Карелла.

— Мистер Мур, — сказал Мейер, — вчера мы долго беседовали с девушкой, которую зовут Лонни Купер. Она танцует в «Жирной заднице».

— Да, я знаю ее, — сказал Мур.

— Она рассказала нам про вечеринку, которая была в ее квартире неделю назад, в воскресенье. Про вечеринку, на которую вы не пошли.

— Да, — сказал Мур с озадаченным видом.

— Она подтвердила, что на вечеринке был кокаин.

— Подтвердила?

— Ранее мы слышали об этом из трех различных источников.

— Да? — произнес Мур. У него по-прежнему был озадаченный вид.

— Мистер Мур, — сказал Карелла, — последний раз, когда мы говорили с вами, мы спрашивали, имела ли Салли Андерсон отношение к наркотикам. Вы сказали нам…

— Ну, на самом деле я не помню в точности, что…

— Мы спросили, в частности, была ли она связана с наркотиками? И на этот вопрос вы ответили «нет». Мы также спросили, занималась ли она еще какой-либо противозаконной деятельностью, и вы также ответили «нет».

— Правильно. Насколько мне известно, Салли не была связана с наркотиками и не занималась никакой противозаконной деятельностью.

— Вы по-прежнему утверждаете это?

— Да.

— Мистер Мур, четыре различных человека на сегодняшний день поведали нам, что Салли Андерсон нюхала кокаин на той вечеринке.

— Салли? — Он затряс головой. — Нет, извините. Я не могу поверить в это.

— Вы ничего не знали про эту ее привычку?

— Видите ли, кокаин не дает привыкания. Я говорю только строго с точки зрения физиологии. Абсолютно никаких нет признаков того, чтобы возникала потенциальная зависимость от чистых эфиров. Никаких вообще.

— А как насчет *психологической* зависимости?

— Ну, это другое дело. Но когда вы спросили, была ли у Салли *привычка…*

— Мы спросили, *знали* ли вы про эту ее привычку, мистер Мур.

— Я делаю исключение для слова *«привычка»* , вот и все. Но как бы то ни было, в ответ на ваш вопрос я скажу, что не верю, что Салли Андерсон употребляла кокаин. Как и *другие* наркотики, если на то пошло.

— А как насчет марихуаны?

— Марихуану я не считаю наркотиком.

— Мы обнаружили волокна и семена марихуаны в ее сумочке, мистер Мур.

— Это очень вероятно. Но, как я сказал, я не считаю марихуану саму по себе *наркотиком.*

— Мы также нашли остатки кокаина.

— Это удивляет меня.

— Даже после того, что мы рассказали вам про вечеринку?

— Я не знаю, кто сказал вам, что Салли нюхала кокаин…

— Хотите услышать их имена?

— Да, если можно.

— Тина Вонг, Тони Асенсио, Майк Ролдан и Лонни Купер.

Мур тяжело вздохнул и покачал головой.

— Не понимаю, — сказал он. — У меня нет оснований не доверять вам, но…

— В вашем присутствии она никогда не употребляла кокаин, так?

— Никогда.

— И это полная неожиданность для вас?

— Да. Я просто поражен.

— Мистер Мур, когда вы встречались с мисс Андерсон, случалось ли вам видеться с ней по воскресеньям?

— По воскресеньям? — повторил он, и в эту минуту зазвонил телефон. — Извините, —

сказал он и поднял трубку. — Алло! — сказал он. — Привет, мама! Как ты поживаешь? — сказал он и умолк, слушая ее ответ. — Нет, ничего нового. Вообще тут у меня сидят два детектива. Те, что работают над этим делом. Нет, еще нет. — Он снова замолчал на несколько секунд. — По-прежнему очень холодно, — сказал он. — А у тебя там как? Ну, мама, шестьдесят восемь градусов по Фаренгейту — это не холодно, на мой взгляд. — Он закатил глаза к потолку и затем сказал: — На самом деле я не уверен. В настоящее время у меня сессия. Может быть, когда будут весенние каникулы, посмотрим. Я знаю, что давно уже не приезжал, мама, но… Ну, август был не так давно. Нет, восемь месяцев не прошло, прошло только *шесть* месяцев. Даже *меньше* шести месяцев. Ты хорошо себя чувствуешь? Как твоя рука? Вот как? Мне очень жаль, что так случилось. И ты к нему пошла? Ну, и что, *он* сказал, это было? Ну, вероятно, он прав. Мама, он ортопед, конечно, он должен разбираться в этом лучше меня. Что? Ну, мама, пока нет… Спасибо тебе, но я еще не стал врачом. Пока еще нет. Мое мнение почти ничего не стоит. Ну… Угу… угу… Ну, если тебе приятно думать, что я спас жизнь тому мальчику, очень хорошо. Но от этого я еще не врач. Да, любой человек мог сделать то же самое. Прием Геймлиха. Геймлиха. Мама, какая разница, как пишется это имя? — Он снова закатил вверх глаза. — Мама, но я действительно больше не могу разговаривать, у меня сидят детективы… Что? Да, я скажу им. Я уверен, что они делают все от них зависящее. Но я им скажу тем не менее. Да, мама. Я тебе скоро позвоню. До свидания, мама.

Он положил трубку, вздохнул с облегчением, обернулся к детективам и пояснил без надобности:

— Мать.

— Она еврейка? — спросил Мейер.

— Мать? Нет-нет.

— А говорила, как еврейка, — сказал Мейер и пожал плечами. — Может быть, *все* матери — еврейки, кто знает?

— Ей одиноко одной, — объяснил Мур. — После того как умер отец…

— Очень сочувствую, — сказал Карелла.

— Ну, уже прошло какое-то время. С июня. Говорят, нужен по меньшей мере год, чтобы оправиться после смерти или развода, и матери по-прежнему очень тяжело. Салли старалась облегчать ее страдания, но теперь… — Он покачал головой. — Просто ей так сильно не хватает его… Он был прекрасным человеком, мой отец. Он был врачом, как вы знаете. Хирургом. Я тоже хочу стать хирургом. Он заботился о нас так, словно мы были королевской семьей. Даже после того, как умер. Создал условия, чтобы мама не голодала до конца жизни. Даже *мне* оставил достаточно денег, чтобы я мог закончить медицинский факультет и затем открыть свою практику. Прекрасный человек. — Он снова покачал головой. — Простите, что прервал вас. Вы спрашивали…

— Что это вы говорили про прием Геймлиха? — спросил Карелла.

Мур улыбнулся.

— Когда я приезжал домой в августе, произошла такая история. Мы были в ресторане, и я вижу — у одного парнишки лицо стало совершенно красным. Это был кубинец двенадцати лет, празднично одетый для торжественного воскресного семейного обеда. Мать решила, что я спятил, когда я обхватил парнишку сзади на уровне груди и пару раз его сильно тряхнул. Я уверен, вам знаком этот прием.

— Да, — подтвердил Мейер.

— Как бы то ни было, это помогло ему, — скромно сказал Мур. — Его родители были очень благодарны. Можно сказать, что я своими руками освободил Кубу. И, конечно, с тех пор я стал героем для моей матери.

— Сын — врач! — сказал Мейер.

— Да, — улыбнулся Мур.

— Хорошо, — сказал Карелла.

— Итак, о чем мы говорили?

— Про воскресенье и про Салли.

— Угу.

— Вы виделись с ней по воскресеньям?

— Иногда. Обыкновенно она бывала очень занята по воскресеньям. Воскресенье было ее выходным днем. В этот день они не давали вечерних представлений.

— Была занята чем?

— Ну, в основном всякими мелкими делами. Бегала туда-сюда. Случалось, мы виделись. Но очень редко. Тогда мы разглядывали витрины, иногда ходили в зоопарк или в музей, примерно так. По большей части Салли любила оставаться одна в воскресенье. Во всяком случае, в *дневное* время.

— Мистер Мур, вам случалось отправляться с ней в район окраин? Когда вы встречались с ней в те воскресные дни, вы когда-нибудь отправлялись в сторону окраин?

— Ну конечно. В сторону окраин?

— На окраину, — сказал Карелла. — На угол авеню Калвер и Восемнадцатой.

— Нет, — сказал Мур. — Никогда.

— А вы знаете, где это находится?

— Разумеется.

— Но вы никогда не ходили туда с Салли?

— С какой стати? Это один из самых паршивых районов у нас в городе.

— А Салли ходила туда одна? В воскресенье?

— Могла. Почему вы спрашиваете? Я не понимаю…

— Потому что Лонни Купер сказала нам, что Салли отправлялась туда каждое воскресенье за кокаином для себя и для нескольких человек, занятых в шоу.

— Ну вот, мы снова вернулись к кокаину. Я уже сказал: насколько мне известно, Салли не была связана ни с кокаином, ни с другими наркотиками.

— За исключением марихуаны.

— Которую я не считаю наркотиком, — сказал Мур.

— Но *определенно* не кокаин. Который, по вашему мнению, не создает привыкания.

— Это не просто мое мнение, мистер Карелла. Это некоторым образом… Почему вы обо всем этом спрашиваете?

— Вы знали, что Салли снабжала кокаином труппу?

— Не знал.

— Она скрывала это от вас, так?

— Я не думал, что между нами могли быть секреты. Но если она занималась противозаконной торговлей или… я не знаю, как правильно назвать…

— Да, вы правильно назвали, — сказал Карелла.

— То она скрывала это от меня. Я не догадывался.

— В какой степени она тратила деньги, мистер Мур?

— Простите?

— У вас не возникало, скажем, ощущения, что она живет не по средствам?

— Не по своим средствам?

— Ну, учитывая то, что она зарабатывала в театре.

— Никаких ощущений не возникало. Одевалась она хорошо. И мне кажется, она редко в чем себе отказывала… Мистер Карелла, если вы объясните, что вас интересует…

— Один человек, с которым мы говорили, намекнул, что у Салли был дополнительный заработок. Мы знаем наверняка, что она доставляла кокаин, пусть и в ограниченных количествах. Нам бы хотелось знать, не была ли ее деятельность в области торговли наркотиками *шире.*

— Мне очень жаль. Я рад вам помочь, но до последней минуты я не ведал, что она хоть как-то была связана с наркотиками.

— За исключением марихуаны, — снова сказал Карелла.

— Ну да.

— Вы можете предположить, какой она могла иметь *еще* приработок?

— К сожалению, нет.

— Она не подрабатывала как проститутка? — спросил Мейер.

— Конечно, нет!

— Вы уверены?

— Абсолютно. Мы были очень близки. Практически мы проводили каждый день вместе. Я бы наверняка знал…

— Но вы не знали насчет кокаина.

— Нет, не знал.

— Она когда-нибудь говорила с вами о любой посторонней деятельности? О любом занятии, которое могло давать приработок?

— Я пытаюсь вспомнить, — сказал Мур.

— Постарайтесь вспомнить, — сказал Карелла.

Мур умолк и, казалось, хранил молчание очень долго. Вдруг, словно его осенило, он вскинул склоненную голову и посмотрел на детективов.

— Конечно, — сказал он. — Я не понимал, когда она говорила об этом. Но, вероятно, это оно и было.

— Что именно?

— Ну, как она получала свой приработок.

— Как она получала? — спросил Мейер.

— Чем она занималась? — насторожился Карелла.

— «Льдом», — сказал Мур.

Глава 11

Семнадцатого февраля было ясное небо, и погода стояла на удивление мягкая. Им не удалось встретиться с Аланом Картером накануне. Когда они позвонили ему утром домой, оказалось, что он уже уехал в контору. Эту задержку они решили считать *удачной* . Она предоставляла возможность проделать «домашнюю работу» по предмету, который они намеревались затронуть в разговоре с продюсером.

Контора Картера располагалась в здании, что находилось в одном квартале на север от Стем, на территории участка Мидтаун-Ист. С одной стороны здания находился испанский ресторан, с другой — еврейский магазинчик деликатесов. В витрине ресторана была надпись: *«Здесь говорят по-английски»* . В витрине магазина деликатесов можно было прочесть: *«Здесь говорят по-испански».*

«Наверное, в испанском ресторане не подают *блинчиков»,* — подумал Мейер.

«Наверное, в еврейском заведении не подают плоских маисовых лепешек тортиллас», — подумал Карелла.

Здание было старым, с массивными медными дверями у единственного лифта в вестибюле. Указатель напротив лифта уведомлял, что компания с ограниченной ответственностью *«Картер Продакшен, Лимитед»* находится в комнате 407. Они поднялись на лифте на четвертый этаж, принялись искать комнату 407 и нашли ее в середине коридора слева от лифта.

Девушка со светлыми кудряшками сидела за столом сразу за входной дверью. На ней был коричневый спортивный костюм. Она жевала резинку и печатала на машинке.

— Чем могу помочь? — спросила она и взяла ластик.

— Мы хотим повидаться с мистером Картером, — сказал Карелла.

— Мы до двух часов не проводим прослушивания, — сказала девушка.

— Мы не актеры, — сказал Мейер.

— Не важно, — отрезала девушка и стерла слово на листке, который отпечатала, и подула на бумагу.

— Вы бы лучше употребляли белую замазку, — посоветовал Мейер. — От ластика

машинка заедает.

— Замазка слишком долго сохнет, — возразила девушка.

— Мы из полиции. — Карелла показал ей свой значок. — Вы передадите мистеру Картеру, что детективы Мейер и Карелла хотели бы с ним повидаться?

— Почему же вы сразу не сказали? — воскликнула девушка и тотчас сняла трубку. Ожидая соединения, она наклонилась над столом, чтобы повнимательнее рассмотреть значок. — Мистер Картер, — сказала она, — тут пришли детективы Мейер и *Каналья.* — Она помолчала. — Да, сэр, — сказала она. Она положила трубку. — Можете пройти, — пригласила она.

— Моя фамилия — Карелла, — сказал Карелла.

— А я как сказала? — спросила девушка.

— Каналья.

Девушка пожала плечами.

Они открыли дверь в контору Картера. Он сидел за огромным столом, замусоренным тем, что — по мнению Кареллы — было сценариями. Три стены конторы были заклеены плакатами, которые рекламировали представления, предшествовавшие «Жирной заднице», — Карелла не узнал ни одного. Четвертая стена представляла из себя широкое окно, сквозь которое струился утренний солнечный свет. Когда они вошли, Картер встал, указал им на диван перед письменным столом и сказал:

— Садитесь, пожалуйста!

Детективы сели. Карелла тотчас перешел к главному.

— Мистер Картер, — спросил он, — что такое «лед»?

— Лед?

— Да, сэр.

Картер улыбнулся.

— Когда вода замерзает, она превращается в лед, — сказал он. — Это ребус?

— Нет, это не ребус, — сказал Карелла. — Итак, вы не знаете, что такое «лед»?

— Ах, вы говорите про «лед»? — сказал Картер.

— Да.

— Театральный «лед», вы это имеете в виду?

— Театральный «лед», — кивнул Карелла.

— Ну конечно, я знаю, что такое «лед».

— И мы тоже знаем, — сказал Карелла. — Давайте убедимся, что мы правильно поняли другу друга.

— Мне очень жаль, но…

— Доверьтесь нам, мистер Картер, — сказал Карелла.

— Но у меня назначена встреча на десять.

— Осталось еще десять минут. — Мейер взглянул на стенные часы.

— Мы постараемся побыстрее, — сказал Карелла. — Вначале будем говорить *мы* , а потом — *вы* , хорошо?

— Ну, я не знаю на самом деле, о чем…

— О том, как мы понимаем этот вопрос, — сказал Карелла. — Мы знаем, что «лед», или навар на билетах, — обычная практика в театре…

— Только не в *моем* театре, — сказал Картер.

— Как бы то ни было, — сказал Карелла и продолжал, словно бы его никто не прерывал: — Обыкновенная практика, дающая примерно двадцать миллионов долларов в год наличными, которые не облагаются налогами и не подотчетны инвесторам шоу.

— Ну, это завышенная цифра, — развел руками Картер.

— Я говорю в масштабах города, — сказал Карелла.

— Все равно это слишком высокая цифра. «Лед» не возникает, если только шоу не стало особенной удачей.

— Как «Жирная задница», — уточнил Карелла.

— Я полагаю, вы не хотите намекнуть, что кто-нибудь в «Жирной заднице»…

— Пожалуйста, выслушайте меня и скажите, правильно ли я понял, — сказал Карелла.

— Я уверен, что вы правильно поняли, — сказал Картер. — Вы не похожи на того, кто может явиться без подготовки.

— Я просто хочу убедиться, что я все правильно понял.

— Угу, — кивнул Картер со скептическим видом.

— Итак, мне удалось составить впечатление, — Карелла сложил ладони перед грудью, — что очень многим в шоу-бизнесе удалось разбогатеть на «льду».

— Конечно, говорят всякое на эту тему.

— А также и о том, как работает этот механизм. Пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь. Итак, кто-то в кассе откладывает билетик и потом продает его брокеру по значительно более высокой цене. Верно я говорю?

— Да, примерно так и получается навар. Или, как у нас говорят, «лед».

— Текущая цена билета на хорошее место в «Жирной заднице» — сорок долларов, — продолжил Карелла. — Это за место в середине шестого ряда. За каждое из тех самых двух мест, что вы так великодушно предложили мне.

— Да, — кивнул Картер с кислым видом.

— Сколько мест в партере бронируется на каждый спектакль? — спросил Карелла.

— Мы сейчас говорим про «Жирную задницу»?

— Или про любой другой мюзикл. Можно взять «Жирную задницу» в качестве примера, если угодно.

— У нас около ста мест в партере, которые мы бронируем на каждый спектакль, — сказал Картер.

— Кому достаются билеты на эти места?

— Некоторые получаю я как продюсер. Владелец театра получает некоторое количество. Получают билеты творческие работники, ведущие актеры, кое-кто из крупных инвесторов и так далее. Мне кажется, мы однажды обсуждали это, разве нет?

— Я просто хотел прояснить, — сказал Карелла. — Что происходит с теми билетами, если люди, для которых они забронированы, не являются за ними?

— Их отдают на распродажу в кассу.

— Когда?

— В нашем городе за сорок восемь часов до начала каждого спектакля.

— На распродажу кому?

— Кому угодно.

— Любому, кто придет с улицы?

— Ну, обыкновенно нет. Ведь это отборные места.

— Так кто их получает?

— Их обычно продают брокерам.

— По цене, напечатанной на билетике?

— Разумеется.

— Не разумеется, — сказал Карелла. — Вот тут-то и возникает навар под названием «лед», верно?

— Если кто-нибудь, связанный с шоу, занимается наваром на билетах, то — да. Здесь возникает «лед».

— Короче говоря, человек, который заведует кассой…

— Это наш менеджер труппы.

— Ваш менеджер труппы или кто-то другой берет эти невостребованные билеты на места в партер и продает брокеру — или нескольким брокерам — по цене, которая выше установленной за билет.

— Да, это называется «льдом». Разница между законной ценой за билет и тем, что получает за билет «снежный человек».

— Иногда двойную цену, так?

— Ну, я не знаю, как на самом деле. Как я сказал…

— Восемьдесят долларов за билет стоимостью в сорок долларов — такое возможно?

— Возможно. Если очень популярный мюзикл.

— Вроде «Жирной задницы».

— Да, но никто…

— И тогда брокер возьмет билет, за который он заплатил восемьдесят долларов, и продаст клиенту за сто пятьдесят, так?

— Вы уже говорите про «скальпирование». «Скальпирование» противоречит закону. Брокер театральных билетов может превышать обозначенную в билете цену только на два доллара за билет. Больше нельзя. Согласно закону.

— Но ведь есть брокеры, которые нарушают закон.

— В этом состоит их бизнес, но не мой.

— Кстати сказать, — заметил Карелла, — «лед» *также* противоречит законодательству.

— Он может противоречить закону, — сказал Картер, — но, по моему мнению, он никому не вредит.

— То есть это просто преступление без жертв, так? — спросил Мейер.

— На мой взгляд.

— Наподобие проституции, — уточнил Мейер.

— Ладно, проституция — это другой вопрос, — сказал Картер. — Девушек превращают в жертв, конечно. Но что касается «льда»… — Он пожал плечами. — Давайте предположим, что кто-то в кассе зарабатывает «лед». Такой человек не крадет места в партере, как вы знаете. Если билет стоит сорок долларов, он положит сорок долларов в кассу, прежде чем отдаст его брокеру.

— За двойную цену, — сказал Карелла.

— Это не важно. Главное — это то, что шоу получит сорок долларов, которое оно должно получить за билет. Шоу не теряет денег на билете. И инвесторы не теряют денег.

— Но люди, которые заняты в *«ледяной»* операции, зарабатывают кучу денег.

— Ну, не такую уж кучу, — сказал Картер и пожал плечами. — Сказать вам по правде, если брать некоторые спектакли, к каким я имею отношение, то ко мне приходили менеджеры и предлагали заработать «лед», но я всегда отклонял такие предложения. — Картер улыбнулся. — Зачем иметь неприятности из-за мелочи?

— Но вы сказали, что целая сотня мест…

— Верно.

— При наваре в сорок долларов за каждое место это составляет четыре тысячи долларов за спектакль. Сколько спектаклей бывает в неделю, мистер Картер?

— Восемь.

— Умножаем на четыре тысячи и получаем тридцать две тысячи в неделю. Это составляет примерно… Сколько, Мейер?

— Что? — произнес Мейер.

— В год.

— А-а… Около двух миллионов долларов в год. Примерно миллион шестьсот-семьсот.

— Это мелочи, мистер Картер?

— Ну, знаете, «лед» в шоу обыкновенно делится. Иногда на четыре-пять частей.

— Ну, скажем, делится на пять частей, — предположил Карелла. — Это все равно составляет примерно двести-триста тысяч долларов навара на человека. Это большие деньги, мистер Картер.

— Но за них не стоит идти в тюрьму, — сказал Картер.

— Тогда зачем вы делаете это? — спросил Мейер.

— Простите, не понял? — сказал Картер.

— Зачем вы берете «лед» с «Жирной задницы»?

— Это официальное обвинение? — спросил Картер.

— Да, — сказал Карелла.

— Тогда, может быть, я должен позвать адвоката?

— Может быть, вы должны прежде выслушать нас, — сказал Карелла. — Вы все время порываетесь звонить адвокату.

— Если вы обвиняете меня…

— Мистер Картер, верно ли, что Салли Андерсон была курьером в вашей «ледяной» операции?

— В какой «ледяной» операции?

— Мы слышали, что Салли Андерсон передавала билеты на забронированные места различным брокерам и собирала с них наличные за эти билеты, а затем приносила наличность менеджеру труппы. Это правда; мистер Картер? Не была ли Салли Андерсон, по сути, сборщицей навара в вашей «ледяной» операции?

— Если кто-нибудь у меня в театре получает «ледяной» навар…

— Кто-то *получает* , мистер Картер.

— Но не я.

— Давайте еще кое-что проясним, — нажал Карелла.

— Нет, давайте позвоним моему адвокату. — Картер снял трубку.

— У нас имеются доказательства, — сказал Карелла.

Он солгал: никаких доказательств у них не было. Лонни Купер намекнула, что Салли где-то имеет приработок. Тимоти Мур сказал им, что она собирала «ледяной» навар для Картера. Ни то, ни другое не являлось доказательством. Но от слов Кареллы Картер замер на месте. Он положил трубку обратно на аппарат. Он вытряс сигарету из пачки на столе и закурил, затянулся и выдохнул целое облако дыма.

— Какие доказательства?

— Давайте сделаем пару шагов назад, — снова сказал Карелла.

— Почему вы сказали нам, что были едва знакомы с Салли? — спросил Карелла.

— Ну, вот мы опять к этому вернулись. — Картер начал раздражаться.

— Заблудились в лесу и вернулись на то же место, — улыбнулся Мейер.

— Мы полагаем, потому что она участвовала в «ледяной» операции вместе с вами, — сказал Карелла.

— Ничего не знаю ни про какую «ледяную» операцию.

— И, может быть, она захотела получать более крупный кусок пирога…

— Смехотворно!

— Или, может быть, грозилась дунуть в свисток…

— Не знаю, о чем вы говорите, — сказал Картер.

— Мы говорим об убийстве.

— Об убийстве? Ради чего? Из-за того, что Салли имела какое-то отношение ко «льду»?

— Мы знаем, что она имела отношение ко «льду», — сказал Мейер. — И не *какое-то* . Она имела отношение также к *вам* , мистер Картер. Она была вашим курьером. Она относила билеты и забирала…

— *Только раз! —* крикнул Картер.

Наступила пауза. Детективы смотрели на него.

— Я не имею никакого отношения к ее убийству, — сказал Картер.

— Мы слушаем, — сказал Мейер.

— Это было только раз.

— Когда?

— В ноябре.

— Почему только раз?

— Потому что Тина была больна.

— Тина Вонг?

— Да.

— И что произошло?

— Ну, она не могла сделать обход в тот день. И она попросила Салли сделать это за нее.

— Без вашего ведома?

— Она вначале позвонила мне. У нее был грипп, высокая температура, она лежала в постели. Я сказала ей, что все будет в порядке. Салли была ее лучшей подругой. И я решил, что мы можем довериться ей.

— И поэтому вы отрицали, что знаете ее?

— Да. Я представил себе… если что-то из этого выплывет наружу, то вы могли бы подумать…

— Мы подумали бы как раз о том, о чем мы думаем *сейчас* , мистер Картер.

— Нет. Вы ошибаетесь. Это было только один раз тогда. Салли никогда не хотела ничего сверх. Салли никогда не угрожала мне…

— Сколько она получила за свои услуги? — спросил Мейер.

— Двести долларов. Но это был один-единственный раз.

— Сколько вы даете Тине? Она является вашей постоянной сборщицей навара?

— Да. Она получает ту же самую сумму.

— Двести долларов за каждый сбор и доставку?

— Да.

— Двести долларов в неделю?

— Да.

— А вы сколько получаете?

— Мы делим «лед» на четыре части.

— Кто?

— Я, генеральный менеджер, менеджер труппы и главный кассир.

— Делите тридцать две тысячи в неделю?

— Примерно.

— Значит, ваша доля — это примерно четыреста тысяч в год, — сказал Мейер.

— Не облагаемых налогами, — подтвердил Картер.

— А доходов от шоу вам не хватало? — спросил Мейер.

— Ну, никто от этого еще не пострадал, — сказал Картер.

— Кроме вас и ваших друзей, — сказал Карелла. — Ладно, мы уходим.

— Почему? — спросил Картер. — Вы очень спешите?

Детективы переглянулись.

— Ну, рассказывайте, какие у вас доказательства, — сказал Картер.

— Некто по имени Тимоти Мур знает все об этом, — сказал Карелла. — Точно так же, как и Лонни Купер, одна из ваших танцовщиц. Может быть, и не так уж стоило доверять Салли, как вам хотелось. Одевайся, Мейер.

Картер затушил сигарету и слабо улыбнулся.

— Скажем так, — произнес он. — Был ли у меня навар и «лед», я такого разговора с вами не помню. Что касается Салли Андерсон, то, если она когда-то очень давно отнесла куда-то несколько билетов и собрала немного денег, в этом случае вам придется приготовить чуть побольше доказательств, чем… просто ветер в поле. Ну, скажем, пойдете вы сейчас прямиком в театральную кассу. И что же вы там найдете?

Вы там найдете, что с этой минуты все наши брокеры получают только законную долю билетов, а все, что мы продаем им свыше из обычных квот, будет идти по стандартной цене в кассе. Наш самый дорогой билет продается за сорок долларов. Если мы пошлем забронированный билет брокеру, то он заплатит нам именно эту цену. Сорок долларов. Все честно и открыто. А теперь скажите мне, господа, будете ли вы пытаться выяснить, как и куда шли деньги с тех пор, как открылось шоу? Пустое занятие.

Детективы переглянулись.

— Вы можете отправиться к окружному прокурору, — сказал Картер, по-прежнему

улыбаясь. — Но без доказательств у вас будет глупый вид.

Карелла стал застегивать пальто.

Мейер надел шляпу.

— Кроме того… — сказал Картер.

Детективы были уже у двери.

— …Кассовый мюзикл всегда создает «лед».

На лестничной клетке Мейер сказал:

— Никто от этого еще не пострадал, так? Кокаин не вызывает привыкания. А «ледяной» навар — почтенный вид жульничества. Восхитительно!

— Чудесно, — сказал Карелла и нажал на кнопку вызова лифта.

— Он знает, что у нас нет доказательств. Он знает, что мы ничего не можем сделать против него. Поэтому он разгуливает на свободе, — сказал Мейер.

— Ну, может быть, он откажется от «льда» на какое-то время.

— На какое? — разозлился Мейер.

Оба замолчали. Лифт медленно спускался вниз.

— Что ты думаешь насчет нее? — спросил Карелла.

— Насчет убитой?

— Да.

— Мне кажется, здесь он чист. А по-твоему?

— Я тоже так считаю.

Двери лифта открылись.

— Нет справедливости в этом мире, — вздохнул Мейер.

* * *

Много лет назад, когда брат Антоний отсиживал свой недолгий срок в тюрьме Кастлвью по обвинению в убийстве, его сокамерником был взломщик. Звали последнего Джеком Гринспэном. А прозвище он получил — Джек Верзила. Еврей. Не часто встретишь взломщика-еврея. Джек Верзила научил его многому, только брат Антоний никогда не думал, что эти уроки ему пригодятся.

До сегодняшнего дня.

Итак, уроки Джека Верзилы оказались исключительно ценными. Брат Антоний вознамерился проникнуть в квартиру Андерсон. Это не была внезапная причуда. Он вчера подробно обсуждал этот план с Эммой. Непосредственно перед этим он узнал, что мисс Андерсон убита. А отправился он к ней потому, что Джудит Квадрадо указала на нее как на источник, из которого сыпался сладкий порошок. Конечно, список клиентов нужен, но грош ему цена, если нечего им продать. Поэтому он поехал туда вчера в надежде завязать деловые отношения с девушкой. Однако оказалось, что кто-то уже принял меры, лишив ее возможности заниматься бизнесом, как раньше.

Если говорить о причинах, почему ему надо было попасть в ее квартиру, то правильнее остановиться на двух. Первая состояла в том, что девушка могла припрятать какие-то наркотики, которые полиция не обнаружила. Он не очень сильно надеялся на это, но полностью исключать вероятность тоже было нельзя. Попробовать стоило. Полицейские были столь же небрежны, как и люди других профессий. Может быть, она припрятала где-то пару-тройку килограммов на шестьдесят тысяч долларов. А вторая причина состояла в следующем. Если девушка в прошлом была дилером унций, — а так говорила о ней Джудит Квадрадо, — тогда она наверняка получала эти унции от кого-то *еще* . Если только она не моталась каждую субботу-воскресенье в Южную Америку. Последний вариант, на взгляд брата Антония, был весьма сомнителен. Смотритель дома сказал ему, что она работала танцовщицей в популярном шоу, так? Нет, танцовщицы не имели возможности убегать, когда им взбредет в голову. Нет, размышлял брат Антоний, кто-то должен был поставлять ей товар здесь.

Итак…

Если она получала свой товар от кого-то еще, тогда почему в ее квартире не может оказаться чего-то, что бы подсказало ему, *откуда* она получала товар? А когда он разведает, где она брала товар, он просто пойдет к тому человеку и скажет, что «выкупил дело» у Салли, что-нибудь в таком роде: «Имейте теперь дело со мной вместо Салли». Правда, если вдруг окажется, что тот самый человек и убил Салли… Ну, тогда брат Антоний перекрестит воздух, подхватит рясу и исчезнет, как бедуин в ночи. Во всяком случае, хотелось избежать серьезных ответных действий со стороны обитателя «маленькой Боготы».

В переднем кармане рясы он нес две вещи, необходимые для хорошего взломщика, как научил его Джек Верзила. Он также исходил из предположения, что замок на двери квартиры убитой девушки был типа «Микки-Маус». Если брат Антоний увидит, что тип замка слишком сложный для него, он попробует найти другой способ забраться внутрь: по пожарной лестнице или разбив окно. Впрочем, Джек Верзила сказал, что бить окна — непрофессионально. В кармане у брата Антония были два незаменимых инструмента: пачка зубочисток и полоска пластика, которую он оторвал от молочной бутылки с ручкой и винтовой крышечкой.

Зубочистки послужат для блокировки замка от нежданных гостей, когда брат Антоний будет «работать» в квартире. Полоска пластика должна будет отпереть дверь.

Джек Верзила объяснял, что лучше всего открывать замок типа «Микки-Маус» при помощи кредитной карточки, но сойдет и любая тонкая полоска пластика или целлулоида. У брата Антония не было ни одной кредитной карточки. Он также не был уверен, что ему поможет полоска пластика, которую он оторвал от молочной бутылки. Тем не менее Джек Верзила сказал: *любая* полоска пластика.

Он осмотрелся в вестибюле перед тем, как войти в здание. Охраны не было, и старика-смотрителя не видать. Брат Антоний вчера поднимался к дверям квартиры девушки… Да, он постучал, и никто не ответил… Теперь он знал, что это квартира 3 «А». Тем не менее он еще раз перепроверил номер квартиры по почтовым ящикам в вестибюле. Затем он поднялся по ступенькам на третий этаж. Стояла тишина. Джек Верзила был прав, когда сказал, что многоэтажные дома в дневное время по большей части пустуют. Если он будет делать все правильно, в соответствии с указаниями Джека Верзилы, то окажется в квартире уже через полторы минуты.

Он провозился полчаса.

Он запихивал пластиковую полоску в щель между дверью и косяком, поворачивал ее и так и сяк, старался зацепиться за язычок, потел, вытаскивал ее из щели, снова вставлял, тряс ею, оглядывался через плечо, приговаривал: «Ну, давай же, деточка», боялся, что вдруг появится соседка и закричит что есть мочи, дергал полоску пластика, зацеплял язычок, терял язычок, потел еще обильнее, тяжелая ряса прилипла к телу, руки работали лихорадочно, и прошло целых полчаса, пока наконец он не почувствовал, что защелка поддается (теперь осторожно, чтобы не выскользнула!), как она начала отходить назад, когда пластик вошел между стальным язычком замка и пазом в деревянном косяке. Теперь он медленно скручивал прокладку, чувствуя, как язычок выходит из паза. Он взялся за ручку, повернул, и дверь отворилась.

Он взмок от пота.

Он быстро прошел в квартиру, тотчас закрыл за собой дверь, прислонился к ней, тяжело дыша, прислушиваясь. Пот катился градом. Когда отдышался, полез в передний карман за зубочистками, открыл пачку, извлек одну, приоткрыл дверь на щелку, выглянул и прислушался. Никого.

Брат Антоний открыл дверь пошире.

Он вставил зубочистку в скважину замка и обломал ее. Он снова закрыл дверь и повернул затвор, чтобы запереть ее. Джек Верзила объяснял, что если кто-то явится с ключом и попытается его вставить, то будет долго возиться, не подозревая, что мешает зубочистка. Тем временем грабитель услышит возню с замком и успеет выскользнуть в окно

или куда-то еще. Надо приготовить запасной путь для отхода. Джек Верзила сказал, что кухня представляет собой неплохой запасной путь. Некоторые кухни оборудованы черным ходом. Из кухни обыкновенно можно попасть на пожарную лестницу. Трудно сказать, почему у стольких кухонь были пожарные лестницы, но это факт. Брат Антоний пошел на кухню.

Он наклонился над мойкой и поглядел в окно. Пожарной лестницы не было. Он начал бегать по квартире, выглядывая в окна в поисках пожарной лестницы. Единственная пожарная лестница находилась за окном спальни. Он повернул запор на окне, приоткрыл его чуть-чуть, чтобы при необходимости, если кто вдруг войдет, распахнуть его в одну секунду, и затем прошел в гостиную. Это была приятная комната. На полу лежал ковер, стояла красивая мебель. В такой комнате они с Эммой жили бы с удовольствием. На всех стенах висели плакаты, и здесь стоял красивый черный кожаный диван с подушками. Висело несколько обрамленных фотографий, изображавших девушку в колготках. На одной она была облачена в короткую юбочку — такую, в каких танцуют в балете на сцене. Он понял, что это была убитая. Привлекательная девица. Светленькая, с хорошей фигуркой, разве несколько худощава. Интересно, где это они покупают такие юбочки? Наверное, в особых магазинчиках. Неплохо бы для Эммы купить такую. Пусть бы голая, в одной такой юбочке, да побегала бы по квартире!

У дверей в ванную комнату висел плакат. Он решил, что начнет с ванной комнаты: Джек Верзила говорил, что многие прячут ценности в сливном бачке. Он опустил сиденье унитаза, снял крышку с бачка и положил ее на сиденье. Затем он заглянул внутрь. Бачок был наполнен ржавой водой. Он сунул в воду руку и пощупал кругом. Ничего. Он вытащил руку, вытер полотенцем, которое висело на крючке, и снова поставил крышку бачка на место. Куда еще советовал заглянуть Джек Верзила?

Попробуем теперь поискать в спальне, решил он. Джек Верзила говорил, что в большинстве комодов нижний ящик сидит на раме самого комода. Под ним нет никакой полки. Это означает, что от ящика до пола, два-три дюйма свободного пространства. Многие делают так: вынимают ящик, укладывают свои ценные вещи прямо на пол и потом опять вставляют ящик. Неопытный взломщик пороется в ящике, но не додумается *вынуть* ящик и пошарить на полу.

Брат Антоний вынул нижний ящик. Он был набит трусиками и бюстгальтерами. Маленькими нейлоновыми бикини всех цветов, крошечными бюстгальтерами: у нее, вероятно, были маленькие груди. Он попробовал представить ее себе в этих трусиках. Она все-таки была слишком худенькая. Но такие в постели бывают очень хороши. Он взял в руки одни трусики, красные, и несколько секунд разглядывал их, прежде чем бросить обратно в ящик. Он явился сюда с определенной целью — найти запас кокаина или нечто такое, что вывело бы его на тот источник, из которого девушка получала порошок.

Он встал на четвереньки и заглянул в пустое пространство от ящика. Ничего не было видно. Он поднялся на ноги, включил лампу на комоде и снова опустился на четвереньки. Все равно он ничего не видел. Тогда он просунул туда руку и принялся шарить. На полу ничего не было. Он взял ящик с пола, перенес на кровать — красивую кровать с лоскутным одеялом — и высыпал на нее содержимое. Ничего, кроме бюстгальтеров и трусиков: словно девушка меняла белье трижды на день. А может быть, все танцовщицы поступают так же? Потеют и часто меняют белье.

Он вынул все остальные ящики и тоже вывернул их над кроватью. Ничего, кроме одежды. Блузки, свитера, колготки, майки — целая куча девичьих тряпок. Кокаина не было. И не было ни одного клочка бумаги с чем-нибудь написанным. Полицейские, вероятно, хорошо почистили квартиру, забрали все, что могло представлять интерес. А конфискованные наркотики они, наверное, продают — полицейские-то. Да, они такие же преступники. Брат Антоний выпрямился и поглядел вокруг. Ну, а *теперь* где искать? — подумал он.

Джек Верзила говорил, что иногда можно найти героин в сахарнице. Иногда лучше

найти наркотики, чем деньги, кредитные карточки или даже коллекции монет. Брат Антоний вернулся в кухню, поискал сахарницу, нашел ее на нижней полке в одном из шкафов, снял крышку и увидел, что она доверху заполнена розовыми пакетиками с заменителем сахара. Он просмотрел все коробки с крупами в шкафу, предположив, что она могла спрятать пластиковый пакет с килограммом наркотика в одной из коробок и насыпать сверху овсяные хлопья, «корнфлекс» или «мюсли». Но ничего не нашел. Он принялся искать в холодильнике. И здесь не нашел ничего, кроме открытого йогурта и увядших овощей. Он проверил каждый ящик в гостиной, пошарил под каждой столешницей — на случай, если пакет с порошком приклеен снизу клейкой лентой. Но напрасно. Он вернулся в спальню и открыл дверцу платяного шкафа.

У девушки было больше одежды, чем в универмаге на Хэлл-авеню. У нее была даже шуба. Видимо, енотовая. Он стал срывать платья и пальто с вешалок, ощупывал карманы и бросал все на пол. Ничего не находил. Он открыл все коробки с обувью. Некоторые туфли были сексуальные, как у проституток, на высоком каблуке и с ремешками. Он снова вспомнил про ее трусики. Но в коробках — ничего, кроме обуви. Где же оно? Он продолжал копаться в шкафу.

Он нашел мужскую одежду в дальнем углу шкафа. Конечно, у такой девицы с сексуальными трусиками и туфлями на высоком каблуке должен был быть какой-то парень, который ей все это дарил. Красивый коричневый свитер — брат Антоний взял бы его себе, да только он ему маловат. А вот широкие брюки — такие брат Антоний носить бы ни за что не стал. Черный шелковый халат с монограммой «Т.М.» на нагрудном кармане. Одежда для любовных утех, так? Ты надеваешь черный шелковый халат, она надевает шелковые трусики и туфли на высоком каблуке, вы нюхаете сладкую пудру и — понеслись! Очень красиво, Т.М. Красивая одежда у тебя здесь, Т.М. Но ее не *слишком* много, так что ты не *живешь* здесь, так? Может быть, ты приходил сюда время от времени. Может быть, ты женатый биржевой маклер и приходил сюда по средам, во второй половине дня, когда биржа закрывается. Больше не удастся позабавиться, Т.М. Дамочка отдала концы.

Красивый кашемировый пиджак, светло-коричневый. Еще пара брюк. Зеленые! Да кто станет носить зеленые брюки? Разве что какой-нибудь ирландец наденет их в День святого Патрика! Лыжная куртка. Синяя. Впрочем, маленького размера. Наверное, принадлежит девушке. У куртки — воротник на «молнии», в котором должен быть сложенный капюшон, на тот случай, если станешь замерзать при подъеме по канатной дороге. Нет, брат Антоний ни за что бы не надел лыжи, даже за миллион долларов! Да, а вот куртка любовника, черная, как халат. Ты что, лыжник, Т.М.? И ты иногда вывозил свою крошку покататься на лыжах? Он ощупал все карманы кашемирового пиджака и затем бросил его на пол. Он ощупал синюю куртку девушки. Ничего не нашел. Он уже хотел бросить ее на пол вместе с другой одеждой, как вдруг заметил что-то странное в области воротника.

Он взялся за воротник обеими руками и скрутил его.

Внутри словно было что-то жесткое.

Он снова покрутил воротник. Послышался легкий хруст. Внутри воротника, кроме капюшона, было еще что-то. Он отнес куртку к постели. Он сел на край постели среди трусиков и лифчиков. Он снова ощупал воротник. Да, внутри определенно что-то было. Он быстро расстегнул «молнию».

Вначале он был разочарован.

В руках он держал конверт, сложенный несколько раз в длину, чтобы он уместился в воротнике с застежкой-«молнией». Он развернул конверт. Письмо было адресовано Салли Андерсон. Он поглядел на обратный адрес в левом верхнем углу. Имя ему ничего не говорило, но *место* сразу проливало свет. Если он не нашел самого кокаина, то, *возможно*, он нашел первичный *источник* кокаина. Он сунул руку в конверт и извлек письмо, написанное от руки. Он начал читать. При этом он слышал, как тикают его часы. Он понял, что задержал дыхание. И вдруг он захихикал.

Ну, теперь начинаем действовать, подумал он. Приходит наше лучшее время.

«Кадиллаки» и кубинские сигары, шампанское и икра! Продолжая хихикать, он сунул письмо в передний карман. Потом он прикинул, насколько безопасно выходить из квартиры через дверь. Решил, что безопасно, и отправился к Эмме, торопясь сообщить ей радостные вести.

* * *

Детективы застали Алонсо Квадрадо голым, когда пришли к нему в четыре часа дня. Они посчитали это благоприятным обстоятельством. Голый человек чувствует себя неловко перед одетым. Поэтому у взломщиков квартир бывает преимущество, когда они врываются в спальню к спящему: голый человек вскакивает с постели, а перед ним — грабитель в плаще и с пистолетом. Алонсо Квадрадо принимал душ в раздевалке «Ассоциации христианской молодежи» на Ландис-авеню, когда вошли два детектива. На обоих детективах были плащи. На одном была шляпа. На Квадрадо не было ничего, кроме мыльной пены.

— Привет, Алонсо, — сказал Мейер.

Голому Квадрадо попало мыло в глаза.

— Черт! — воскликнул он и стал поливать водой лицо. Он был очень худ, а лицо у него было бледное и желтоватое. Пышные усы казались огромными.

— Мы хотим задать вам еще несколько вопросов, — сказал Карелла.

— Ну, вы выбрали время… — произнес Квадрадо.

Он ополоснулся под душем, выключил воду, взял полотенце и стал вытираться. Детективы ждали. Квадрадо обернул полотенце вокруг бедер и прошел в раздевалку. Детективы проследовали за ним.

— Я только что играл в гандбол, — сказал он. — Вы играете в гандбол?

— Играл когда-то, — ответил Мейер.

— Самая хорошая игра, — сказал Квадрадо, сел на скамью и открыл дверцу одного из шкафов. — Ну, о чем будем говорить на этот раз?

— Вы знаете, что ваша кузина умерла? — спросил Мейер.

— Да, я знаю. Похороны завтра. Но я не пойду. Ненавижу похороны. Вы не бывали на испанских похоронах? Не видели, как все эти старушки бросаются на гроб? Это зрелище не для меня.

— Ей нанесли раны острым предметом, вы знаете?

— Да.

— Можете предположить, кто это сделал?

— Нет. Если бы Лопес был еще жив, я бы сказал, что это он. Но он тоже умер.

— Больше ничего предположить не можете?

— Послушайте, вы знаете, чем она занималась. Это мог быть кто угодно.

Он вытирал ноги. Он потянулся к шкафу, вынул пару носков и стал натягивать их. Интересно, как люди одеваются, подумал Мейер. Все люди делают все по-разному, никто одинаково не грызет початок кукурузы. Трудно найти двоих, кто одинаково одевается. Почему Квадрадо начал с носков? С *черных* носков к тому же. Не собрался ли он на прослушивание для съемок порнографического фильма? Не наденет ли он сейчас ботинки раньше, чем трусы или брюки? Одевание — это еще одно таинство жизни.

— Чем она занималась?

— Ну, не совсем занималась, но все же. Работала над вопросом, примерно так.

— И что же это было?

— То единственное, что она унаследовала от Лопеса.

— Ну, говорите, не стесняйтесь, — сказал Карелла.

Квадрадо снова потянулся к шкафу. Он снял с крючка трусы и надел.

— Это ремесло Лопеса, — сказал он и потянулся в шкаф за брюками.

— Торговля наркотиками?

— Да, у нее был список.

— Какой список?

— Его клиентов.

— Как она раздобыла его?

— Она ведь с ним жила, верно?

— Вы говорите про *настоящий* список? С именами и адресами? На листке бумаги?

— Нет. При чем тут лист бумаги? Но она жила с ним — она знала, кто его клиенты. Она мне говорила, что собирается заняться этим делом. Доставлять кокаин туда же, куда доставлял он. Хотела иметь небольшой приработок.

— Когда она вам говорила об этом? — спросил Мейер.

— Сразу после того, как его убили, — сказал Квадрадо и надел рубашку.

— Почему вы не сказали нам об этом в прошлый раз?

— Вы меня не спрашивали.

— Это было *ново* для нее? — спросил Карелла.

— Что вы имеете в виду?

— Куплю-продажу.

— Да.

— Она не работала с ним до того, как его убили? Они не были партнерами или кем-то в этом роде?

— Нет. Вы думаете, что он стал бы делить хорошее дело с девицей? Да никогда.

— Но он говорил ей; кто были его клиенты?

— Ну, он не говорил так: «Этот парень берет четыре грамма, а тот — шесть граммов». Ничего подобного. То есть он не вручал ей список на блюдечке. Но когда какой-то парень живет с кем-то, он начинает *болтать* . Знаете, что я имею в виду? Ну, например, он говорит: «Я должен отнести сегодня Луису две порции по три грамма». Что-нибудь такое. В общем, болтает, понимаете?

— В «беседе под одеялом».

— Да, в «беседе под одеялом», — сказал Квадрадо. — Именно так. Джудит была умненькая. Когда Лопес болтал, она слушала. Скажу вам по правде, Джудит не думала, что это продлится очень долго. Понимаете, о чем я? После того, как он поранил ее… Ну, сколько может девушка мириться с этим? Он был псих и подонок, к тому же у него были еще другие бабы, не одна Джудит. В общем, она старалась слушать. Она не могла знать заранее, что его убьют… Но она рассчитала, что никому не повредит, если…

— Откуда вы знаете?

— Знаю что?

— Что она не знала, что его убьют?

— Я просто предполагаю. Вы не возражаете, если я закурю?

— Курите, — решил Мейер.

— Я обычно люблю покурить после игры, — сказал Квадрадо, потянулся к сумке на полу шкафа и вытащил из нее жестяную коробочку из-под заменителя сахара. Они сразу догадались, что было в коробочке. Это удивило их, но не слишком. В теперешнее время люди покуривают травку даже на скамейке на другой стороне улицы от метро. Они наблюдали, как Квадрадо запаливал свою закрутку. Он пососал ее и выпустил облако дыма.

— Не желаете угоститься? — спросил он, любезно протягивая закрутку Мейеру.

— Спасибо, — сухо сказал Мейер, — я на службе.

Карелла улыбнулся.

— Кто были эти другие женщины?

— Но кто же их сосчитает? — сказал Квадрадо. — Ну, была эта одноногая: знаете Аниту Диас? Она очень красивая, но у нее только одна нога. Ее здесь называют Хромоножкой. В постели лучше ее не бывает. На всякий случай имейте в виду. Ну, Лопес с ней встречался. И еще была… Вы знаете этого человечка, владельца кондитерской на углу Масонов и Десятой? Так вот, с его женой. Лопес встречался с ней тоже. Все это время он продолжал жить с Джудит. Кто знает, почему она так долго терпела? — Он снова пососал

закрутку. — Думаю, что она боялась его, понимаете? Ну, он все время угрожал ей и в конце концов стал прижигать сигаретами. И тогда она *по-настоящему* испугалась. Видимо, она решила, что лучше помалкивать и пускай он шляется, к кому хочет.

— Как она предполагала обеспечивать этих людей?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, клиентов Лопеса. Где она предполагала брать порошок?

— Там же, где брал Лопес.

— И где это?

— У одной англичанки, дилера унций.

— У кого именно?

— Лопес жил с ней когда-то. Джудит рассудила так: что было, то прошло, а бизнес есть бизнес. Если девушка снабжала Лопеса, то почему бы ей *также* не снабжать Джудит?

— Значит, это была женщина?

— Да, блондинка, с которой он жил.

Карелла посмотрел на Мейера.

— *Какая* блондинка? — спросил он.

— Я сказал вам. Англичанка, с которой он жил когда-то.

— *Блондинка? —* изумился Мейер.

— Да, блондинка, — сказал Квадрадо. — Что с вами, ребята? Вы плохо слышите?

— Когда это было? — спросил Мейер.

— Год назад, может быть… Трудно вспомнить. У Лопеса девушки приходили и уходили, как поезда в метро.

— А как ее звали, не знаете?

— Нет, — сказал Квадрадо и в последний раз затянулся закруткой, прежде чем бросить ее на пол. Он чуть было не потушил ее ногой в носке, но вовремя сообразил, что обувь еще не надел. Мейер любезно наступил на окурок. Квадрадо сел, натянул пару черных высоких башмаков на резиновой подошве и стал зашнуровывать их.

— Где они жили? — спросил Карелла.

— На Эйнсли. Там и сейчас еще живут несколько англичан… Квартплата низкая, а они как раз такие люди, которые пытаются сводить концы с концами. Ну, такие, как голодные художники, музыканты или эти, которые делают статуи…

— Скульпторы, — сказал Мейер.

— Точно, скульпторы, — хмыкнул Квадрадо. — Это вы хорошее слово подобрали.

— Давайте подытожим, — сказал Карелла. — Вы говорите, что год назад…

— Примерно.

— Лопес жил с блондинкой, дилером кокаина…

— Нет, не тогда.

— Он не жил с ней?

— Он жил с ней, но она не занималась кокаином. В ту пору еще не занималась.

— А что она делала?

— Пыталась свести концы с концами. Как и все.

— *Как* пыталась?

— По-моему, она была танцовщицей, что-то в этом роде.

Карелла снова поглядел на Мейера.

— Я думаю, что она в конце концов уехала оттуда, потому что получила роль в шоу, — сказал Квадрадо — Прошлым летом. Переехала обратно в деловой центр.

— И снова всплыла, теперь уже занимаясь кокаином, — сказал Карелла.

— Да.

— Когда?

— С кокаином? Кажется, прошлой осенью. Примерно в октябре.

— Стала снабжать Лопеса кокаином?

— Да.

— Кто вам сказал об этом?

— Джудит.

— Вы уверены, что девушка не приходила сюда *покупать* кокаин?

— Нет, не приходила. Она была дилером унций, она продавала. Вот почему Джудит рассчитывала продолжить торговлю после Лопеса. Те же клиенты, тот же самый дилер унций.

— Как часто она приходила сюда?

— Блондинка? Каждую неделю.

— Вы знаете это наверняка?

— Я знаю это, потому что Джудит мне рассказала об этом.

— И это началось в октябре?

— Да. Как раз тогда Лопес вступил в дело. Но это все со слов Джудит. Я обо всем этом знаю только с ее подачи.

— Когда она приходила?

— По воскресеньям обыкновенно.

— С целью передать кокаин?

— И, может быть, ради чего-то еще.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, знаете, вспомнить старые времена. Заодно.

— С Лопесом?

— Если верить Джудит. Кто знает, правда это или нет? Девушка терпит от парня столько всего, что потом у нее разыгрывается воображение. Она начинает находить под подушкой чужие трусики… Ну, понимаете? Ей начинает казаться, что простыни пахнут другими женщинами. По правде говоря, моя кузина была немного чокнутая. Только чокнутая могла терпеть такого парня, как Лопес.

— Но вы не знаете, как звали ту девушку?

— Нет.

— А вы не знаете, как называлось то шоу, в котором она выступала?

— Нет.

— Но вы уверены, что она жила с Лопесом?

— Совершенно уверен. Но жила она с ним не с самого начала. Прежде у нее была квартира в этом доме, где живут еще двое англичан. А потом она переехала к нему. Да, в этом я уверен. Более того, я это видел собственными глазами.

— Что вы видели?

— Как они входили вместе в дом и выходили. В любой час дня и ночи. Послушайте, все знали, что у Лопеса была блондинка из центра города.

— Что это был за дом? — спросил Мейер.

— Дом, в котором он жил.

— Когда его застрелили?

— Нет. Там он жил с Джудит. То на авеню Калвер. А это на Эйнсли.

— Вы знаете адрес?

— Нет. Это рядом с аптекой. На углу Эйнсли и Шестой, по-моему. Аптека «Тру-Вей».

— Вы бы узнали девушку, если бы опять увидели ее?

— Блондинку? Конечно. Красивая девушка. Но что она нашла в Лопесе, это загадка, верно?

— Алонсо, можно попросить вас об одной любезности? — спросил Мейер. — Вы не проедете с нами в участок? Только на пару минут.

— Зачем? С какой целью? — сказал Квадрадо.

— Пустяки, — сказал Мейер. — Мы хотим показать вам несколько фотографий.

Глава 12

Артур Браун не хотел заниматься тем, чем занимался. Артуру Брауну хотелось смотреть телевизор вместе с женой.

Ему не хотелось изучать все эти материалы, которые они с Клингом получили вначале от вдовы Марвина Эдельмана и затем из сейфа Марвина Эдельмана. Если бы Артур Браун хотел стать бухгалтером, то много лет назад он не пошел бы в полицейскую академию. Бухгалтерия навевала скуку. Даже собственная бухгалтерия навевала скуку. Обыкновенно он просил Кэролайн составить баланс расходов и доходов семьи, и она прекрасно справлялась с этим.

Было двадцать минут двенадцатого.

Через десять минут кончатся новости и на экране появится Джонни Карсон. Иногда Брауну казалось, что всех американцев объединяют только прогноз погоды и Джонни Карсон. Этой зимой погода была ужасной по всей стране. Если отсюда полететь в Миннеаполис, то там погода будет такой же. Это создавало ощущение, что здесь и там — родная страна. Это объединяло самых различных людей. Если отсюда полететь в Цинциннати, то там тоже будет дрянная погода. Только вы выходите из самолета, как вас сразу охватывают глубокие братские чувства. Затем вы попадаете в гостиничный номер, звоните в службу обслуживания, просите принести вам выпить, распаковываете багаж, включаете телевизор, и ровно в 23.30 на экране появляется старина Джонни Карсон. И вы знаете, что в то же самое время на него смотрят в Лос-Анджелесе, в Нью-Йорке, в Каламазу, в Атланте и в Вашингтоне (округ Колумбия). И благодаря этому вы чувствуете себя неотъемлемой частью величайшего народа на земле.

Браун прикинул, что, если бы Джонни Карсон выставил свою кандидатуру на выборах в президенты, он побил бы других кандидатов без труда. И как раз сейчас — вернее, через десять минут — Брауну хотелось смотреть передачу с Джонни Карсоном. Ему совершенно не хотелось сверять содержимое сейфа Марвина Эдельмана с его банковскими балансами и погашенными чеками за последние год-два. Это была работа для бухгалтера. А *полицейский* должен был заниматься совершенно другим: сидеть на диване, обняв Кэролайн, и смотреть на Лолу Фалану, которая была сегодняшней гостьей Джонни и которую он считал самой красивой черной женщиной на свете. После Кэролайн, конечно. Он никогда не говорил Кэролайн, как прекрасна, по его мнению, была Лола Фалана. После всех лет службы в полиции он научился правилу никогда не открывать дверь, если не знаешь наверняка, что за ней находится. И он не очень хорошо понимал, что скрывалось за дверью Кэролайн в последние дни. Однажды Браун обронил, что Дайана Росс достаточно хороша, и Кэролайн швырнула в него пепельницу. Он пригрозил ей арестом за попытку нападения, а она сказала, что он может склеить эту пепельницу *сам* . Это случилось уже давно, и с тех пор он не пытался еще раз открыть эту дверь. У него было чувство, что он найдет за ней ту же самую тигрицу.

Он был очень счастлив, что миссис Эдельман нашла дубликат ключа от сейфа для хранения ценностей в банке. Благодаря этому им с Клингом не пришлось ехать в центр города и подавать ходатайство в суд для получения предписания о вскрытии сейфа. В таком предписании им могли и отказать: все зависело от того, какой попадется судья. Некоторые судьи были словно на стороне *плохих* парней. Возьмите такого судью, как Певец свободы Уилбор Харрис. Вы приводите в зал суда преступника, у которого в одной руке окровавленное мачете, а в другой — отрубленная голова. Старина Харрис цокает языком и говорит: «Ай-ай-ай! Мальчик опять нашкодил? Заключенный освобождается под подписку о невыезде».

Старина Харрис мог назначить смехотворный залог в десять тысяч долларов тому, кто убил свою мать, отца, Лабрадора и всех золотых рыбок в аквариуме. При встречах с Певцом свободы возникало чувство, что работа твоя никому не нужна. Ты работаешь в поте лица, рискуешь жизнью, а Певец свободы отпускает преступника, и тот сваливает навсегда. Какой смысл тогда ловить преступников? Браун был рад, что не придется ехать в центр выклянчивать предписание суда о вскрытии сейфа.

Однако радость улеглась, когда он увидел, какого *размера* этот сейф. И радость совсем улетучилась, когда они с Клингом обнаружили, какое количество бумаг и документов находилось *внутри* этого ящика. Теперь эти бумаги были навалены перед ним на столе, включая балансы по банковским счетам Эдельмана, погашенные чеки и баночку пива. Из другой комнаты, днем служившей детской для его дочери Конни, а вечером — комнатой, в которой они с Кэролайн смотрели телевизор, — он услышал музыкальную заставку перед «Шоу Джонни Карсона». Он прислушался. Эд Макмагон объявлял список гостей (Лола Фалана была одной из них, это точно), и затем прозвучала знакомая вступительная фраза:

— Это Джонни!

Браун вздохнул, сделал большой глоток пива и принялся рассортировывать различные документы, которые они извлекли из сейфа.

Предстояла долгая ночь.

* * *

Когда зазвонил телефон, Клинг вздрогнул. Телефон стоял на приставном столике у кровати, и первый звонок разорвал тишину комнаты, как выстрел из пистолета. Клинг резко выпрямил спину, сердце гулко застучало. Он схватил трубку.

— Алло! — сказал он.

— Привет, это Эйлин.

— А, привет.

— Ты словно запыхался.

— Нет… Просто у меня очень тихо. И телефон позвонил неожиданно… — Сердце по-прежнему колотилось.

— Ты не спал? Я не…

— Нет, я просто лежал.

— В постели?

— Да.

— Я тоже в постели, — сказала она.

Он ничего не ответил.

— Я хочу извиниться, — сказала она.

— За что?

— Я не знала про развод.

— Ничего, все в порядке.

— Я бы не говорила того, что сказала, если бы знала.

То есть, как он понял, она не знала про *обстоятельства* развода. Но со вчерашнего дня она уже узнала, потому что об этом знали все в департаменте. И теперь она извинялась за то, что назвала сценой «Ох! Ах!». Это когда жена находится в постели с любовником, а по лестнице в дом поднимается муж. Именно то, что случилось с Клингом.

— Все в порядке, — сказал он.

Но было не все в порядке.

— Я только сделала хуже, да? — сказала она.

Он хотел сказать: «Ну, не надо говорить глупости, спасибо за звонок». Но вдруг он подумал: «Да, ты задела больное место».

— Вообще говоря, да, — сказал он.

— Прости, я только хотела…

— Что тебе рассказали? — спросил он.

— Кто именно?

— Ладно, выкладывай, — сказал он. — Не важно, кто рассказывал.

— Только то, что была какая-то проблема.

— Ага. Какая проблема?

— Просто проблема.

— Что моя жена гуляла на стороне, так?

— Да, так мне сказали.

— Отлично, — сказал он.

Воцарилась долгая пауза.

— Ну, — вздохнула она, — я только хотела сказать, мне очень жаль, что я расстроила тебя вчера.

— Ты меня не расстроила, — сказал он.

— У тебя расстроенный голос.

— Я расстроен, — согласился он.

— Берт… — сказала она и поколебалась. — Пожалуйста, не злись на меня, ладно? Пожалуйста, *не надо!* — Ему вдруг показалось, что она плачет. В следующую секунду он услышал щелчок в трубке.

Он поглядел на трубку.

— *Что?* — сказал он в пустую комнату.

* * *

В бумагах Эдельмана имелась одна странность. Цифры словно бы не сходились. Может быть, сам Браун вел записи с ошибками. В любом случае с арифметикой было не все в порядке. Были довольно большие суммы денег без отчетных документов. Постоянным фактором в расчетах Брауна были триста тысяч, которые они нашли в конторском сейфе Эдельмана. С точки зрения Брауна, это означало по крайней мере *одну* сделку за наличный расчет. А может быть, *серию* сделок, тысяч по пятьдесят, что позволяло накапливать в сейфе перед…

Перед чем?

В соответствии с балансами по его банковским счетам и погашенными чеками Эдельман за последний год не вносил крупных депозитов и не снимал со счетов крупных сумм. Значительные расходы были связаны с его поездками в Амстердам, Цюрих, в другие европейские города: авиабилеты, гостиницы, чеки, выписанные торговцам драгоценных камней в голландской столице. Но покупки, которые он делал (он в конце концов занимался куплей-продажей драгоценных камней), были относительно малыми: пять тысяч долларов на это, десять тысяч на то, сравнительно крупный чек на двадцать тысяч долларов, выписанный на имя одной голландской фирмы. Последующие банковские депозиты здесь, в Америке, казалось, означали, что у Эдельмана была хорошая, если не показательная, прибыль от каждой сделки за границей.

Из того, что просмотрел Браун, следовало: Эдельман делал дело на двести-триста тысяч в год. Облагаемый налогом доход еще не был исчислен — пока еще шел февраль, и время оставалось до 15 апреля, — но свой последний доход, который он показал, был валовой доход 265 523,12 доллара за год и облагаемый налогом доход 226 523,12 после допустимых отчислений и затрат. При помощи простейших расчетов Браун установил, что Эдельман отчислил около 15 процентов от своего валового дохода. С «дядей Сэмом» он старался быть осторожным: сумма налога составила 100 700,56 доллара. Чек, выписанный 14 апреля прошлого года, показывал, что Эдельман полностью выполнил свои обязательства перед правительством — по крайней мере по доходу, в котором отчитывался.

Брауна беспокоили триста тысяч долларов наличными.

Он устало обратился вновь к документам, которые они извлекли из банковского сейфа Эдельмана для хранения ценностей.

* * *

Клинг долго смотрел на телефон.

Неужели она плакала?

Он не хотел доводить ее до слез, он почти не знал ее. Он подошел к окну и стал смотреть на машины, которые равномерно двигались через мост, их фары светились в ночи. Опять падал снег. Когда же перестанет идти снег? Он не хотел доводить ее до слез. Что же было с ним *не так?* Все дело в Огасте, подумал он и снова лег.

Конечно, если бы он мог забыть ее, было бы проще. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Но как забыть, если ее лицо смотрело на него отовсюду? Обычно, если люди разводились и у них не было детей, они на самом деле после суда больше не попадались друг другу на глаза. Постепенно забывали друг друга. Иногда забывалось даже *хорошее* , что было… Ну, хорошего в этом мало, но таково естество зверя, имя которого *«развод». С* Огастой было иначе. Огаста была моделью. Нельзя было пройти мимо уличного лотка с журналами и не увидеть ее лица хотя бы на одной обложке. И каждый месяц печатались новые издания с ее фотографиями. Нельзя было включить телевизор и не увидеть ее в рекламе шампуней для волос (у нее были прекрасные волосы), в рекламе зубной пасты или лака для ногтей, как на прошлой неделе. Огаста играла пальцами с длинными ярко-красными ногтями, словно обмакнула их в свежую кровь, и улыбалась своей ослепительной улыбкой. Ах, какая у нее улыбка! Дошло до того, что он больше вообще не включал телевизор, опасаясь, что Огаста прыгнет на него с экрана, его начнут мучить воспоминания, и к горлу подступит комок.

Он лежал, не раздеваясь, на кровати в маленькой квартирке, которую снимал в доме около моста. Он лежал, подложив руки под голову, повернувшись к окну, чтобы видеть, как по мосту в сторону Калмз-Пойнт движутся машины — едут из театров, подумал он, после спектаклей. Театралы разъезжаются по домам. Парочками. Он глубоко вздохнул.

Его пистолет лежал в кобуре на комоде.

Он часто думал про пистолет.

Когда бы он ни думал про Огасту, он всегда вспоминал про пистолет.

Он не знал, почему он позволил Брауну взять все эти бумаги домой. Он и сам посмотрел бы их, чтобы занять голову и не думать про Огасту или про пистолет. Он знал, что Браун ненавидит бумажную работу. Он с радостью освободил бы его от этой тягомотины. Но Браун ходил вокруг него на цыпочках. Все ходили вокруг него на цыпочках в последнее время. Все отлично, Берт, не утруждай себя лишним. Иди и отдыхай. Я со всем этим закончу к утру, и тогда мы поговорим, ладно? Словно умер кто-то очень близкий. Все знали, что кто-то умер, и чувствовали себя неловко перед ним. Точно так же, как люди чувствуют неловкость перед тем, кто оплакивает утрату; не знают, где держать руки, что сказать в утешение. Всем от этого будет хорошо, не только ему одному, если он просто возьмет пистолет и…

Ну, довольно, подумал он.

Он повернул голову на подушке и поглядел на потолок.

Он знал свой потолок наизусть. Он знал каждую трещинку, каждое пятнышко грязи, каждую паутинку. Некоторых людей он не знал так, как знал потолок. Иногда, когда он думал про Огасту, потолок застилал туман — это наворачивались слезы. Если он возьмется за пистолет, то надо будет стрелять под правильным углом, чтобы не повредить потолок — вместе со своим черепом. Он улыбнулся. И потом ему пришло в голову, что тот, кто улыбается, едва ли станет грызть табельный пистолет. Ну, пока еще, во всяком случае.

Черт возьми, да не хотел он доводить ее до слез! Берт резко выпрямился, взял телефонный справочник на приставном столике, полистал, не надеясь найти ее номер, и потому не удивился, когда не нашел. В теперешнее время, когда воры выходят из тюрьмы через пять минут после того, как их туда засадили, не слишком многие сотрудники полиции желают, чтобы номера их домашних телефонов указывались в телефонных справочниках. Он набрал номер отдела связи, номер, который он знал наизусть, и попросил клерка, взявшего трубку, чтобы его соединили с добавочным «12».

— Справочный отдел департамента полиции, — сказал женский голос. — Что вам угодно?

— Хочу узнать домашний телефон сотрудника полиции, — сказал Клинг.
— Кто звонит: полицейский?
— Да.
— Назовите ваше имя, пожалуйста.
— Бертрам А. Клинг.
— Ваше звание и номер значка, будьте любезны.
— Детектив третьей степени, 74579.
— Интересующий вас абонент?
— Эйлин Берк.
Возникла пауза.
— Это шутка? — спросила женщина.
— Шутка? Что вы имеете в виду?
— *Она* звонила десять минут назад и спрашивала *ваш* номер.
— Мы вместе работаем над одним делом, — сказал Клинг и подумал: «Зачем я лгу?»
— Она *позвонила* вам?
— Позвонила.
— Почему вы тогда не спросили, какой у нее номер?
— Я забыл, — сказал Клинг.
— Это не служба знакомств, — сказала женщина.
— Я сказал вам: мы вместе работаем над одним делом, — сказал Клинг.
— Конечно, — сказала женщина. — Обождите.

Он принялся ждать. Он знал, что она проверяет его по компьютеру. Проверяет, можно ли ему доверять. Он посмотрел в окно. Снег шел еще гуще. Ну, давай же, подумал он.
— Алло! — сказала женщина.
— Я все еще здесь, — сказал Клинг.
— Наши компьютеры вышли из строя, мне пришлось искать вручную.
— Ну, я настоящий полицейский? — спросил Клинг.
— Кто же теперь знает? — сказала женщина. — Вот номер. Ручка есть?

Он записал номер, поблагодарил ее и затем нажал на рычаг на аппарате. Он отпустил рычаг, услышал гудок, приготовился набирать номер и заколебался. Что я собираюсь делать? — спросил он себя. Ничего я не собираюсь делать. Я еще не готов открыть страницу нового романа. Он положил трубку на аппарат.

*** * ***

Содержимое банковского сейфа Эдельмана и в самом деле оказалось очень интересным. В конце концов Браун пришел к заключению, что «камушки» и «ледышки» были для Эдельмана просто хобби по сравнению с тем, что представлялось его настоящим бизнесом — накоплением недвижимости в различных странах. Сделки с землей, покупка домов и офисных зданий в таких различных странах, как Италия, Франция, Испания, Португалия и Англия, относились как ко времени пятилетней давности, так и к сравнительно недавнему времени — шесть месяцев назад. Только в июле прошлого года Эдельман купил сорок тысяч квадратных метров земли в местечке под названием Порто-Санто-Стефано за двести миллионов итальянских лир. Браун не знал, где находится Порто-Санто-Стефано. Он также не знал, какой был курс итальянской лиры шесть месяцев назад. Но, глянув на финансовые страницы утренней городской газеты, он увидел, что текущий курс составляет сто лир за двенадцать центов США. Браун не знал, как менялся обменный курс за последние шесть месяцев. Но если брать сегодняшний курс, то Эдельман потратил примерно двести сорок тысяч долларов на покупку земли.

Очень хорошо, подумал Браун. Предположим, кто-то хочет купить оливковую рощу в Италии. Очень хорошо, закон не запрещает. Но где тогда погашенный чек, будь то в долларах США или в итальянских лирах, за сделку, которую Эдельман совершил в Риме

восьмого июля прошлого года? Двести сорок тысяч долларов — даже больше, если принять в расчет также уплату официальных пошлин, конечные издержки и налоги, перечисленные в итальянском заключительном балансе, — переходили из рук в руки в июле.

Откуда взялись двести сорок тысяч долларов?

* * *

Клинг ходил по комнате взад-вперед. Он должен извиниться перед ней, так? Или не должен? Какого черта, подумал он, снова взял трубку и набрал ее номер.

— Алло! — повторила она. Голос ее был тихий и словно заплаканный.

— Это Берт, — сказал он.

— Алло, — сказала она. Таким же тихим заплаканным голосом.

— Берт Клинг, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел обижать тебя.

— Очень хорошо, — сказала она.

— Мне и в самом деле очень жаль.

— Все в порядке.

Воцарилась долгая пауза.

— Ну, как ты? — спросил он.

— Отлично, — ответила она.

Опять воцарилась долгая тишина.

— У тебя холодно в квартире? — спросила Эйлин.

— Нет, все в порядке. Тепло и хорошо.

— Я замерзаю у себя, — сказала она. — Завтра с утра первым делом позвоню в мэрию. Ведь они не должны выключать отопление так рано, а?

— Ну, я думал, в одиннадцать.

— А что, уже одиннадцать?

— Уже почти полночь.

— Но они не должны ведь отключать его полностью на ночь?

— До шестидесяти двух градусов, по-моему.

— Радиаторы просто ледяные, — пожаловалась она. — Я накрываюсь четырьмя одеялами.

— Тебе нужно электрическое одеяло, — сказал Клинг.

— Я боюсь таких. Боюсь, от них бывают пожары.

— Не бойся, они достаточно безопасны.

— А у тебя есть электрическое одеяло?

— Нет. Но все говорят, что они безопасны. Ну, я просто хотел удостовериться, что с тобой все в порядке. И правда, извини, что…

— И прости меня. — Она помолчала. — Эта сцена называется «Извини-прости». Верно?

— Пожалуй.

— Да, вот такая сцена, — сказала она.

Они опять замолчали.

— Ну, — сказал он, — уже поздно. Я не хочу…

— Нет, не клади трубку, — сказала она. — Поговори со мной…

* * *

Когда Браун изучал покупные цены в различных документах Эдельмана, относящихся к недвижимости, и переводил французские франки, испанские песеты, португальские эскудо и английские фунты стерлингов в доллары США, ему стало очевидно, что Эдельман

занимался денежными операциями на общую сумму четыре миллиона за последние пять лет. Его *записанные* операции, покупки и продажи, покрытые различными чеками и последующими депозитами, составили примерно 1 275 000 долларов за тот же период. Таким образом, оставалось еще почти три миллиона долларов, не показанных в балансе и не обложенных налогами.

Поездки в Цюрих — пять только за последний год — вдруг стали понятны, если учесть, что единственными расходами были еда и проживание в гостинице. Эдельман явно не вел никаких дел в Цюрихе, во всяком случае, связанных с *камнями* . Тогда зачем он ездил туда? И почему за его поездками неизбежно следовали кратковременные заезды в *другие* города на континенте? Его маршруты, восстановленные с помощью чеков в каждом городе, казалось, следовали одной и той же схеме: Амстердам, Цюрих, Париж, Лондон, иногда с заездом в Лиссабон. Браун понял, что поездки Эдельмана в Цюрих были продиктованы не столько желанием посетить Альпы, сколько желанием проверить свои деньги.

Не было возможности выяснить, имелся ли у него счет в швейцарском банке. Швейцарские банкиры умеют хранить тайну вкладов. Может быть, *миссис* Эдельман знала что-то еще о различных поездках мужа за границу и о его владении (только на *его* имя, как заметил Браун) недвижимостью в пяти зарубежных странах? Может быть, *она* знала, почему Цюрих был необходимой остановкой во всех его поездках? Или, может быть, перед фактом самого рядового случая уклонения от налогов она станет утверждать, что она «невинная супруга», которая ничего не знает о делах мужа? Может быть, действительно не знает.

В любом случае покойник представлялся преуспевающим коммерсантом по купле-продаже драгоценных камней: он вел честные записи о камушках, которые покупал здесь и там, отчислял оперативные расходы из своих небольших прибылей и затем платил сборщику налогов то, что полагалось платить из чистого дохода. В то же самое время покойник тратил огромные суммы живыми деньгами на необъявленную покупку камней за границей, перепродавал камни в США, получал за них наличные деньги, опять не объявляя своих сделок, и затем тратил свои огромные доходы не только на покупку новых камней с целью перепродажи, но также и на покупку недвижимости. Не надо быть финансовым гением: любой человек понимает, что сейчас на рынке недвижимости, когда цена рассрочки при покупке дома — астрономическая, покупателя особняка или квартиры, имеющего живые деньги, встретят с распростертыми объятиями в любой точке земного шара. Эдельман азартно скупал недвижимость. Его главным интересом было накопление миллионов долларов, о которых он не собирался докладывать «дяде Сэму».

Браун потянулся к аппарату на столе и набрал домашний номер Клинга.

Телефон был занят.

* * *

Она попросила не класть трубку, попросила поговорить с ней. И теперь он не знал, о чем говорить. Пауза затягивалась. С улицы он услышал отчетливое завывание сирены кареты «Скорой помощи» «911» и представил себе, что какой-то дурак спрыгнул с моста или упал на рельсы метро.

— Тебе бывает страшно? — спросила она.

— Да, — ответил он.

— Я имею в виду — на работе.

— Да.

— Мне страшно, — сказала она.

— Чего ты боишься?

— Завтрашней ночи.

— Опять операция «Медсестра»?

— Да.

— Ну, просто…

— То есть я всегда немножко боюсь, но не так, как в этот раз. — Она поколебалась. — Он выколол глаза одной из них, — сказала она. — Одной из медсестер, которую изнасиловал.

— О Боже! — сказал Клинг.

— Да.

— Ну, что тебе делать?.. Просто быть осторожней, вот и все.

— Да, я всегда осторожна, — сказала она.

— Кто тебя страхует на этот раз?

— Двое. У меня их двое.

— Ну, это хорошо.

— Абрахамс и Макканн. Знаешь их?

— Нет.

— Они из участка китайского квартала.

— Я с ними незнаком.

— Вроде они нормальные ребята, но… Они же не могут *прилепиться* ко мне, чтобы не отпугнуть того, кого мы пытаемся отловить.

— Да, но они будут рядом, если понадобятся.

— Ясное дело.

— Конечно, будут.

— Сколько нужно времени, чтобы выколоть глаза? — спросила она.

— Не думай об этом. Лишнее волнение тебе не поможет. Просто постарайся ни на минуту не выпускать пистолет из рук. Вот и все.

— Он будет в сумочке.

— Ну, там, где ты его спрячешь.

— В сумочке.

— Старайся не выпускать его из рук. И положи палец на предохранитель.

— Да, я всегда так делаю.

— Ну, и не помешает запасной пистолет.

— Куда мне положить запасной?

— Прикрути к щиколотке. Надень широкие брюки. Медсестрам разрешают носить широкие брюки?

— Да, конечно. Но тут нужно показывать ножки. Я буду в форме медсестры. Ну, как в платье. В белой форме.

— Что ты имеешь в виду? Тебе велели надеть платье?

— Прости…

— Ты сказала: нужно показывать ножки…

— Ну, психам. Им нужно показывать ножки, краешек попки. Надо покрутить задом, выманить их из кустов.

— А, ясно, — сказал Клинг.

— На мне будет накрахмаленный халат, белая шапочка, белые колготки и большой черный плащ. Я уже примеряла, он будет ждать меня в больнице, когда я приеду туда завтра вечером.

— В котором часу это будет?

— Когда я приеду в больницу или когда я выйду?

— И то и другое.

— Я должна быть там в одиннадцать. А в парк я выйду сразу после полуночи.

— Ну, будь осторожна.

— Конечно.

Они помолчали.

— Может быть, я запихну его в лифчик или еще куда-нибудь. Запасной.

— Да, раздобудь себе один из этих маленьких пистолетов…

— Да, в роде «дерринджера»…

— Нет, такой тебе не поможет. Возьми лучше «браунинг» или «бернарделли» — это карманное автоматическое оружие тебе больше подойдет.

— Да, — сказала она. — И суну его в лифчик.

— Как запасной.

— Да.

— Можешь купить себе такой в любом месте, — сказал Клинг. — За тридцать-сорок долларов.

— Но ведь это мелкокалиберные пистолеты, а? — спросила она. — Двадцать второго калибра? Двадцать пятого?

— Калибр ничего не значит. Двадцать второй калибр может нанести больше повреждений, чем тридцать восьмой. Когда президент Рейган был ранен, все говорили, что ему повезло: пуля была двадцать второго калибра. Но это ошибка. Я разговаривал с этим парнем из отдела баллистики… Ты знаешь Дорфсмана?

— Нет, — сказала Эйлин.

— В общем, он сказал мне, что человеческое тело — это как комната с мебелью. Если прострелить стену пулей тридцать восьмого или сорок пятого калибра, то пуля пролетит через комнату и пробьет другую стену. Но если выпустить пулю двадцать второго или двадцать пятого калибра, то у нее не хватит силы пробить другую стену, понимаешь? Она ударится об диван, отлетит и разобьет люстру, то есть внутренние органы: сердце, почки, легкие. Маленькая пуля рикошетит туда-сюда и наносит огромный ущерб. Так что не думай про калибр. Маленький пистолет может нанести большие повреждения.

— Да, — сказала Эйлин и поколебалась. — Но мне все-таки страшно, — призналась она.

— Не бойся. У тебя все получится.

— Может быть, это из-за того, что я рассказала тебе вчера, — сказала она. — Мои фантазии. Я никогда никому не рассказывала о них. Теперь я чувствую, словно я испытываю Бога. Потому что я произнесла это вслух. О том… Ну, знаешь… О желании быть изнасилованной.

— Ну, *на самом деле* ты не хочешь, чтобы тебя насиловали.

— Я знаю.

— Так что это не имеет значения.

— Разве как игра, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Я про изнасилование.

— А-а.

— Ну, ты знаешь, — сказала она. — Ты срываешь с меня трусики и лифчик, я немножко сопротивляюсь… Примерно так. Делаю вид.

— Ну да, — сказал он.

— Для обострения удовольствия, — сказала она.

— Ну да.

— Не по-настоящему.

— Нет, конечно.

Она долго молчала.

— К сожалению, завтра вечером это будет по-настоящему, — наконец произнесла она.

— Возьми с собой запасной пистолет, — повторил Клинг.

— Возьму, не беспокойся.

— Ну, — сказал он, — я думаю…

— Нет, не клади трубку, — попросила она. — Поговори со мной.

И он опять не знал, что говорить.

— Расскажи мне, что случилось, — сказала она. — Про развод.

— Я не уверен, что хочу этого, — рассердился он.

— Но ты расскажешь когда-нибудь?
— Может быть.
— Ну, только если захочешь, Берт… — Она заколебалась. — Спасибо тебе. Я чувствую себя получше.
— Хорошо, — сказал он. — Послушай, если ты хочешь…
— Да?
— Позвони мне завтра вечером. Когда придешь. Когда все кончится. Дай знать, как прошло, ладно?
— Это может оказаться очень поздно.
— Я не сплю допоздна.
— Ну если хочешь.
— Да, я хочу.
— Это будет после полуночи, ты знаешь.
— Отлично.
— Может быть, позже, если возьмем его. Потом надо будет зарегистрировать…
— Все равно когда, — сказал Клинг. — Позвони в любое время.
— Ладно, — сказала она. — Хорошо.
— Ну, спокойной ночи, — сказал он.
— Спокойной ночи, Берт. — Она повесила трубку.
Он тоже положил трубку. Телефон тотчас зазвонил снова. Клинг сразу снял трубку.
— Алло! — сказал он.
— Берт, это Арти, — сказал Браун. — Ты не спал?
— Нет.
— Я не мог дозвониться целых полчаса. Я подумал, что у тебя плохо лежала трубка. Хочешь послушать, что я нашел?
— Выкладывай, — сказал Клинг.

Глава 13

Было девять утра, и четыре детектива собрались в кабинете лейтенанта, чтобы осмыслить то, что они уже знали. За ночь выпало шесть дюймов снега, и во второй половине дня опять ожидался снегопад. Бернс подумал, что, наверно, такой обильный снег идет на Аляске. Или наоборот: даже на Аляске не бывает таких снегопадов… Детективы рассказали ему все, что знали, а он тем временем делал заметки на листе бумаги. Вначале говорили Мейер и Карелла, затем — Клинг и Браун. Теперь Бернс чувствовал, что он должен произнести магические начальственные слова, которые в мгновение ока свяжут все детали в единую логическую цепь. Ему, однако, еще не приходилось произносить волшебных заклинаний.
— Итак, Квадрадо опознал девушку? — спросил он.
— Да, Питер, — сказал Мейер.
— Салли Андерсон?
— Да, Питер.
— Ты показал ему ее фотокарточку вчера днем?
— Четыре карточки, — сказал Мейер. — Ее и еще три, которые мы вытащили из дел. Все блондинки.
— И он выбрал *нашу* Андерсон?
— Да.
— И он сказал, что одно время она жила с Лопесом и снабжала его кокаином?
— Да.
— Он узнал это от кузины, так? От девушки, которую зарезали?
— Только про кокаин. Остальное рассказал он сам.
— О том, что Лопес с девушкой жили вместе?

— Мы проверяем, Питер. Мы нашли дом, в котором Лопес прежде жил, по соседству с аптекой на углу Эйнсли и Шестой, и смотритель подтвердил, что наша Андерсон жила с ним примерно до августа.

— Когда начали репетировать «Жирную задницу».

— Точно.

— Ну, вот и связь, которую мы искали, — сказал Бернс.

— Если она правильная, — сказал Мейер.

— Что же здесь неправильного?

— Одна из танцовщиц в шоу говорила, что Андерсон отправлялась каждое воскресенье в сторону окраины *покупать* кокаин.

— Ну, а теперь представляется так, что она ездила туда *продавать* кокаин, — сказал Карелла.

— Это две большие разницы, — сказал Мейер.

— И Квадрадо получал «дурь» от кузины, так? — спросил Бернс.

— Да.

— Можно этому верить?

— Пожалуй.

— Он сказал, что девушка отправлялась туда каждое воскресенье продавать кокаин Лопесу, так?

— Плюс любовные утехи, — сказал Мейер.

— Как это увязывается с тем, что говорил ее дружок? — спросил Бернс.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Карелла.

— В одном из наших донесений… Где же оно? — воскликнул Бернс и принялся шуршать бумагами на столе. — Он не говорил что-нибудь про деликатесы? Про девушку, которая покупала по воскресеньям деликатесы?

— Верно, но она могла убивать сразу двух зайцев…

— Вот, — сказал Бернс и стал читать вслух: — «Мур интерпретировал слово *„Дел“* в календаре-ежедневнике как…»

— Верно, — сказал Карелла.

— «Деликатесы от Коэна», на углу Стем и Северной Роджерс, куда она ходила покупать лососину, печенье «бейгели» и прочее каждое воскресенье.

— Это не исключает, что потом она не отправлялась еще куда-нибудь дальше, чтобы передать кокаин Лопесу.

— Он ничего не знал об этом, так? Дружок ее?

— Про кокаин? Или про то, что она продолжала развлекаться с Лопесом?

— И про то, и про другое, — сказал Бернс.

— Он сказал нам, что у нее не было других мужчин, и еще он сказал, что она употребляла травку и ничего более.

— Можно доверять ему? — спросил Бернс.

— Он вывел нас на операцию с театральным «льдом», — сказал Мейер.

— Ваше мнение об этом? — спросил Бернс. — Есть связь с убийствами?

— Мы не думаем. Андерсон участвовала в операции с театральным «льдом» только один раз.

— Вы продвигаетесь по этому вопросу?

— Доказательств нет, — сказал Мейер. — Но мы предупредили Картера.

— Не сомневаюсь, что это принесет огромную пользу, — вздохнул Бернс. — А как насчет Эдельмана? — спросил он Брауна. — Ты уверен, что правильно разобрался в его бумагах?

— Трижды перепроверил, — сказал Браун. — Он нагревал «дядюшку Сэма», это точно. И «отмыл» кучу денег за последние пять лет.

— Благодаря скупке недвижимости за рубежом?

— Да, — кивнул Браун.

— И ты думаешь, что на это предназначались деньги в сейфе?
— Да, для его следующей поездки туда.
— Не представляешь себе, когда он собирался туда ехать?
— Жена его сказала, что в следующем месяце.
— Так что он откладывал деньги до того времени, так?
— Да, это выглядит примерно так, — сказал Браун.
— Где он вдруг раздобыл триста тысяч? — спросил Бернс.
— Может быть, и не вдруг, — сказал Клинг. — Может быть, на это ушло какое-то время. Давайте предположим, что он возвращается из Голландии с пластиковым пакетиком алмазов под мышкой и продает их по частям: на шестьдесят тысяч одному, на пятьдесят тысяч другому.
— И потом он едет в Цюрих, чтобы положить деньги на счет в швейцарском банке, — сказал Браун.
— До тех пор, пока он не будет готов купить еще драгоценных камней или еще недвижимости, — сказал Клинг.
— Отлично, — сказал Бернс. — Это прекрасная схема. Но как она увязывается с двумя другими убийствами?
— С тремя, если считать вместе с убийством мисс Квадрадо.
— Ее зарезали, — сказал Бернс. — Давайте лучше сосредоточимся на тех убийствах, где был использован один и тот же ствол. Есть какие-нибудь мысли?
— Мы усматриваем только одну связь между Лопесом и девушкой. И даже эта связь… — Клинг покачал головой. — Мы говорим о мелочах, Питер. У Лопеса был ряд клиентов, и девушка, возможно, снабжала его… чем? Унция в неделю — самое большее? Если взять то, что она продавала коллегам по шоу, все равно получается очень мелкая торговая операция. За что же убивать ее? Или Лопеса? Какой мотив?
— Может быть, это все-таки был псих, — сказал Бернс и вздохнул.
Остальные промолчали.
— Если это псих, — сказал Бернс, — то мы ничего не можем предпринять, пока он не сделает следующий ход. Если он прикончит посудомойку в Маджесте или водителя грузовика в Риверхеде, тогда мы будем знать, что жертвы нашего убийцы — случайные люди.
— Благодаря чему связь между Лопесом и Андерсон…
— Станет случайной, правильно, — сказал Бернс. — Если жертвой следующего убийства станет посудомойка или водитель грузовика.
— Мне не нравится ждать, когда появится следующий труп, — проворчал Мейер.
— А я не верю в совпадения, — сказал Карелла. — Особенно в такое, когда и Лопес, и Андерсон торгуют кокаином. В любом другом случае я бы сказал: конечно, преступник совершил одно убийство здесь, другое — ближе к окраине, третье — снова здесь. Он перемещается по городу из одного участка в другой и подстреливает любого, кто попадется ему ночью. Но с кокаином случай другой, Питер.
— Ты только что сказал, что торговля кокаином не превышала масштабов мелкой операции, — сказал Бернс.
— Но все равно это кокаин, — сказал Карелла.
— Лопес был единственным человеком, кого она снабжала? — спросил Бернс.
Остальные поглядели на него.
— Или это была более крупная операция, чем мы знаем?
Они промолчали.
— Где девушка брала порошок? — спросил Бернс. Он коротко кивнул. — Здесь чего-то не хватает, — сказал он. — Найдите отсутствующее звено.

* * *

Эмма с братом Антонием праздновали удачу заранее.

Он купил бутылку дорогого вина, и они теперь сидели и выпивали за успех предприятия. Эмма тоже прочла письмо и пришла к тому же заключению: писавший был поставщиком Салли Андерсон. Это явствовало из письма.

— Он покупает восемь килограммов кокаина, — сказал брат Антоний, — пускает в продажу и получает за него вдвое против того, что потратил.

— К тому времени, когда кокаин попадет на улицу, — сказала Эмма, — кто знает, сколько он будет стоить?

— Нужно отдавать себе отчет, что он изменяется, когда его передают вниз по цепочке. К тому времени, когда его получит потребитель, останется лишь 10 — 15-процентная концентрация. А эти восемь килограммов, что он купил… Похоже на любителя, верно? Тот факт, что он отправился *один* , имея с собой четыреста тысяч *наличными…*

— Точно, — сказала Эмма.

— Ну, и мы тоже, в общем, любители, — сказал брат Антоний.

— Но ты очень щедр, — улыбнулась Эмма.

— Как бы то ни было, к тому времени, когда эти восемь килограммов попадут на улицу, их уже так разбавят, что вместо них появится тридцать два килограмма на продажу. Обыкновенно потребитель наркотиков даже не знает, *что* он получает. Половина кайфа, который он чувствует, происходит от сознания, что он заплатил так много за свой грамм.

Эмма снова заглянула в письмо.

«Первое, что мне хочется сделать, это отпраздновать, — читала она. — Наверху Фримонт-Билдинг есть новый ресторан, и я хочу пойти туда в субботу вечером. Очень элегантный, очень респектабельный. И, пожалуйста, никакого нижнего белья, Салли. Я хочу, чтобы ты выглядела стильно и скромно, но без белья, поняла? Как в тот раз, когда мы обедали в заведении „У Марио“ в Квортере, помнишь? Потом, когда придем домой…» — Эмма пожала плечами. — Ну, дальше всякое сюсюканье, — сказала она.

— У девушки было больше трусиков и лифчиков, чем в магазине дамских штучек, — сказал брат Антоний. — Полный ящик.

— И он просит не надевать их вообще! — воскликнула Эмма и покачала головой.

— Я куплю тебе одну из этих балетных юбчонок, — пообещал брат Антоний.

— Спасибо, сэр, — расплылась в ухмылке Эмма.

— Как по-твоему, почему она сохранила это письмо? — спросил брат Антоний.

— Потому что это любовное письмо, — пожала плечами Эмма.

— Тогда почему она спрятала его в воротнике куртки?

— Может быть, она была замужем.

— Нет.

— Или у нее был другой парень.

— Я думаю, она приберегла письмо, чтобы прижать его к стенке, если возникнет необходимость, — предположил брат Антоний. — Я думаю, что письмо было ее страховкой. Доказательством, что он купил восемь килограммов кокаина. Любитель, — сказал он и покачал головой.

— Попробуй позвонить ему еще раз.

— Да, пожалуй. — Брат Антоний задумчиво встал, подошел к телефону, взял клочок бумаги, на котором ранее нацарапал номер, найденный в телефонной книге, и набрал его.

Эмма смотрела на него.

— Долгие гудки, — сказал он.

Она продолжала смотреть на него.

— Алло! — сказал голос на другом конце провода, и брат Антоний тотчас повесил трубку.

— Он дома.

— Хорошо, — улыбнулась Эмма. — Ступай к нему, дорогой.

* * *

Во вторник в десять минут второго полицейские 87-го участка сидели за столом, закусывали и совещались. Ирония ситуации заключалась в том, что брат Антоний уже нашел «отсутствующее звено», столь важное для их расследования. Он опередил их на несколько шагов, пока они жевали копченую говядину «пастрами» с ржаным хлебом, тунца с белым хлебом, колбасу и перцы с булкой, ветчину на тостах, пока пили кофе из картонных стаканчиков — все это они принесли из соседней столовой. Кстати, Мисколо такого не одобрял: он считал, что все должны пить кофе, который он бесплатно варит в канцелярии. Итак, они жевали сандвичи и обсуждали, как найти отсутствующее звено. А брат Антоний проезжал рядом в метро.

— Думается, что лейтенант прав, — сказал Мейер. — Надо еще раз прощупать контакты мисс Квадрадо.

— Разве что она готовилась унаследовать ремесло Лопеса, — сказал Клинг.

— Но не поэтому убили Лопеса, — сказал Карелла. — Из-за такого мелкого ремесла не убивают. Это не колумбийская мафия…

— Почему ты так думаешь? — спросил Браун.

— Потому что мафия даже не плюнет в сторону дилера граммов вроде Лопеса.

— Прошу не произносить такие слова за едой, — сказал Мейер.

— Извини, — сказал Карелла и поднес ко рту свой сандвич с колбасой и перцами.

(Если подходить к выбору закуски с этнической точки зрения, то вот что мы наблюдаем: Мейер ел «пастрами», Клинг поглощал тунца, а Браун жевал ветчину.)

— Ладно, давайте пощупаем контакты погибшей Квадрадо, — сказал Клинг.

— И начнем с Салли Андерсон, — сказал Мейер. — О ней мы знаем больше, чем о других жертвах…

— Ну, это неправда, — сказал Браун.

— *Относительно* больше, — пробурчал Мейер с набитым ртом.

— Относительно, ладно, — согласился Браун. — Но не забывай про триста тысяч в сейфе Эдельмана.

— Ты проделал хорошую работу, — ухмыльнулся Мейер. — Хочешь получить медаль?

— Хочу стать детективом первой степени, — хохотнул Браун.

— Сделай его детективом первой степени, — сказал Мейер Карелле.

— Ты уже стал им, — сказал Карелла.

— Но здесь эта девушка… — начал Мейер.

— О ком мы говорим? — спросил Клинг. — О мисс Квадрадо или о мисс Андерсон?

— Об Андерсон. Она является туда каждое воскресенье после того, как покупает деликатесы у Коэна, и прыгает в постель с Лопесом…

— Ну, этого мы не знаем наверняка, — сказал Карелла.

— Это не важно: спала она с ним или нет, — сказал Клинг. — Что важно…

— Важно, что она приходила туда продавать ему кокаин, — сказал Мейер. — По-твоему, я не знаю, что это самое важное?

— И ее дружок не подозревал об этом, — сказал Карелла.

— Ее дружок вообще мало что знал, — напомнил Браун. — Ведь он думал, что она все время занималась «льдом», верно?

— Да, — сказал Карелла.

— Он послал тебя на охоту за дикими гусями, — сказал Браун.

— Не имеет значения, что он знал и чего не знал, — сказал Клинг. — Мы знаем, что она являлась туда *продавать* наркотик.

— *Предаваться* любовным утехам, — сказал Мейер, — и заодно *передать* унцию-другую кокаина. Прекрасно провести воскресенье.

— Забавно, что он ничего не знал об этом, — сказал Карелла.

— О ком мы говорим сейчас? — спросил Клинг.

— О Муре. О ее дружке.

— И о том, что она «утешалась» с Лопесом?

— Или о том, что носила туда кокаин. Об *этом-то* она должна была сказать ему, верно?

— Да, но не сказала.

— Если только он не обманул нас.

— С какой стати он стал бы врать про «лед»? — спросил Клинг.

— Кто говорит, что он соврал? — спросил Браун. — Может быть, он думал, что она действительно занималась театральными билетами постоянно?

— Да. Но это была только разовая сделка, — сказал Карелла. — Разве он не знал об этом? Ведь он практически жил с этой девушкой.

— Итак, есть две вещи, которые мы не понимаем, — подытожил Мейер.

— То, что она носила кокаин на окраину, — сказал Клинг. — И то, что она провернула только одну сделку с «ледяными» билетами.

— Три вещи, если учитывать также утехи с Лопесом.

— И еще он даже не знал, что она нюхала сама.

— Он говорил, что она только курила травку.

— Он практически жил с девушкой, но не знал, что она нюхает кокаин.

— И еще торгует им.

— Надо помнить, что тот человек с тремястами тысячами в сейфе был одной из жертв, — сказал Браун.

— Ну, ты опять про сейф, — возмутился Мейер.

— Ты думаешь, что такая сумма обычна для наркобизнесе? — поинтересовался Клинг.

— Я думаю, что у кого-то были такие деньги для передачи Эдельману. И я думаю, что в этом деле все-таки присутствует кокаин. Именно такие суммы денег возникают при торговле кокаином.

— Но не в мелкой розничной торговле, как у мисс Андерсон, — сказал Мейер.

— Это то, что мы *знаем.* — Карелла встал и стряхнул с колен крошки.

— У нас нет оснований полагать, что там было что-то еще, — сказал Мейер. — Если только…

— Да?

— Ладно, не важно. Я вспомнил…

— Да? Что?

— Он говорил, что они редко проводили вместе воскресенье. Дневное время. Он говорил, что в воскресенье она всегда бывала занята.

— Кто? — спросил Браун.

— Мур. Дружок.

— И что это означает?

— Занята *чем?* — спросил Мейер.

— Бегала за деликатесами, — сказал Клинг.

— И развлекалась с Лопесом.

— И продавала ему пакетик нюхательного порошка.

— И этим она была занята весь день, так? — спросил Мейер.

— Это могло бы занять девушку, — сказал Браун. — Даже один Лопес мог бы занять девушку надолго.

— Дело вот в чем, — сказал Мейер. — Если она была так занята все воскресенье…

— Да, — сказал Карелла.

— Что?

— Что же она тогда делала все это время? Она пишет в своем календаре «Дел» буквально каждое воскресенье, словно это что-то очень важное. Речь идет о том, чтобы поехать за деликатесами? Деликатесы от Коэна прекрасны, спору нет. Но так ли уж надо каждый раз записывать это к себе в *календарь?*

— Стив, она заносила в ежедневник буквально все. Визиты к психиатру, звонки матери Мура в Майами, уроки танцев, встречи с агентом. Почему не пометить деликатесы?

— Тогда почему она не написала просто «деликатесы»? Ты знаешь кого-нибудь, кто стал бы писать *«дел»* вместо *«деликатесы»?* Почему она писала «дел»?

— Почему? — спросил Браун.

— Не знаю почему, я просто спрашиваю.

— Мур сказал, что «дел» означает «деликатесы».

— Но оказалось, что показания Мура не так уж надежны? — сказал Клинг.

— Вначале он рассказывает нам, что она курила только травку. Затем — что она участвовала в *«ледяной»* операции Картера и ездила на окраину за деликатесами каждое воскресенье…

— Он был слишком занят, чтобы проверять ее передвижения.

— Слишком поглощен подготовкой к занятиям.

— Слишком поглощен взвешиванием сердец и печенок.

— Слишком занят.

— Ну, все были заняты.

— Чем? — спросил Браун.

— По воскресеньям?

— Ну да, чем была занята девушка по воскресеньям?

— Деликатесами и кокаином, — сказал Клинг и пожал плечами.

— И утехами с Лопесом.

— У Мура не было причин врать, — предположил Мейер. — Он скорее всего ошибался.

— И все же, — сказал Карелла. — Они были близки.

— Очень близки.

— Девушка даже звонила его матери каждую неделю.

— Милой богатой вдове в Майами.

— Но если они были так близки, то как же он мог ошибаться во всем этом?

— Кажется, он должен был быть в курсе.

— Значит, Майами? — сказал Браун.

— Что?

— Там живет его мать?

— Да.

— Майами, — снова сказал Браун.

— Что насчет Майами?

— Я все думаю про триста тысяч в сейфе Эдельмана…

— Забудь про сейф на минуту, пожалуйста.

— Но если *предположить… —* сказал Браун.

— Что предположить?

— Что эти триста тысяч — кокаиновые деньги.

— Ну, это притянутое предположение, — отмахнулся Клинг.

— Нет, обожди минуту, — сказал Карелла.

— Только оттого, что его мать живет в Майами…

— Из этого не следует…

— Он не *«латинос», —* сказал Мейер. — Если бы он отправился туда за кокаином…

— В любом случае с чем? — спросил Клинг. — Мы говорим про триста тысяч в сейфе. Чтобы получить такие деньги *здесь* , ему понадобилась бы по крайней мере *половина* для закупок в Майами.

— Его отец только что умер, — сказал Карелла.

— Когда? — спросил Браун.

— В июне. Он сказал нам, что унаследовал деньги: достаточно, чтобы открыть свою практику, когда закончит обучение.

— Сколько он унаследовал? — спросил Клинг. — Вспомни цифры, с которыми мы имеем дело. В сейфе мы нашли триста тысяч.

— Вот что нам представляется, — сказал Мейер и покачал головой. — Исходя из того, что мать Мура живет в Майами, нам представляется, что он поехал туда и потратил все, что ему оставил отец…

— Что здесь неправдоподобного? — сказал Браун. — На мой взгляд, это вполне допустимо.

— И накупил кокаина, — кивнул Карелла.

— Кучу кокаина, — сказал Браун. — Достаточно, чтобы за него при перепродаже получить триста тысяч.

— Которые попали в сейф Эдельмана.

— Он купил бриллианты у Эдельмана.

— Записи такой сделки не имеется.

— Они оба выходят чистыми. Мур «отмывает» деньги, покупая на них алмазы, а Эдельман «отмывает» наличность, покупая недвижимость в Европе.

— Замечательно, — сказал Мейер, — если ты так наивен, что для тебя Питер Пуш не сказочный герой, а живой кролик.

— В чем я ошибаюсь? — пошел в атаку Карелла.

— Во-первых, мы даже не знаем, сколько этот парень унаследовал. Десять тысяч? Двадцать тысяч? Если *вообще* сумма достигала такой величины. Далее нам представляется, что студент медфака мог познакомиться с крупными колумбийскими наркодельцами в Майами и сделать крупную покупку, не пострадав при этом.

— Возможно, — сказал Карелла.

— Возможно все, — сказал Мейер. — В полночь может выглянуть солнышко, например. А почему бы и нет? Нам также представляется, что он мог вступить в контакт с человеком, который торгует алмазами под прилавком…

— Ну хватит, — сказал Браун, — это самая простая часть истории. У нас в городе должны быть сотни таких, как Эдельман.

— Может быть, и так. Но даже если предположить, что все это имело место — Мур унаследовал кучу денег, вышел на контакт с наркодельцами в Майами, удвоил свои деньги, покупая чистый кокаин там и продавая его здесь по частям и разбавленный, отмывая деньги путем закупки камней… Давайте на минуту примем этот вариант, ладно?

— Звучит не так плохо, — согласился Карелла.

— И этот вариант объясняет, почему он *ошибался* в целом ряде вещей, — сказал Клинг.

— Замечательно, — улыбнулся Мейер. — Теперь объясните мне, как один человек может находиться в двух местах одновременно?

— Ты о чем? — спросил Карелла.

— Как он мог находиться поблизости от дома Андерсон, когда выстрелил в нее, и как он мог в то же время быть дома, готовиться к лекциям и слушать радио? Ты говорил с Лоэбом сам, Стив. Лоэб подтвердил, что всю ночь они звонили друг другу по телефону. Он сказал тебе, что у Мура работало радио, он сказал тебе…

Как раз в эту минуту в комнату детективов вошел Ричард Дженеро, в руке он держал свой маленький японский радиоприемник. Детективы умолкли и поглядели на него. Дженеро подошел к своему столу, поставил приемник, взглянул на открытую дверь кабинета лейтенанта — отсюда явствовало, что лейтенант не вернулся с обеда, — и включил радио на полную катушку.

— Ладно, — сказал Мейер. — Поехали.

* * *

Из квартиры доносилась очень громкая музыка. Брат Антоний постучал еще раз: может

быть, хозяин не услышал стука.

— Кто там? — раздался чей-то голос.

— Мистер Мур? — спросил брат Антоний.

— Секундочку, — произнес чей-то голос.

Музыка стала потише, человек в квартире уменьшил громкость. Брат Антоний услыхал шаги, приближавшиеся к двери.

— Кто там? — снова спросил голос у самой двери.

В этом городе двери не открывают неизвестным. Брат Антоний заколебался. Он не хотел ломать дверь.

— Полиция, — сказал брат Антоний.

— А-а. Обождите секундочку, пожалуйста, — сказал голос.

Он услышал, как шаги удаляются. Он приложил ухо к деревянной двери. В квартире что-то передвигали, перемещали… Он подумал, не сломать ли дверь в конце концов. Решил все-таки ждать. Снова послышались шаги у двери. Открывали запор, звенели цепочкой. Дверь отворилась.

— Мистер Мур? — спросил он.

Мур только взглянул на него и тотчас стал закрывать дверь. Брат Антоний нажал на дверь всем своим весом, открывая ее и отбрасывая Мура внутрь, в комнату. Брат Антоний ворвался в комнату, захлопнул за собой дверь и запер ее на засов. Мур стоял в нескольких футах, держась за плечо, в которое получил удар дверью. За его спиной на приставном столике стоял маленький радиоприемник и тихо играл. Брат Антоний решил, что, уходя, прихватит его с собой.

— Здесь еще кто-нибудь есть? — спросил он.

— Кто вы, черт возьми? — сказал Мур.

— У меня есть письмо, которое вы написали, — сказал брат Антоний.

— Какое письмо? О чем вы говорите?

— Из Майами. Адресовано девушке по имени Салли Андерсон. Той, что умерла, — сказал брат Антоний. — Упокой, Господи, ее душу.

Мур промолчал.

— Салли получала от вас кокаин. — Брат Антоний начал оглядывать комнату.

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Она получала от вас кокаин и продавала на окраине города, — сказал брат Антоний. — Пако Лопесу.

— Я не знаю никого по имени Пако Лопес.

— Но вы знаете Салли Андерсон, так? Вы написали ей в августе, что сделали большую покупку кокаина в Майами. Где теперь этот кокаин, мистер Мур? Кокаин, которым Салли торговала на окраине города.

— Я ничего не знаю ни про какой кокаин, который бы Салли…

— Мистер Мур, — тихо сказал брат Антоний, — я не хочу делать вам больно. Мы узнали имя Салли от дамы, которую звали Джудит Квадрадо. Нам пришлось сделать ей больно, потому что она медлила с ответами на наши вопросы.

— Кто это «мы»? — спросил Мур.

— Это не ваше дело! — гаркнул брат Антоний. — Ваше дело — сказать мне, где кокаин. Сейчас у вас только одно дело.

Мур поглядел на него.

— Да, мистер Мур. — Брат Антоний часто закивал головой.

— Ничего не осталось, — сказал Мур.

— Вы купили восемь килограммов…

— Где вы нашли это письмо? — недоверчиво спросил Мур. — Она сказала мне, что сожгла его!

— Значит, солгала. Как и вы сейчас, мистер Мур. Если все восемь килограммов ушли, тогда где то, что она продавала на окраине?

— Не все восемь, — сказал Мур. — Я продал шесть.

— А другие два?

— Я дал их Салли. Она взяла их отсюда, и я не знаю, где они.

— Вы отдали *два* килограмма кокаина? За которые вы заплатили сто тысяч долларов? Мистер Мур, вы несете чушь.

— Я говорю вам правду. Она была моей подружкой, я дал ей…

— Нет, — сказал брат Антоний.

— Что бы она ни сделала с товаром…

— Нет, мистер Мур. Вы не давали ей двух килограммов кокаина. Никто до такой степени не любит *никого* . Так где они?

— Салли взяла их отсюда. Оба килограмма, наверное, по-прежнему у нее в квартире. Если только полиция не забрала.

— Такая возможность остается, — сказал брат Антоний. — Но я могу сказать наверняка, что в квартире кокаина нет. Может быть, полиция забрала. Они же воры! — Брат Антоний улыбнулся. — Но не думаю. Не думаю, что вы выпустили из поля зрения кокаин на сумму сто тысяч долларов. Тем более что он здесь стоит вдвое дороже против того, что вы заплатили за него в Майами. Так-то. Ну, где он?

— Я сказал вам…

Внезапно брат Антоний схватил правую руку Мура своей правой рукой, притянул Мура к себе и затем положил левую руку сверху на руку Мура. Получился трехслойный сандвич из трех рук, серединой которого была рука Мура. Брат Антоний начал жать, и Мур закричал.

— Тсс! — предупредил брат Антоний и нажал еще сильнее. — Кричать не надо, а то люди услышат. — Он продолжал нажимать. — Я просто сломаю вам руку, если не скажете, где кокаин. Это для начала. Потом уже мы решим, что будем ломать дальше.

— Пожалуйста, — прошептал Мур. — Пожалуйста, отпустите…

— Кокаин, — сказал брат Антоний.

— В спальне, — сказал Мур, и брат Антоний выпустил его руку.

— Показывайте, — сказал он. — Как ваша рука? — заботливо спросил он, подталкивая Мура к открытой двери в спальню. На кровати стоял саквояж.

— Вы собирались куда-нибудь? — спросил брат Антоний.

Мур промолчал.

— Где это находится?

— В саквояже, — сказал Мур.

Брат Антоний взялся за застежки.

— Замок заперт, — сказал он.

— Я возьму ключ, — сказал Мур и пошел к комоду.

— Решили отправиться в небольшую поездку? — улыбаясь, спросил брат Антоний. Но улыбка застыла у него на губах, когда Мур открыл комод и повернулся с пистолетом в руке.

— Э-э… — только и сказал брат Антоний. Дважды нажал на курок студент Мур, и обе пули тридцать восьмого калибра попали брату Антонию в лицо: одна над левым глазом, другая раздробила зубы и верхнюю десну. Брат Антоний стал хвататься за воздух, пытаясь удержаться на ногах, и свалился на пол, к ногам Мура, как бесформенная коричневая куча.

Мур поглядел на него.

— Ах ты, сукин сын! — прошептал он, сунул пистолет за пояс, вышел из спальни в гостиную и затем в кухню. Теперь уже не было времени паковать вещи: выстрелы могли привлечь внимание соседей. Надо было сваливать отсюда поскорее, забрать бриллианты, взять оставшийся кокаин и — сваливать!

Он открыл дверцу морозильной камеры.

У задней стенки на полочке были две ванночки с кубиками льда. Он вытащил левую ванночку и включил горячую воду. Через несколько минут, когда вода стала горячее, он поставил ванночку под кран. Кубики стали таять. Казалось, они таяли бесконечно долго. Он

прислушивался к звукам в вестибюле: кто-то входил, кто-то выходил… А он все ждал, когда растает лед. Наконец он выключил кран, осторожно слил воду из ванночки в мойку и вынул разделительную пластмассовую сетку. На дне ванночки блестели мокрые бриллианты. Он высыпал их на полотенце для посуды и стал прижимать к ним край полотенца, чтобы высушить. И тут он услышал треск дерева. Он обернулся в сторону гостиной.

— Мур! — раздался чей-то крик.

Он вышел из кухни с пистолетом в руке. Взломав замок, в квартиру ворвались Карелла и Мейер. Мур узнал их, увидел, что оба вооружены, увидел позади них еще двоих вооруженных, белого и черного, но даже при этом был готов оказать сопротивление.

— Не надо, — тихонечко посоветовал Карелла.

И Мур прислушался к совету старшего.

Глава 14

В четверг к одиннадцати часам ночи они поняли, что он расскажет им только то, что захочет, и ничего больше. Вот почему он отказался от присутствия своего адвоката во время первого допроса. Вот почему он хорохорился, когда ему зачитывали его права. Вот почему он сказал им, что все связанное с наркотиками они найдут в его квартире, а также письмо, которое он написал в августе Салли Андерсон. Его не очень волновали обвинения в торговле наркотиками: он надеялся открутиться от ответственности за убийства. Они пытались найти подтверждение по четырем, может быть, по пяти случаям убийств, если он также убил мисс Квадрадо, — все это были убийства первой степени. А он хотел, чтобы ему было предъявлено обвинение в тяжком преступлении категории «фелония, класс А-1» — за хранение четырех-пяти унций наркотического вещества. По этой статье он мог получить от пятнадцати до двадцати пяти лет или пожизненное.

С хорошим адвокатом он мог бы добиться смягчения категории преступления до «фелонии, класс А-2»: по этой статье дают минимум три года, и есть надежда выйти на свободу через два. Что касается убийства брата Антония, он говорил о самообороне и надеялся избежать наказания. *Они* же стремились приговорить его к последовательным срокам заключения по меньшей мере за четыре убийства. *Он* надеялся выйти на свободу в самое ближайшее время. У них были различные устремления и различные версии событий, происходивших в последние девять дней.

— Мы хотим послушать вас еще разок, — сказал Карелла.

— Сколько раз я должен пересказывать? — спросил Мур. — Может быть, мне следовало пригласить адвоката?

— Вы еще можете это сделать, — посоветовал Карелла, помечая в записях, что Мур сообщил все эти сведения по доброй воле. Они сидели в комнате для допросов. На столе, между четырьмя детективами и Муром, верещал магнитофон. С того места, где сидел Карелла, он видел зеркало на стене, за спиной Мура. В смотровой комнате за стеной никого не было.

— Зачем мне нужен адвокат? — спросил Мур. — Я признаю связь с кокаином. Вы нашли кокаин, вы поймали меня на кокаине.

— Два килограмма кокаина, — напомнил Мейер.

— Меньше двух, — сказал Мур.

— Но вы купили восемь килограммов в Майами. Это письмо, которое вы написали…

— Ах, не надо было писать! — вздохнул Мур.

— Но вы написали.

— Я молчу, — сказал Мур.

— И убийство вы совершили, — сказал Клинг.

— Я убил человека, который вошел в мой дом с оружием, — сказал Мур. — Мы боролись, я вырвал у него пистолет и застрелил его. При самозащите.

— Тот же самый пистолет применялся в трех *других* убийствах, — сказал Браун.

— Я ничего не знаю про другие убийства. В любом случае это было не *убийство* , это была самооборона.

— Я думал, что вы студент медицинского факультета, — сказал Клинг.

— Что?

— А вы, кажется, учитесь еще и на юридическом?

— Я просто знаю разницу между хладнокровным убийством и самозащитой.

— Это было хладнокровное убийство, когда вы убили Салли Андерсон? — спросил Карелла.

— Я не убивал Салли.

— А Пако Лопеса?

— Я не знаю никакого Пако Лопеса.

— А как насчет Марвина Эдельмана?

— Я никогда не слышал про такого.

— Тогда как вы объясняете то, что у вас в кухне нашли алмазы?

— Я купил их на деньги, которые выручил от продажи шести килограммов.

— У кого вы купили их?

— Какое это имеет значение? Разве покупка алмазов противозаконна?

— Только в том случае, если вы убиваете того, у кого купили.

— Я купил их у человека, имени которого никогда не знал.

— Анонимный торговец алмазами, да? — спросил Мейер.

— Проездом из Амстердама, — сказал Мур и кивнул.

— Как вы нашли его?

— Он сам нашел меня. Он прослышал, что у меня имеется наличность.

— Сколько наличных денег?

— Я купил восемь килограммов за четыреста тысяч.

— Нормальная сделка, — сказал Браун.

— Говорю вам, тот человек оказал мне любезность.

— Тот человек в Майами?

— Да.

— Как его звали?

— Я не обязан вам докладывать. Он оказал мне любезность, зачем же я буду создавать ему проблемы?

— Любезность за то, вы спасли жизнь его сыну, верно? — спросил Мейер.

— Верно. Парнишка поперхнулся и чуть не задохнулся. Я применил прием Геймлиха. Отец его сказал, что хочет меня отблагодарить.

— И таким образом вы начали заниматься торговлей наркотиками, верно? — сказал Браун.

— Да, так.

— Где вы раздобыли четыреста тысяч?

— Получил от матери. Эти деньги оставил ей отец.

— У нее под матрасом лежали четыреста тысяч, так?

— Нет. Часть денег была в фондах денежных рынков, остальные — в ценных бумагах. Она получала приблизительно тринадцать процентов, я обещал ей пятнадцать процентов через месяц.

— Вы вернули ей деньги?

— Все до цента.

— С процентами?

— И пятнадцать процентов.

— Вы отдали ей… Сколько получается, Арти?

— Пятнадцать процентов от четырехсот тысяч?

— За месячный срок.

— Это составляет пять тысяч долларов, — сказал Мур.

— Вы вернули четыреста плюс пять, так? — спросил Карелла.
— Так.
— Когда?
— В конце сентября. Я отдал матери деньги вскоре после того, как была поставлена «Жирная задница».
— Это время ушло у вас на то, чтобы расфасовать и перепродать эти восемь килограммов?
— Только шесть.
— Сколько вы получили за продажу шести килограммов?
— Двенадцати — к тому времени, когда я расфасовал их. Я получил шестьдесят тысяч за килограмм.
— Сколько это получается, Арти? — спросил Карелла.
— Получается семьсот двадцать тысяч долларов, — сказал Мур.
— И вы вернули четыреста пять тысяч матери?
— Да.
— И у вас осталось…
— Триста пятнадцать тысяч.
— Из них триста тысяч вы потратили на покупку алмазов у Эдельмана.
— Я не знаю никого по имени Эдельман, — сказал Мур.
— Но именно столько вы потратили на алмазы, которые купили, так?
— Около того.
— Купили у этого голландца, который оказался здесь проездом, так?
— Так.
— Что вы получили за свои деньги?
— Около двадцати пяти каратов. Я получил скидку, потому что это была сделка за наличные.
— Итак, сколько камней вы купили?
— Около трех дюжин. По большей части это камни в четверть и полкарата. Несколько камней по одному карату. Всяких размеров и огранок: американской, европейской — ну, вы видели.
— Как раз столько, чтобы наполнить ванночку для льда, так?
— Ну, об этом я не думал тогда.
— Квартирный вор всегда начинает поиски спрятанных денег с холодильника, — сказал Мейер.
— Я ничего не знаю про квартирных воров.
— Почему вы закупили алмазы?
— Это хорошее вложение денег. За последние тридцать лет — перед тем, как ситуация ухудшилась, — алмазы поднялись в цене более чем на тысячу процентов. Я предположил, что они снова, подорожают.
— Да вы просто предприимчивый молодой бизнесмен, правильно я понял? — заметил Браун.
Мур промолчал.
— Где вы продавали эти шесть килограммов?
— Я не обязан вам докладывать.
— Почему вы отложили другие два килограмма?
— Это была идея Салли. Она считала, что мы заработаем больше, если продадим их дилерам граммов.
— Таким, как Пако Лопес.
— Я не знаю никого по имени Пако Лопес. Салли считала, что это может занять больше времени, но в конце концов мы, возможно, получим лишние пятьдесят тысяч от продажи этих двух килограммов. Продавая их по унции дилерам граммов.
— Еще один предприимчивый молодой бизнесмен, — заметил Браун.

— Молодая бизнесменша, — поправил Мейер.

— Предпринимательница, — предложил свою версию Клинг.

— Почему вы решили убить всех этих людей? — спросил Карелла невзначай.

— Я не убивал никого, кроме того, кто вломился в мой дом, — сказал Мур. — И это была самооборона. Он явился с пистолетом, мы боролись, я вырвал у него пистолет и застрелил его. Он тоже пытался застрелить меня. Это была самооборона.

— Он знал, что у вас было два килограмма наркотиков, так?

— Я не знаю, *что* ему было известно. Во всяком случае у меня хранилось меньше двух килограммов. Мы то и дело брали оттуда понемногу с тех пор, как я вернулся из Майами.

— И продавали в городе там и сям.

— Этим занималась Салли.

— Обделывала делишки по поставкам, по воскресеньям, так?

— Да.

— Запись *«Дел»* в ее ежедневнике означала *«делишки по поставкам»* , так? А не «деликатесы». *«Делишки».*

— Да, *«делишки».*

— Пако Лопес связал ее с другими дилерами граммов, с которыми…

— Я не знаю никакого Пако Лопеса.

— Почему вы убили его самым первым?

— Я не знаю, о ком вы говорите.

— Почему вы убили Салли?

— Я не убивал ее.

— И Эдельмана.

— Я не знаю, кто такой Эдельман. Вы взяли меня на наркотиках. Предъявляйте мне обвинение в связи с наркотиками. Я убил вооруженного взломщика в качестве самообороны. Я не знаю, что вы можете на меня навесить по этому делу…

— Попробуем тяжкое преступление, — сказал Карелла.

— Если самозащита является тяжким преступлением, то это замечательно. Но присяжные никогда…

— Вы случайно не являетесь также экспертом по системе правосудия с судом присяжных? — спросил Мейер.

— Я не являюсь экспертом ни по какому вопросу, — ответил Мур. — Я просто увидел, что можно сделать хорошее вложение капитала, и воспользовался случаем.

— И затем вы решили защитить свое вложение, убив…

— Единственный человек, которого я убил, это тот, что ворвался в мою квартиру.

— Он знал, что найдет у вас алмазы?

— Мне неизвестно, что он знал.

— Просто ворвался к вам в дом, и все?

— Это случается у нас в городе сплошь и рядом.

— И он не знал, что у вас есть алмазы, не знал, что у вас есть наркотики?

— Я никогда не видел его прежде. Откуда мне знать, зачем он явился? Он ворвался с пистолетом. Мы стали бороться…

— Да. И вы вырвали пистолет у него и застрелили его.

— Да.

— Человек этот огромный, как медведь. Как вам удалось вырвать у него пистолет?

— Я умею обращаться с оружием.

— Слишком хорошо умеете, — сказал Карелла и вздохнул. Он посмотрел на часы на стене. Было без десяти двенадцать. — Ладно, — сказал он. — Давайте еще раз пройдем все детали.

* * *

Она чувствовала себя глупо с пистолетом в бюстгальтере.

Пистолет был «лама» двадцать второго калибра, шестизарядный, — достаточно смертоносное оружие. Его общая длина была четыре и три четверти дюйма: он был так мал, что помещался у нее на груди. Он весил всего тринадцать с половиной унций. Казалось, однако, что в бюстгальтере лежит тринадцать с половиной *фунтов* . Кроме того, металл был холодным.

Наверное, потому, что она не застегнула три верхние пуговицы. На случай, если надо будет срочно достать пистолет. На ней была черная накидка с капюшоном, которую развевал ветер, дувший, казалось, с Северного полюса прямо ей в грудь. И левая, и правая груди стали холодными, и соски — тоже да еще напряглись. Возможно, от смертельного страха.

Ей не нравился план — она сказала им об этом с самого начала. После пробной прогулки сегодня днем она высказала им свои замечания. Прогулка заняла у нее восемь минут. Восемь минут пути через парк по петляющей дорожке, которая пересекала его наискосок. Она шагала достаточно быстро, той торопливой походкой, которой женщина — одна в полночь — пошла бы через пустынный парк. А может быть, чуть быстрее. Она просила, чтобы ей предоставили *классическое сопровождение* , когда один из страхующих идет впереди, а другой — позади, на достаточно близком расстоянии. Оба страхующих были старожилами из участка китайского квартала, оба были детективами первой степени. Абрахамс («Называйте меня просто Морисом», — сказал он ей еще в участке, когда они разрабатывали стратегию) утверждал, что любой идущий человек отпугнет насильника, если последний появится спереди. Макканн («Я Микки», — сказал он ей) уверял, что если насильник приблизится сзади, то заметит страхующего и откажется от задуманного. Эйлин понимала, что их соображения убедительны, но ей по-прежнему не нравилось, как они хотели проводить операцию. А они хотели расположиться в самом начале и в самом конце дорожки, с двух сторон парка. Это означало, что если насильник совершит нападение, когда она будет на полпути через парк, как он делал уже трижды, то она окажется на расстоянии в четыре минуты от любого из них. Или в три минуты, если мчаться во весь опор.

— Если я не справлюсь с ним, — сказала она, — вы не успеете добежать до меня. Почему бы вам не спрятаться где-нибудь под деревом в середине парка? Ведь три последних нападения он совершил именно там. Если вы затаитесь под деревом, вы будете от меня ближе чем в четырех минутах.

— В трех минутах, — сказал Абрахамс.

— Ведь именно там он нападал последние три раза, — снова сказала она.

— А если он разведает территорию заранее? — спросил Макканн.

— И увидит, что двое притаились под двумя деревьями? — спросил Абрахамс.

— Он откажется от затеи, — сказал Макканн.

— У вас в сумочке будет передатчик, — сказал Абрахамс.

— Он мне очень поможет, если насильник ударит мне в глаз ледорубом, — невесело усмехнулась Эйлин.

— Ваш передатчик включается с голоса, — сказал Макканн.

— Замечательно, — сказала Эйлин. — А это поможет вам добежать быстрее? Даже если я заору благим матом, все равно быстрее чем через три минуты вы не прибежите с другого конца парка. Через три минуты вы сможете внести мое имя в общую статистику жертв.

Абрахамс рассмеялся.

— Очень смешно, — рассердилась Эйлин. — Только мы говорим про мою жизнь.

— Этот приемник очень чувствительный: он слышит шепот с двадцати пяти футов, — сказал Макканн.

— Ну так что? — сказала Эйлин. — Вам все равно потребуется три минуты, чтобы добежать до меня оттуда, где вы хотите расположиться. Послушайте, Морис, почему бы вам не отправиться через парк вместо меня? Или вам, Микки? А я посижу на краю парка,

послушаю радио, хорошо?

— Что же вы хотите от нас? — спросил Макканн.

— Я сказала. Про деревья. Спрячьтесь под деревьями.

— Это не отвечает нашей задаче. Насильник вначале прочешет парк, увидит нас, поймет, что мы в засаде. Вот что вы хотите. Тогда лучше вообще забыть про наш план.

— Пусть продолжает насиловать сестричек милосердия, — сказал Абрахамс.

Оба посмотрели на нее.

— Ладно, — сказала она и вздохнула.

— Лучше снимите серьги, — сказал Макканн.

— Я буду в сережках, — сказала она.

— Медсестры не носят серьги. Я никогда не видел медсестру с серьгами. Он заметит их.

— Я буду в сережках, — упрямо сказала она.

* * *

«Ну вот, началось, — подумала она. — Мне, конечно, страшно. Зато на мне мои „счастливые“ сережки. И пистолетик в лифчике. И еще пистолет в сумочке. Рядом с передатчиком, который работает на УКВ, включается с голоса и слышит шепот за двадцать пять футов, если верить Макканну. А Макканн сейчас находится на юго-восточном конце парка, ему до меня бежать две с половиной минуты. А Абрахамс сейчас на северо-западном конце, этому до меня три с половиной минуты».

Если насильник нападет, думала она, то произойдет это как раз здесь, на полпути через парк, вдали от уличных фонарей. По обеим сторонам дорожки — сосны, ели, покрытый снегом парк. Он выпрыгнет из-за деревьев, набросится, утащит ее за деревья, как тех других. Именно здесь он нападал последние три раза. Именно здесь он должен напасть сейчас. Описания насильника были самые разные, спорные — так всегда бывало, когда речь шла об изнасиловании. Одна жертва сказала, что он был черный, другая — белый. Девушка, которой он выколол глаза, рассказала, рыдая, что он был низенький и приземистый, как горилла. Две другие медсестры настаивали, что он высокого роста, стройный и мускулистый, как штангист. По одному описанию на нем был официальный костюм, по другому — он носил черную кожаную куртку с джинсами, по третьей версии он был в тренировочном костюме. Одна медсестра сказала, что ему примерно сорок пять лет. Другая утверждала, что он не старше двадцати пяти. Третья вообще ничего не могла сказать про возраст. Первая медсестра, которую он изнасиловал, сказала, что он блондин. Вторая сказала, что на нем была бейсбольная шапочка. Вторая — это та, которой он выколол глаза. У Эйлин стала влажной ладонь, лежавшая на рукояти пистолета в сумочке.

Всегда, когда Эйлин оказывалась в трудной ситуации, у нее потели ладони. А у Макканна не потеют ладони? — подумала она. Теперь от Абрахамса ее отделяли уже три минуты. Она подумала: слышит ли он через передатчик, как каблучки ее сапог стучат по асфальту? Дорожка была расчищена от снега, но кое-где была наледь, и она сейчас обходила вокруг наледи и глядела вперед, в темноту. Глаза уже привыкли к темноте, и ей показалось, будто что-то мелькнуло впереди между деревьями. Она замерла на месте. Но только на секунду: хорошая приманка должна двигаться прямо в лапы к нападающему.

Вначале ей показалось, будто кто-то насвистывает.

Она сжала рукоять пистолета.

Кто-то свистел?

Она все шла и шла, вглядываясь в темноту, миновала середину пути. Макканн сейчас находился позади нее на расстоянии чуть больше трех с половиной минут. Абрахамс находился в противоположном конце, в двух с половиной минутах, но все же слишком далеко. И вдруг она увидела мальчишку на роликовой доске. Он катился навстречу, насвистывая, умело поворачивая доску то к левому, то к правому краю дорожки. Он не мог

быть старше тринадцати или четырнадцати лет, он был без шапки, в синей лыжной куртке и джинсах, он держал руки на поясе для равновесия и насвистывал в свое удовольствие в тишине зимнего парка. Она улыбнулась и расслабила руку, сжимавшую пистолет.

И вдруг он повернул доску к ней, согнул ноги в коленях, наклонившись всем телом на одну сторону, так что доска выскользнула из-под него и своей нижней стороной с колесиками ударила ее по обеим голеням. Она стала вытаскивать пистолет из сумки, но тут он ударил ее кулаком в лицо. Пистолет выстрелил в сумке, пробив кожу, сигареты, жевательную резинку и салфетки, но не передатчик. Ах, только бы передатчик остался цел!

Она рефлекторно снова стала нажимать на курок. Выстрелы опять разорвали тишину. Облачко пара от ее дыхания смешалось с их облачком. Ей вспомнилось: *сила — неотъемлемая часть психологической игры* . Он ударил ее кулаком в грудь. Ей вспомнилось: *ожидание побоев и насильственной смерти* . Пистолет выстрелил в третий раз. Он ударил ее кулаком в губу. *Но он всего лишь мальчишка* . У нее во рту был вкус крови. Он схватил ее за правую руку, стал выворачивать.

— Брось пистолет!

Она выпустила оружие, и пистолет упал на асфальт. Она попыталась подняться на ноги, но он с силой отбросил ее на асфальт. Когда он кинулся на нее сверху, она ударила его каблуком по бедру — несколько ниже, чем хотела. Сколько уже прошло секунд? Где Макканн? Где Абрахамс? Она говорила им, что их план не годится. Он стал раздвигать ей ноги и бить ее по щекам. Боль от пощечин была почему-то сильнее, чем от ударов кулаками. Огромные мозолистые руки. Ее голова дергалась в сторону при каждом ударе. Всем телом он навалился ей на грудь. И тут она вспомнила про пистолетик в лифчике.

Эйлин попробовала вывернуться. Он прижал ее руки коленями к земле. Она повернула в сторону голову, стараясь избежать пощечин, и увидела свою белую шапочку медсестры на дорожке. Она не могла высвободить руки, не могла дотянуться до пистолета.

Вдруг пощечины прекратились. Была только тишина. Он потянулся к воротнику белой формы медицинской сестры. Он разорвал ее спереди, сунул руку под бюстгальтер и снова застыл. Он увидел пистолет. Его молчание теперь пугало ее больше, чем приступ ярости чуть ранее. *Один* пистолет означает, что умная женщина боится ходить по парку в темное время суток. *Второй* пистолет, спрятанный в бюстгальтере, означает только одно — эта женщина из полиции. Он переместил тело вбок. Она поняла, что он потянулся к карману брюк. Она догадалась: там какое-то оружие. И она подумала: «Он *сейчас выколет мне глаза»* . Она воспользовалась тем, что он переместил тело вбок и сунул правую руку в карман. Она тотчас приподняла левое плечо и изо всех сил подтолкнула его, тем самым усиливая движение, которое начал он сам. И он свалился в сторону.

Ею правая рука все еще была у него в кармане, когда она поднялась на ноги. Он покатился ей под ноги, вынимая руку из кармана, раскрывая кнопочный нож. А она выхватила из лифчика «ламу». Она знала, что убьет его, если он пошевелится. Он увидел пистолет у нее в руке, направленный на его голову. Может быть, он также увидел, как она смотрела на него, хотя ночь была безлунная. Впоследствии, когда она вспоминала про этот случай, ей казалось, что топот бегущих с двух сторон полицейских не был решающим.

Он уронил нож.

— Не убивайте меня, — сказал он.

— Вы как? В порядке? — спросил Абрахамс.

Она кивнула. Она никак не могла отдышаться. Теперь пистолет у нее в руке дрожал.

— Я чуть не прикончила его, — прошептала она.

— Что? — спросил Абрахамс.

— Он же мальчишка, — прошептала она.

— По-моему, надо вызвать «скорую», — сказал Макканн. — Мне кажется, что она…

— Со мной все в порядке! — яростно воскликнула она, и оба полицейских вытаращили на нее глаза. — Со мной все в порядке, — сказала она помягче и вдруг почувствовала слабость. Меньше всего ей хотелось упасть в обморок перед этими двумя лопухами из

участка китайского квартала. Ей удалось отдышаться, головокружение прошло, и она слабо улыбнулась.

— Что же вы задержались, ребята? — сказала она.

* * *

Они закончили допрашивать Мура только в четверть второго, и Клинг добрался домой только в два часа ночи. Им удалось вытянуть из Мура главным образом то, что ожидали: только то, в чем он решил сознаться. Приблизительно через восемь часов Карелла и Мейер отправятся с Муром в суд, где клерк приготовит краткий иск с перечнем обвинений. На основании этого так называемого желтого листа чуть позднее утром ему будет предъявлено обвинение, и все это будет подшито к делу. Теперь оставалось только ждать, когда начнут неторопливое вращение жернова правосудия.

Он очень устал. Но как только пришел домой, тотчас набрал номер Эйлин. Никто не ответил. Он послушал двенадцать гудков, повесил трубку, снова набрал номер — на этот раз медленно и аккуратно — и послушал двенадцать гудков. Опять никто не ответил. Он полистал справочную книгу, нашел телефон Франка Райли, человека, который учился с ним в полицейской академии и который теперь работал детективом второй степени в участке китайского квартала. Он набрал номер участка, назвался дежурному сержанту и спросил, есть ли какие сведения о результатах засады у памятника Уорту. Дежурный сержант не знал ничего про засаду. Он соединил Клинга с комнатой детективов, где тот переговорил с усталым детективом из ночной смены. Детектив сказал, что слышал про засаду: все прошло по плану, но подробностей он не знает. Когда Клинг спросил, все ли в порядке с детективом по фамилии Берк, тот ответил, что в отряде китайского квартала не числится такой сотрудник.

Он размышлял, кому бы еще позвонить, когда в дверь постучали.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, — ответила она. Голос был усталый и очень тихий.

Он снял дверную цепочку, отодвинул засов и отворил дверь. На ней был морской бушлат, синие джинсы и черные сапоги. Ее длинные рыжие волосы были распущены. Но даже в неярком свете прихожей он разглядел, что лицо ее в синяках и распухла губа.

— Ничего, что я пришла? — спросила она.

— Входи, — сказал он. — Ты сама *как?*

— Устала, — сказала она.

Он запер за ней дверь и навесил цепочку. Когда он обернулся, она уже сидела на краю постели.

— Как прошла операция? — спросил он.

— Мы взяли его, — сказала она. — Мальчишке четырнадцать лет. Я могла застрелить его.

Их глаза встретились.

— Ты совсем не хочешь утешить даму? — спросила она.

Глава 15

В других городах это называется: «первая явка». А у нас — «предъявление обвинения». И в других городах, и у нас имеют в виду тот первый раз, когда обвиняемый появляется в зале суда и встречается с судьей.

Детективы заранее обговорили свою стратегию с помощником окружного прокурора, назначенного вести дело. Они знали, что адвокат Мура будет советовать ему отказываться от всех обвинений. Однако они были уверены, что от обвинения в связи с наркотиками ему уйти не удастся. При этом его причастность к убийствам была более скользким вопросом. Они боялись, что попадется мягкий судья, который примет уверения Мура, что тот убил

брата Антония в рамках самозащиты, и назначит умеренную сумму залога за нарушение закона о наркотиках. Они знали, что баллистическая экспертиза пистолета «смит-и-вессон» не будет завершена до следующей недели, когда дело будет рассматривать большое жюри. И тем не менее они решили присовокупить к своему обвинительному иску три дополнительных пункта в совершении убийства первой степени — они надеялись, что под давлением количества и тяжести предъявленных преступлений судья откажется отпустить Мура под залог. Если пистолет, из которого был убит брат Антоний, окажется тем самым пистолетом, из которого вылетели смертельные пули, попавшие в Пако Лопеса, в Салли Андерсон и в Марвина Эдельмана, тогда возникала вероятность, что большое жюри произнесет свое веское слово по всем *четырем* убийствам. Когда дело дойдет до суда, тогда в качестве защиты у Мура останется только его собственная речь. Больше никаких шансов избежать бесчисленных дней в заключении у Мура не будет. И важнее всего теперь было принять меры к тому, чтобы он не вышел на свободу из зала суда. Они были убеждены, что если Муру будет предоставлен залог, то они его больше никогда не увидят.

Слушать дело был назначен Певец свободы Уилбор Харрис.

Помощник судьи по прозвищу Дирижер, сидел напротив кресла Харриса и зачитывал имя подозреваемого, а затем все обвинения, выдвинутые против него. Харрис поглядел поверх очков и спросил:

— Верны ли эти обвинения, офицер?

— Да, ваша честь, — сказал Карелла.

Перед судейским креслом стояли четверо: Карелла с помощником окружного прокурора и Мур со своим адвокатом. Харрис обернулся к Муру.

— Дело может слушаться в этом суде, — сказал он, — или может быть отложено, чтобы вы Могли нанять адвоката либо пригласить свидетелей, или вы можете отказаться от слушания. В последнем случае дело отправится на слушание при большом жюри присяжных. У вас есть адвокат?

— Да, ваша честь, — сказал Мур.

— Он присутствует здесь?

— Я представляю подозреваемого, — сказал адвокат Мура.

— А-а, мистер Вилкокс! — воскликнул Харрис. — Как это я не признал вас сразу?

— Мое почтение, ваша честь, — улыбнулся Вилкокс.

— Признаете ли вы себя виновным по этим обвинениям? — сказал Харрис, обращаясь к Муру. — Первый пункт, о хранении запрещенного вещества первой степени в нарушение закона, раздел 220.21.

— Не виновен, ваша честь, — сказал Мур.

— По второму, третьему, четвертому и пятому пункту, об убийстве первой степени, раздел 125.27.

— Не виновен, ваша честь, — сказал Мур.

— Учитывая предстоящее слушание в присутствии большого жюри присяжных, — произнес Вилкокс, — могу ли я в настоящее время просить о предоставлении залога подзащитному?

— Человеку предъявлено обвинение в *четырех* убийствах первой степени! — воскликнул Харрис с удивлением.

— Он действовал в рамках самозащиты, по первому пункту, ваша честь. И он не имеет никакого отношения к трем другим убийствам.

— Мистер Делмонико? — сказал Харрис, повернувшись к помощнику окружного прокурора.

— У нас имеются веские основания полагать, что одно и то же оружие было использовано во всех четырех убийствах, ваша честь.

— Какие веские основания? — спросил Харрис.

— У детектива Кареллы есть донесения из отдела баллистики, показывающие, что то же самое оружие использовалось при убийствах Пако Лопеса, Салли Андерсон и Марвина

Эдельмана.

— Как насчет того, другого?.. — сказал Харрис. — Антонио Скальцо.

— Человека убили…

— Пистолет сейчас находится…

— Говорите по одному, — сказал Харрис.

— Человек был убит в рамках самозащиты, ваша честь, — сказал Вилкокс. — Он был вооружен, когда ворвался в квартиру подзащитного. Между ними произошла борьба, во время которой мой клиент разоружил его и застрелил. В рамках самозащиты.

— Мистер Делмонико?

— Пистолет находится в отделе баллистики, ваша честь. Мы получим отчет к слушанию при большом жюри на следующей неделе.

— Почему вы думаете, что это один и тот же ствол? — спросил Харрис.

— Это «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра, ваша честь. Та же марка и калибр пистолета, применявшегося в трех предыдущих убийствах. Один и тот же ствол во всех трех убийствах.

— Но вы не знаете, применялся ли этот пистолет в *четвертом* убийстве.

— Пока нет, ваша честь.

— Ваша честь… — обратился к судье Вилкокс.

— Ваша честь… — перебил его Делмонико.

— Минуточку, — сказал Харрис. — Мистер Вилкокс?

— Ваша честь, — сказал мистер Вилкокс, — в настоящее время отсутствует баллистическая экспертиза, которая могла бы связать ствол, примененный в предыдущих убийствах, с выстрелами, имевшими место вчера в квартире моего клиента. Но если бы и *были* такие результаты экспертизы, то мы бы стали утверждать, что ствол принадлежал Антонио Скальцо, но *не* моему клиенту.

— Мистер Делмонико?

— Ваша честь, — сказал Делмонико, — мы ожидаем в ближайшее время отчет о баллистической экспертизе. Как бы то ни было, учитывая серьезность предъявленных обвинений, я смею утверждать, что предоставление залога в данном случае нецелесообразно.

— Ну, решать буду я, — сказал Харрис.

— Да, ваша честь, разумеется.

— Предоставляется залог в размере ста тысяч долларов, — сказал Харрис.

— Сумма залога нас устраивает, ваша честь, — сказал Вилкокс.

— Очень хорошо, уведите подзащитного.

— Можно мне перемолвиться с клиентом? — спросил Вилкокс.

— Отведите его в сторонку. Слушаем следующее дело.

Пока Дирижер зачитывал имя следующего подзащитного и выдвинутые против него обвинения, Карелла наблюдал, как Вилкокс шепчется с Муром. Вилкокс был хорошим адвокатом. Карелла знал, что они заранее обсуждали сумму приемлемого залога с Муром. Сейчас им надо было внести десять тысяч долларов наличными, а потом остальное. Это не так трудно, если у тебя двадцать пять каратов алмазов стоимостью триста тысяч долларов. А может быть, Вилкокс просто позвонит матери Мура домой в Майами и попросит сделать телеграфный перевод на сто тысяч долларов? Как бы то ни было, Мур сегодня сможет расслабиться в муниципальном месте заключения на Дейли-стрит или в тюрьме на острове Парсонс, посреди реки Дикс. К ночи он выйдет на свободу. Карелла наблюдал, как выводили Мура. Он наблюдал, как Вилкокс обменялся парой слов с поручителем за залог. Он почти не употреблял итальянских выражений, но на языке вертелась фраза: «La comedia e finita». *Комедия окончена*. Он пошел через зал суда к Делмонико и Мейеру.

— Я говорил вам, — сказал Мейер, — нет справедливости в этом мире.

Но, может быть, справедливость все-таки была.

* * *

Почти все уже было собрано.

В основном он уже все собрал вчера, когда ему помешал человек, облаченный в рясу монаха, которого, как он теперь узнал, звали Антонио Скальцо. Ничего не изменилось. Он по-прежнему хотел убраться отсюда поскорее — из этого города и из этого штата, во всяком случае. А может быть, и из этой страны. Произошло только одно изменение. Его мать отдала сто тысяч долларов в качестве залога. Ну, это совсем небольшая сумма за его свободу. Конечно, он вернет ей деньги, как только устроится где-нибудь.

Когда он вынимал флаконы с одеколоном и другие туалетные принадлежности из шкафчика в ванной комнате, он снова вспомнил эту небольшую сцену с детективами-умниками из 87-го участка. Четверо детективов играли с ним в кошки-мышки, и при этом каждый знал, что у них нет никаких шансов пришить ему три убийства. Разве что он упадет перед ними на колени и сознается сам. У него был соблазн забыть про побег, попробовать предстать перед присяжными. Они бы поверили в его самооборону, и он бы отсидел коротенький срок, может быть, года два в тюрьме за наркотики. Но он полагал, что не бывает *коротеньких* тюремных сроков. *Любой* срок в тюрьме был *очень долгим* сроком. Лучше поступить следующим образом. Выйти под залог, выбраться из страны, использовать бриллианты… Но, увы, сколько трудов коту под хвост! Два года учебы на медицинском факультете, и напрасно! Ах, что бы сказал отец, если бы был жив?.. Ну, папа, подумал он, я увидел некий шанс и попытался им воспользоваться. И все бы могло получиться. И деньги бы у меня были, и диплом врача… Я все продумал, никому бы это не повредило, если бы только…

Если бы только не барышня, которой я доверился.

Салли.

Неужели я написал бы ей письмо, если бы сомневался?

Думал, что могу доверять ей. Она сказала, что не надо продавать весь порошок сразу, и мы можем… Но кто тогда вообще хоть что-нибудь знал про кокаин? Я был ребенком, заблудившимся в лесу Майами, а Портолес взял меня за руку и повел за собой. Я сделаю тебя богатым, дружище, за то, что ты спас моего сына. Опробовал за меня порошок. В ту пору я даже это не умел. Я заплатил пятьдесят тысяч за килограмм, даже не спросил, *настоящий* ли он. Роданистый кобальт. Синяя реакция. Что он тогда сказал? Чем ярче синий цвет, тем лучше девица. Называл так кокаин. Девицей. Чище не найдешь, говорил он. Теперь все твое. Да, порошок стал моим. И Салли им владела тоже отчасти. Она сказала, что надо отложить пару килограммов, продавать их по унциям. Она знала кого-то, кто мог бы заинтересоваться им. Кто перепродавал бы его клиентам. Она знала про кокаин столько, сколько мне никогда не узнать. Она сказала, что открыла кокаин еще до того, как он вошел в моду. Еще тогда, когда училась танцевать в Лондоне: они нюхали сладкую пудру вместе с ее дружком, который играл на гобое. А потом она нюхала порошок с другим хахалем и занималась с ним любовью, с этим сморчком, но разве я догадывался тогда об этом? Я ей доверял. Есть одно в жизни, чему доверять нельзя: это женщина в постели. Раздвинь ей ноги, и тайны вылетают из нее как бабочки. Рассказала все этому сморчку. Рассказала про наш тайничок, про два килограмма кокаина, которые мы доили. Про нашу страховку, как она их называла. Ясное дело.

Он застегнул сумку с туалетными принадлежностями и отнес к открытому саквояжу в спальне. Он стоял и глядел в саквояж, словно пытался вспомнить, не позабыл ли о чем-нибудь. О пистолете? Забавно, как привыкаешь иметь под рукой пистолет, пользоваться им. Теперь он принадлежит полиции, к нему прикрепят ярлычок, как к улике. Но пользы от него будет немного, когда они узнают, что он сложил свои пожитки, двадцать пять каратов алмазов, чтобы обратить их в наличные в любом конце света. И все-таки…

И все-таки, если бы она не проболталась ему, если бы он не явился ко мне, этот гадкий пуэрториканец, не потребовал бы куска побольше, не угрожал бы пойти в полицию, если я не отрежу ему от пирога, от этих двух килограммов, маленький жадный гаденыш!.. Отдать

то, из-за чего я стольким рисковал?! Он сказал, что знает, что у меня в квартире где-то спрятаны алмазы. Он сказал, что хочет получить часть из них тоже, а не то отправится в полицию. Он сказал, что у него есть доказательство. Он сказал, что знает, как раздобыть доказательства. Письмо, конечно, она сохранила письмо. А я ей доверял. Что же мне оставалось? Отправляться в тюрьму из-за того, что Салли проболталась не тому любовнику?.. Салли в порыве страсти… О Господи, как она была хороша в постели! Ах, эти танцовщицы!

Я купил пистолет через два дня после его милого визита. Встретился с человеком, которому продал шесть килограммов, сказал ему, что мне нужен пистолет. Нет ничего проще, сказал он. Двести долларов. Я ни разу до этого не стрелял. Даже в руке не держал оружие. Хотел стать хирургом. У меня хорошие руки, не дрожат. Я знал, где живет этот мерзавец. Она ходила к нему каждое воскресенье. Я не знал, что *делишки* у них были заодно и в постели. Подкараулил его у дома, пристрелил. Запросто. Убил сморчка.

Ну, в общем, начинаешь дальше думать, как *защитить* все это. Не кокаин, не алмазы, но все вместе. *Будущее*. Я хотел стать врачом, папа. Я не просто прогуливался по жизни, я трудился, чтобы стать врачом, как ты хотел, папа! Я хотел стать доктором Тимоти Муром. И это надо было *защитить*... Понимаешь? А раз она проговорилась Лопесу, значит, ей больше доверять было нельзя. Разве не так? Много ли времени пройдет, прежде чем она догадается, что это я убил ее жадного «латиноса»? Так ли уж долго ждать, прежде чем она сама соберется в полицию? Нет, у меня не было выбора… Ах, радиоприемник! — вспомнил он. Вот что я не положил: радиоприемник.

Он пошел в гостиную — приемник стоял рядом с телефоном. Он взял приемник и любовно подержал его на ладони. Так просто… — подумал он. И через миллион лет никто не сумеет нащупать связь между убийством мелкого торговца кокаином… Ну, Салли, конечно, рано или поздно поняла бы. И именно поэтому мне пришлось поступить с ней так же. Понимаешь, папа? С ее помощью они бы сумели установить связь. С ее помощью они бы стали задавать мне вопросы… Ну, они и так задавали мне вопросы… Поэтому мне необходимо было обезопасить себя. Вот тут пришел на помощь радиоприемник. Мне нужно было, чтобы кто-нибудь мог сказать, что я говорил с ним по телефону и он слышал, как работает радио… Ах, старина Карл, ты когда-нибудь станешь хорошим врачом. Я снял трубку перед уходом из дома, позвонил ему из телефонной кабины, при этом со мной был работающий радиоприемник. Дважды звонил ему перед тем, как убить ее. Я ждал ее возвращения, позднего, как обычно. Снова позвонил ему после того, как убил ее, когда пришел домой, и то и дело звонил ему, и приемник все время работал. Ах, дружище Карл!

Он отнес приемник обратно в спальню и положил его в открытый саквояж. Еще что-нибудь? — подумал он. Я ничего не забыл? Так просто забыть что-нибудь, когда принимаешься за подобное дело… Так легко упустить какую-нибудь мелочь… Надо помнить обо всем, чтобы защитить себя, не отходя от главной цели… Да дело не в деньгах, я хотел стать *врачом!* Чуть не забыл про Эдельмана, про последнее звено в цепочке. Вспомнил про него позже. Предположим, какой-нибудь налоговый инспектор пожелает проверить его бухгалтерию, захочет узнать, кому он продал свои алмазы, двадцать пять каратов, триста тысяч долларов наличными. Кому ты продал их, кому? Если связать со мной еще эти деньги, то полицейские могли бы задать вопрос: откуда я получил такие деньги? Нет, спасибо. Я должен был защитить себя. Я должен был убить его. Как и всех остальных. Чтобы стать врачом. Как отец.

Он закрыл саквояж.

Ладно, подумал он.

Он огляделся.

Ну, вот и все, подумал он.

Он взял саквояж, вышел из спальни, затем закрыл за собой входную дверь и спустился по лестнице.

Она ждала его внизу в маленьком полутемном вестибюле.

— Опера еще не кончилась, пока Толстуха не спела, — сказала она.

Он нахмурился и хотел пройти мимо. Он подумал, что это какая-то выжившая из ума женщина. В этом городе полным-полно душевнобольных. Он удивился, когда увидел в ее руке раскрытую бритву. Он еще больше удивился, когда она замахнулась. Его охватил ужас, когда он понял, что открытая рана на шее кровоточит. Он прижал руки к горлу. Хлестала кровь.

— Извините, — сказала она.

Но он уже испустил дух. Он даже не смог произнести «папа».

* * *

Звонок из «Форта Филлис» последовал только в субботу утром. Во всем участке, на территории которого располагался университет Рэмси, была только одна улица с дурной славой, где прогуливались гомосексуалисты, но полицейские из 5-го участка тем не менее называли свое отделение «Фортом Филлис». Звонил детектив третьей степени по фамилии Доусон. Он хотел поговорить с детективом Кареллой.

— Это Доусон, — сказал он. — Пятый участок.

— Чем могу быть полезен? — спросил Карелла.

— Мы засекли убийство вчера вечером, резаная рана, в вестибюле дома на улице Челси-плейс. Убитого звали Тимоти Мур.

— Что? — сказал Карелла.

— Да, — сказал Доусон. — Потому-то я и звоню. Здесь со мной Чарли Никольс, он вчера был в суде, когда вы предъявляли обвинение этому парню. Он подумал, что, может быть, вам надо знать про это. Он подумал, может быть, это как-то связано с теми убийствами, которые вы расследуете. С теми, в которых вы обвиняли Мура.

— Как? — сказал Карелла.

— Ну, я не *знаю* , как, — сказал Доусон. — Я об этом хотел спросить *вас.*

— Резаная рана, вы сказали?

— Да. От уха до уха. Чистая работа.

На секунду Карелла вспомнил про Джудит Квадрадо.

— Какие-нибудь догадки есть? — спросил он.

— Пока никаких, — сказал Доусон. — Свидетелей не было. У парня с собой был пакетик с алмазами. Его выпустили под залог?

— Да, — сказал Карелла.

— Похоже, он хотел сбежать, а?

— Похоже.

— Как нам поступить?

— Я не понимаю вопроса.

— Передать это дело вам или нет?

«Ну, вот опять», — подумал Карелла.

— Позвольте, я поговорю с лейтенантом, — сказал он.

— Может быть, вы предъявили обвинение не тому, кому надо? — сказал Доусон. — Чарли сказал мне, что его обвиняли в четырех убийствах первой степени.

— Именно так, — подтвердил Карелла.

— Но, может быть, кто-то другой сделал это, — сказал Доусон. — Четыре убийства. Может быть, это был и не Мур в конце концов.

— Это был Мур, — уверенно произнес Карелла.

— Ну, как бы там ни было… — Доусон умолк.

— Я поговорю с лейтенантом, — сказал Карелла.

— Конечно, дайте мне знать, — сказал Доусон и повесил трубку.

В комнате детективов было слишком тихо для субботнего утра. Карелла встал из-за стола и подошел к автомату с водой. Он постоял у окна, глядя на солнечный свет и потягивая

воду из картонного стаканчика, потом скомкал стаканчик и бросил в корзину. Он пошел к кабинету начальника участка и постучал в дверь.

— Входите! — крикнул Бернс.

Карелла прошел в кабинет лейтенанта и закрыл за собой дверь. Он рассказал лейтенанту, что сейчас звонили из «Форта Филлис». Что кто-то перерезал горло Тимоти Муру от уха до уха, и это случилось в вестибюле его дома вчера вечером, и не было ни одного свидетеля, и полицейские из того участка спрашивали, как поступить, не передать ли дело в 87-й участок.

Бернс слушал очень внимательно. И потом надолго погрузился в задумчивость.

— Ни одного свидетеля, так? — спросил он наконец.

— Ни одного, — подтвердил Карелла.

— Пятый участок, так?

— Да.

— У нас своих проблем выше крыши, — сказал Бернс. — Пускай теперь *их* мамаши поволнуются.